Г. МЕЛВИЛЛ

МОБИ ДИК

Моби Дик
Герман Мелвилл

Аннотация
Герман Мелвилл. Моби Дик
Об этой книге и ее авторе
Глава первая. На горизонте — начало
Глава вторая. Нью-Бедфорд
Глава третья. В гостинице «Китовый фонтан»
Глава четвертая. Загадочный гарпунщик
Глава пятая. Квикег
Глава шестая. Утро
Глава седьмая. Мы повенчаны
Глава восьмая. Его жизнь
Глава девятая. В Нантакет
Глава десятая. «Пекод»
Глава одиннадцатая. Капитан Фалек и капитан Вилдад
Глава двенадцатая. Подпись Квикега
Глава тринадцатая. Пророк Илия
Глава четырнадцатая. Приготовления
Глава пятнадцатая. На борту
Глава шестнадцатая. Паруса поставлены
Глава семнадцатая. В защиту китобоев
Глава восемнадцатая. Рыцари и оруженосцы

Глава девятнадцатая. Капитан Ахав
Глава двадцатая. Стычка на шканцах
Глава двадцать первая. Трубка Ахава
Глава двадцать вторая. Сон Стабба
Глава двадцать третья. Обед в кают-компании
Глава двадцать четвертая. Дозорный на мачте
Глава двадцать пятая. Золотая монета
Глава двадцать шестая. На закате
Глава двадцать седьмая. В сумерки
Глава двадцать восьмая. Поздний вечер
Глава двадцать девятая. Полночь
Глава тридцатая. Моби Дик
Глава тридцать первая. Слышишь?
Глава тридцать вторая. Ахав склонился над картами
Глава тридцать третья. Первая схватка
Глава тридцать четвертая. Четвертое завещание
Глава тридцать пятая. Вельбот Ахава
Глава тридцать шестая. Фонтан на горизонте
Глава тридцать седьмая. Встреча с «Альбатросом»
Глава тридцать восьмая. Повесть о Стилкилте и Рэдни
Глава тридцать девятая. Гарпунный линь
Глава сороковая. Спрут
Глава сорок первая. Стабб убивает кашалота

Глава сорок вторая. По поводу метания гарпуна
Глава сорок третья. Ужин Стабба и проповедь кока
Глава сорок четвертая. Избиение акул
Глава сорок пятая. Разделка туши
Глава сорок шестая. Похороны
Глава сорок седьмая. Архангел Гавриил с «Иеровоама»
Глава сорок восьмая. Презренная добыча и разговор двух командиров
Глава сорок девятая. Такова жизнь, мой друг!
Глава пятидесятая. Встреча с «Благоухающей розой»
Глава пятьдесят первая. Покинутый
Глава пятьдесят вторая. Рассказ однорукого капитана
Глава пятьдесят третья. Старый плотник делает новую ногу
Глава пятьдесят четвертая. Ахав и Старбек
Глава пятьдесят пятая. Квикег в своем гробу
Глава пятьдесят шестая. Гарпун Ахава
Глава пятьдесят седьмая. Счастливчик «Холостяк» возвращается домой
Глава пятьдесят восьмая. Ночной разговор
Глава пятьдесят девятая. Разбитый квадрант
Глава шестидесятая. Буря

Глава шестьдесят первая. Мушкет
Глава шестьдесят вторая. Компас
Глава шестьдесят третья. Лаг
Глава шестьдесят четвертая. Спасательный гроб
Глава шестьдесят пятая. Встреча с безутешной «Рахилью»
Глава шестьдесят шестая. В капитанской каюте
Глава шестьдесят седьмая. Ахав несет вахту
Глава шестьдесят восьмая. Зловещий «Весель-чак»
Глава шестьдесят девятая. Глаза Федаллы
Глава семидесятая. Погоня. День первый
Глава семьдесят первая. Погоня. День второй
Глава семьдесят вторая. Погоня. День третий
Эпилог

Аннотация

Перевели с английского и пересказали для детей Д. Дар и В. Паперно.

Рисунки С. Острова.

Герман Мелвилл
Моби Дик

Об этой книге и ее авторе

Эту книгу написал американский писатель Герман Мелвилл. Он родился в 1819 году. Когда ему было 13 лет, его отец умер, оставив без всяких средств к существованию жену и восьмерых детей. Из Нью-Йорка семья переехала в маленький городок Олбени, где Герман, бросив школу, стал работать. Работал он рассыльным в банке, батраком на ферме, приказчиком в магазине. Урывками учился и очень много читал. В пятнадцать лет он уже принимал участие в диспутах местного филологического общества, состоявшего из адвокатов, учителей и журналистов.

Девятнадцатилетнего Мелвилла избирают президентом филологического общества. В это время он служил приказчиком в шляпном магазине своего брата. Но вскоре брат разорился и юный президент остался со своим почетным званием, но без гроша в кармане. Поиски работы привели его на борт пакетбота «Св. Лоуренс», где как раз требовался юнга.

Проплавав одно лето, Мелвилл вернулся в Америку и снова стал искать работу на берегу.

Но, то ли не мог найти себе дела по вкусу, то ли море уже заронило в его душу искорку, которая разгорелась затем неугасимым стремлением к морским странствиям, только зимой 1841 года начитанный и мечтательный юноша поступил матросом на китобойное судно «Акушнет».

В то время китобойный промысел был полон опасностей и приключений. Повстречавшись с китом, с корабля спускали шлюпки, на которых гонялись по океанским волнам за животным, пока не вонзали в его тело гарпун. Такая захватывающая дух погоня, постоянная борьба с морской стихией, вечный запах крови и ворвани, длительность плавания (иногда китобойцы по три-четыре года не возвращались в родной порт), привлекали к этому промыслу только самых отчаянных бродяг, беглых каторжников, пропойц, то есть тех, кому нечего было терять.

Вот в такой компании плавал Мелвилл полтора года. Капитан «Акушнета» оказался человеком жестоким и несправедливым. Кормили матросов плохо. Больные лежали без помощи. Плаванию не предвиделось конца.

Когда корабль приблизился к Маркизским островам и бросил якорь вблизи острова Нуку-Хива, а взорам матросов открылась цветущая райская

долина между высокими горными хребтами, Мелвилл решил бежать с корабля. Ему удалось благополучно высадиться на берег, и, опасаясь преследования, он с трудом перебрался через горный хребет в другую долину, еще более прекрасную, чем та, которую видел с корабля. Но эта долина оказалась населенной воинственным племенем людоедов — тайпи.

Карабкаясь через горы, Мелвилл сильно ушиб ногу; она распухла и болела. Он остался жить с дикарями-людоеда- ми. Спал в их хижинах. Ел их пищу. Бывал на их празднествах. Даже однажды видел, как, вернувшись с поля боя, вожди и воины племени съели своих убитых врагов — дикарей другого племени, гаппаров.

Четыре месяца прожил Мелвилл среди тайпи, и хотя они относились к нему вполне дружелюбно и многое в жизни дикарей показалось Мелвиллу справедливее и лучше, чем в жизни цивилизованного общества, но его мучила тоска по родине, по книгам, по интересным собеседникам. При первой возможности он бежал, и вскоре на палубе австралийского китобойца «Люси Энн», случайно подошедшего к острову Нуку-Хива, появился странный юноша. Он хромал, опирался на палку. Борода, как у старика. Волосы — до плеч.

Голое тело прикрыто яркой мантией, сплетенной из травы. Это был Герман Мелвилл.

Он нанялся на «Люси Энн» с правом взять расчет в ближайшей гавани. Он тогда еще не знал, что это старое суденышко охотится не столько за китами, сколько за матросами. Оно находилось в плавании уже много месяцев, но добыло всего двух кашалотов. Капитаном «Люси Энн» был молодой человек, боявшийся моря, китов, матросов и своего старпома, который, фактически командуя судном, был всегда пьян и каждый свой приказ сопровождал зуботычиной. Кормили команду совершенно протухшей солониной, в сухарях копошились черви. Из тридцати двух человек, составлявших экипаж китобойца, десять человек валялись больные в кубрике, а двенадцать бежали. Чтобы не убежали и остальные, капитан не разрешал матросам вы-саживаться на берег.

Вблизи острова Таити, на рейде гавани Паеэте матросы «Люси Энн» взбунтовались и отказались от дальнейшего плавания. Бунтовщиков, в числе которых был и Мелвилл, арестовали и, заковав в кандалы, пять суток продержали в темном кубрике французского фрегата. Но и после этого команда не захотела вернуться на свое судно.

Тогда всех заключенных отвезли на берег и поместили в тюрьму. У тюрьмы не было ни стен, ни крыши. Возле полуразвалив- шегося сарая было свалено на землю толстое дерево, распиленное вдоль ствола от основания до вершины. Между обеими половинами зажали ноги матросов, и ствол дерева стал для них общими кандалами.

Недели через три горемычная «Люси Энн», набрав с грехом пополам новую команду из числа беглецов с других кораблей, отправилась в дальнейшее странствие, а бунтовщики, завязав дружбу с охранявшим их туземцем, научились освобождаться из своих деревянных оков и весь день шатались по деревне, только на ночь возвращались в тюрьму.

Мелвилл каждый день приходил в гавань, мечтая наняться на какое-нибудь судно, которое направляется к американским берегам, но никто не хотел брать матроса из взбунтовавшейся команды. Чтобы как-то прожить, он нанялся батраком к двум молодым фермерам, обосновавшимся на ближайшем к Таити островке Муреа, среди дикой и непроходимой лесной чащи. Нередко на одинокую ферму нападали дикие быки и кабаны, и фермерам приходилось не столько обрабатывать землю, сколько сражаться с дики-

ми зверями.

Проработав на ферме некоторое время, Мелвилл взял расчет, сшил себе из бычьей кожи сандалии (у него не было никакой обуви), накрутил на голову чалму (тропическое солнце жгло невыносимо) и отправился бродяжить пешком. Он обошел весь остров Муреа, переправился на Таити, бродил из деревни в деревню, бывал на деревенских праздниках, похоронах, знакомился с обычаями туземцев и даже был принят таитянской королевой По- маре IV.

На Таити он пробыл больше года, пока не удалось наняться на китобойное судно «Чарльз и Генри» из американского города Нантакета. Но «Чарльз и Генри» направлялся не к Америке, а к Японии. Мелвилл высадился на Гавайских островах и некоторое время жил на берегу, поджидая то судно, на котором он мог бы попасть на родину. Таким судном оказался военный корабль «Соединенные Штаты», направлявшийся из Гонолулу в Бостон.

В 1844 году Мелвилл вернулся в Америку. В это время ему было двадцать пять лет. Почти четыре года он вел жизнь, полную опасностей и приключений, встречался с множеством людей, дышал воздухом экзотических стран. Устойчи-

вый пол его дома еще колебался под ногами, как палуба корабля, а он уже сел писать книгу о своих приключениях на острове Нуку-Хива. Эта книга называется «Тайпи». Имя Мелвилла стало известно читателям. Газеты называли его: «Человек, который жил среди людоедов».

Но одной книгой он не мог исчерпать и сотой доли тех впечатлений, которые накопил за время своих странствий. Для этого требовалось написать еще много книг, осмыслить все то, что он видел, сравнить жизнь цивилизованных народов с жизнью дикарей, понять смысл и бессмыслицу человеческих судеб.

Он поселяется в Нью-Йорке и целиком посвящает себя занятиям литературой: много пишет, еще больше читает и размышляет о пережитом. «До тех пор, пока мне не исполнилось двадцать пять лет, — писал он впоследствии в одном из своих писем, — я вообще не жил. Начало своей жизни я датирую с двадцать пятого года».

Вторая книга Мелвилла посвящена его приключениям на Таити. Она называется «Ому». Критики с уважением отзываются о двух первых книгах молодого писателя-путешественника. Читатели к нему благоволят.

Сразу же вслед за «Ому» он пишет еще две

книги. С каким-то исступленным упорством он приковывает себя к письменному столу, как некогда был прикован к деревянной колоде; с безумной отвагой распускает он все паруса своего вдохновения и мужественно отдается бурной стихии своих фантазий, философствований, воспоминаний и обобщений.

С момента возвращения на родину до 1850 года, то есть за пять лет, им написано четыре книги, множество очерков, рассказов и стихотворений.

В 1850 году Мелвилл переселяется из Нью-Йорка в маленький городок Питтсфильд и там, в полном уединении, пишет свою самую вдохновенную книгу, ту, которую вы сейчас держите в руках.

«Моби Дик» не похож ни на одну из прежних книг Мелвилла. «Моби Дик» вообще не похож ни на одну из книг, существовавших до того в мировой литературе. Большинство читателей ничего не поняли в ней. Критики закричали: «Караул!»

«Книга, лежащая перед нами, — писал один критик того времени, — это курьезная смесь фактов и фантазии… На эту смесь наброшен покров мечтательного философствования и невнятных размышлений, вполне достаточный для того, чтобы затемнить смысл описываемых фактов».

Другой критик писал так:

«Мистер Мелвилл явно старается определить, как далеко простирается снисходительность публики… Он испытывает одновременно и нашу доверчивость, и наше терпение… По правде сказать, мистер Мелвилл пережил свою репутацию… он погубил не только свои шансы на бессмертие, но даже доброе имя у современников».

Следующая книга Мелвилла «Пьер» вызывает еще большую бурю. Газета «Саутерн куортерли ревью» объявляет Мелвилла сумасшедшим. «Чем скорее автора отправят в больницу, тем лучше, — пишет критик. — Если же его оставят на свободе, то, во всяком случае, нельзя больше допускать его к перу и чернилам». А газета «Американ виг ревью» идет еще дальше: «Мистер Мелвилл совершил нечто такое, что нельзя извинить даже помешательством. Он мог бы дойти до предела безумия, мог бы рвать в клочья наш бедный язык, мог бы нагромождать слово на слово и прилагательное на прилагательное, пока не соорудил бы пирамиду бессмыслицы».

Сидя в своем маленьком домике в Питтсфильде, Мелвилл читает эти отзывы. Успех прошел. Книг его не покупают. Друзья отшатнулись. Гнетут одиночество и нужда. Его писательский корабль уже изрядно потрепан бурями, но паруса

по-прежнему наполнены вдохновением, и он уверенно идет своим курсом к берегам бессмертия.

После выхода в свет «Моби Дика» Мелвилл прожил еще сорок лет. Он продолжал писать книгу за книгой: романы, философские трактаты, стихи. Но успех к нему больше не возвратился.

Он умер в 1891 году. Семидесятидвухлетний писатель был настолько забыт своими современниками, что в некрологе, опубликованном в «Нью-Йорк таймсе», даже перепутали его фамилию.

Современникам казалось, что волны времени навсегда сомкнулись над Мелвиллом и он погребен на дне забвения.

как тысячи других отважных мореплавателей погребены на дне океана. Но стихия человеческого духа — это самая удивительная и непостижимая стихия в мире.

Через двадцать с лишним лет после смерти Мелвилла, уже в нашем двадцатом веке вдруг снова появился интерес к забытому писателю-путешественнику и особенно к «Моби Дику». С каждым годом этой книгой увлекается все больше читателей. Сейчас «Моби Дик» так же известен во всем мире, как «Робинзон Крузо» или «Путешествие Гулливера».

Многое в этой книге покажется вам странным, и я не берусь объяснить, что автор хотел сказать своим произведением, и почему он писал так, а не иначе, и чем эта книга волнует меня и нравится мне. Но я вовсе не думаю, что надо обязательно объяснять и подвергать анализу все то, что нравится нам. Когда мы видим цветок или любуемся восходом солнца, мы не объясняем себе, чем они нравятся нам, но от этого наша радость не становится меньше.

Так и с этой книгой. Доверьтесь автору, причудливому потоку его речи, буйной его фантазии, страстному его вдохновению, и тогда, быть может, и вам покажется, как кажется мне, что это книга не только о том, как безумный капитан Ахав преследует Моби Дика — свирепого белого кита, но еще и о том, как благородный рыцарь Дон-Кихот преследует зло и несправедливость, как множество других отважных и честных людей в разные времена в разных странах разными способами боролись и борются со злом и жестокостью. И наше сочувствие всегда с этими людьми, если даже они и становятся жертвами в своей неравной борьбе, как одноногий капитан Ахав стал жертвой злобного белого кита.

Полностью сохранив сюжет книги, все эпизо-

ды, связанные с охотой на китов, с капитаном Ахавом, с жизнью на китобойце, с характерами различных персонажей, мы постарались также наиболее точно передать суть философских обобщений Мелвилла, его юмор, реализм и особенности его своеобразного языка.

Д. Дар.

Глава первая
На горизонте — начало

Зовите меня Измаил. Несколько лет тому назад — неважно, когда именно, — обнаружив, что в моем кошельке почти не осталось денег, а на земле не осталось ничего, что могло бы заинтересовать меня, я понял, что пришла пора наняться на корабль и поглядеть на водную половину нашего мира, і Так я поступаю всякий раз, когда в душе у меня воцаряется сырой и тоскливый ноябрь, и уныние настолько овладевает мною, что мне хочется выйти на улицу и начать сбивать с прохожих шляпы.

Я очень люблю плавать по морям и океанам. Только не в качестве пассажира. Ведь для того чтобы стать пассажиром, нужен кошелек, а кошелек — всего лишь жалкая тряпка, если в нем ничего нет. К тому же пассажиры страдают морской болезнью, бессонницей, заводят склоки, — словом, получают, как правило, весьма мало удовольствия. Не плаваю я также ни капитаном, ни боцманом. Пусть уж те, кому это нравится, пользуются славой и почетом, связан-

ными с этими должностями. С меня довольно, если я могу позаботиться о себе самом, не заботясь при этом о парусах, рангоуте и такелаже. Что же касается должности кока, то, хоть это и славная должность, но мне как-то никогда не хотелось самому подержать птицу над огнем, хотя, конечно, если ее как следует прожарят другие и толково посолят да поперчат, тогда никто не отзовется о жареной птице с большим уважением — чтобы не сказать благоговением, — чем я.

Нет, когда я хочу отправиться в плавание, я нанимаюсь простым матросом. Правда, при этом мною изрядно помыкают и заставляют прыгать с реи на рею, подобно кузнечику на майском лугу. И поначалу это довольно неприятно, особенно если носишь старинную, достопочтенную фамилию. Задевает чувство чести. Но, в конце концов, не такая уж беда, если какой-нибудь старый хрыч прикажет мне взять метлу и вымести палубу. Вы думаете, я много потеряю от этого в собственном мнении?

И, наконец, я плаваю матросом еще и потому, что матросу платят деньги, а что касается пассажиров, так я ни разу не слышал, чтобы им заплатили хоть пенни. Напротив, пассажиры сами должны платить. А между необходимо-

стью платить и возможностью получать плату — огромная разница.

Но вот с какой стати я, столько проплававший на торговых судах, на этот раз решил пойти на китобойце — объяснить это я и сам затрудняюсь. По всей вероятности, так уж было мне на роду написано.

Немалую роль, правда, в этом решении играли величественные и загадочные морские чудовища — киты, которые всегда привлекали мое любопытство. А кроме того, меня влекли к себе и отдаленные моря, и дикие берега, и тропические земли. И я с радостью готов был испытать все неизведанные мною опасности китобойного промысла, и в моем воображении уже рисовались целые стада громадных китов, а среди них один — грандиозный и зловещий, внезапно возникавший из морской пучины и сверкавший на солнце, как белоснежный айсберг.

Глава вторая
Нью-Бедфорд

Приняв окончательное решение отправиться в путешествие на китобойце, я запихнул пару рубашек в свой старый ковровый саквояж, сунул его под мышку и, взяв курс на Тихий океан, прибыл в Нью-Бедфорд. Было это в декабре, в субботу вечером. Можете себе представить мое огорчение, когда я узнал, что маленький пакетбот до острова Нантакет уже отплыл и никакого другого транспорта не будет до самого понедельника.

Все юные искатели невзгод и тягот китобойного промысла останавливаются в этом самом Нью-Бедфорде. Отсюда и отправляются пакетботы до Нантакета, который следует считать родиной китобойного дела. Именно в Нантакете был вытащен на берег первый кит, забитый американцами. И откуда же еще, как не из Нантакета, отплыл когда-то маленький отважный шлюп, наполовину груженный булыжниками, предназначенными, как гласит предание, для того, чтобы швырять ими в китов, определяя ту дистанцию, с которой можно метать гарпун?

Итак, прежде чем отправиться к месту назначения, я должен был провести в Нью-Бедфорде ночь, день и еще одну ночь, и потому возник серьезный вопрос, где я буду есть и спать все это время.

Был вечер, весьма подозрительный, морозный и неприютный. Никого в городе я не знал. Дно моих карманов было тщательно обшарено пальцами, которые подняли на поверхность лишь жалкую горстку серебра. «Итак, куда бы ты ни отправился, Измаил, — сказал я себе, стоя посреди мрачной улицы с саквояжем на плече и сравнивая сумрак в северной части небосвода с мраком в южной его части, — где бы ты, в премудрости своей, ни решил остановиться на ночлег, будь любезен заранее осведомиться о цене и не слишком привередничай».

Неверными шагами меряя мостовую, я миновал гостиницу «Скрещенные гарпуны», где все выглядело слишком весело и слишком дорого для меня. Чуть дальше виднелась вывеска: «Меч-рыба». Но из окон «Меч-рыбы» доносился звон бокалов и вырывались столь яркие лучи света, что они, казалось, растопили плотный слой снега и льда перед домом. «Нет, и тут слишком светло и весело, — снова подумал я, — но не теряй надежды, Измаил, продолжай свои поиски!» И

я отправился дальше, придерживаясь тех улиц, которые ведут к морю, ибо там, без сомнения, должны были находиться самые дешевые, хотя, может быть, и не самые роскошные гостиницы.

Что за унылые улицы! Пустыри, длиною чуть ли не в милю; ни фонаря, ни освещенного окна. Только где-то вдалеке едва заметный проблеск света, точно свеча во мраке подземелья.

Продвигаясь во тьме, я набрел, наконец, на слабый огонек недалеко от пристани и услышал в воздухе тихий, унылый скрип. Подняв голову, я разглядел над дверью раскачивающуюся вывеску, на которой белой краской было начертано:

Гостиница
"Китовый фонтан"
Питер Гроб

«Гроб?.. Китовый фонтан?.. Звучит несколько зловеще», — подумал я. Ветхий домишко, украшенный этой мрачной вывеской, покосился набок, словно несчастный паралитик. В окнах было темно, из-за двери не доносилось ни звука. «Вот это пристанище мне по карману! — сказал я себе. — Ну что ж, отдерем лед с обмерзших подошв и посмотрим, как выглядит этот «Китовый фонтан» изнутри».

Глава третья
В гостинице «Китовый фонтан»

Войдя в дом, я оказался в просторной низкой комнате, обшитой деревянными панелями, будто сжатой со всех сторон бортами ветхих кораблей. На одной стене висела большая картина, вся закопченная и до того стертая, что только путем тщательного ее исследования, многократно к ней возвращаясь и настойчиво расспрашивая соседей, можно было кое- как приблизиться к пониманию замысла живописца. А замысел этот сводился, по всей вероятности, к следующему: невдалеке от мыса Горн на судно обрушился свирепый ураган; несчастный корабль уже наполовину погрузился в кипящие волны, и на картине видны только три его осиротевшие мачты; в довершение всех бед, разъяренный кит вознамерился перескочить через погибающее судно, и глаз живописца застиг его в тот страшный миг, когда оголенные мачты вот-вот вонзятся в черную китовую тушу.

Вся противоположная стена комнаты была увешана копьями и дубинками из арсенала варваров

и каннибалов. Глядя на одно из этих жутких орудий — громадный металлический серп с изогнутой рукоятью, — нельзя было не съежиться, представляя себе кровавый урожай, собранный свирепым дикарем с помощью этого инструмента. Здесь же висели старые заржавленные гарпуны и остроги, изогнутые и покореженные — грозное оружие прославленных китобоев. О некоторых из них можно было бы рассказать замечательные истории. Вон той длинной острогой пятьдесят лет назад Нэйтон Свейн за один день поразил пятна дцать китов. А этот гарпун — так похожий на штопор — был заброшен в яванских водах, а извлечен из пучины лишь много лет спустя у мыса Бланко. Гарпун вонзился чудовищу в хвост и, подобно игле, блуждающей в человеческом теле, прошел за несколько лет путь в сорок футов и найден был у самого китового горба.

Миновав этот унылый вестибюль, я через низкую арку, пробитую, по всей вероятности, на месте бывшего громадного камина, попал в гостиную. Здесь было еще более уныло и сумрачно: над головой нависали такие тяжелые балки, а под ногами скрипели такие корявые, ссохшиеся доски, что впору было вообразить себя в кубрике дряхлого корабля, темной ночью покачивающе-

гося у пристани. Вдоль стены стояли стеклянные ящики со всякими запыленными сокровищами, собранными в самых отдаленных уголках нашего обширного мира. Возле них слонялись, в ожидании ужина, несколько молодых матросов, разглядывающих заморские диковинки.

В глубине комнаты виднелось темное сооружение, на-поминающее голову гренландского кита. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это действительно китовая челюсть, такая громадная, что под ней, наверное, могла бы проехать карета. В этой грозной китовой пасти были устроены полки, заставленные старинными графинами, флягами и бутылями, возле которых суетился маленький сморщенный буфетчик, втридорога продававший матросам горячку и погибель за наличные деньги.

Сообщив хозяину о своем намерении снять у него комнату, я услышал в ответ, что гостиница полна — нет ни одной свободной постели.

— Но постой-ка! — воскликнул он, хлопнув себя по лбу. — Ты ведь не станешь возражать, если я уложу тебя с одним гарпунщиком, а?.. Ты, я вижу, собираешься в плавание, вот и привыкай ко всяким неудобствам.

Я сказал ему, что не люблю спать вдвоем, но

в этом случае все зависит от того, что собой представляет гарпунщик, и если он окажется не слишком грязным и пьяным, то уж, конечно, лучше укрыться половиной одеяла, которым поделится с тобой честный человек, чем и дальше бродить по незнакомому городу в такую холодную ночь.

— Ну вот и отлично, — ответил хозяин. — Присаживайся, ужин сейчас поспеет.

Вскоре все обитатели гостиницы были приглашены в соседнюю комнату к столу. Здесь горели только две тусклые сальные свечи в витых подсвечниках. Стужа — ну, прямо, как в Исландии. А камин давно остыл. Нам пришлось наглухо застегнуть свои бушлаты и греть оледеневшие пальцы о кружки с крутым кипятком. Зато угощение было самого высшего сорта: не только картошка с мясом, но и сладкие булочки, — да, клянусь честью, сладкие булочки к ужину! Один матрос накинулся на них с такой свирепостью, что хозяин ему заметил:

— Эй, приятель! Этак тебе ночью придется не сладко!

— Хозяин, — прошептал я, — уж не гарпунщик ли это?

— Нет, — сказал он с какой-то дьявольской

ухмылкой, — тот гарпунщик лицом потемнее. Да и булочек он есть не станет: он питается одним только кровавым мясом.

— Черт его побери, — воскликнул я, — а где же он сейчас, этот гарпунщик?

— Скоро придет, не волнуйся, — ответил хозяин.

Но у меня уже возникли какие-то опасения по поводу «темнолицего» гарпунщика, и я решил, что, если и придется нам спать вместе, так, по крайней мере, я заставлю его первым раздеться и лечь под одеяло.

Ужин окончился, матросы разошлись по своим комнатам, только я остался в гостиной, размышляя о предстоящем ночлеге. Между тем обещанного мне гарпунщика все не было.

Глава четвертая
Загадочный гарпунщик

Никто не любит спать вдвоем. Честное слово, когда дело доходит до того, чтобы подняться в спальню, раздеться и лечь под одеяло, то тут даже родной брат оказывается лишним. Так уж устроены люди — они любят проделывать это в одиночестве. Но когда речь идет о том, чтобы разделить постель с совершенно чужим человеком, в чужом доме, в чужом городе, да к тому же человек этот — неизвестный гарпунщик, — то в этом случае возражения наши бесчисленно возрастают.

Чем больше я размышлял о своем гарпунщике, тем несносней казалась мне необходимость с ним спать. Да и час уже был поздний, и всякому честному гарпунщику давно следовало бы пристать к дому и взять курс на постель.

— Хозяин! Я передумал относительно гарпунщика, — сказал я, — я не стану с ним спать. Попробую устроиться здесь, на скамье.

— Как хочешь, — усмехнулся хозяин, — только доски-то здесь дьявольски жесткие — все в сучках

да зазубринах. Но погоди-ка, у меня есть рубанок! Минутку терпения, и ты уляжешься у меня, как птенчик в гнездышке.

Но я не очень-то верил, что из сосновой доски можно выстругать пуховую перину. Я примерился к скамье и обнаружил, что она не только жесткая, но к тому же на целый фут короче, чем требуется. Так что и от этого варианта пришлось отказаться.

Проклятый гарпунщик, будь он неладен, придет ли он наконец? — думал я. — А может быть, упредить его, заперев дверь изнутри и устроившись в его кровати, не отзываться на стук, пали он хоть из всех пушек американского флота? Это была неплохая идея, но после минутного размышления я и от нее отказался. Ибо кто мог поручиться, что, выйдя из комнаты утром, я не увижу в дверях разъяренного гарпунщика, готового одним ударом сбить меня с ног?

Так и не найдя способа сносно провести ночь, не забираясь в чужую постель, я стал постепенно склоняться к мысли, что, пожалуй, мое предубеждение против неизвестного гарпунщика ничем не обосновано. Подождем, подумал я, пека он явится. Тогда я разгляжу его хорошенько и, быть может, в самом деле, мы отлично выспимся

вместе.

Но дело уже близилось к полуночи, а моего гарпунщика все еще не было.

— Хозяин, — сказал я, — что он за человек? Он всегда так поздно ложится?

Хозяин снова усмехнулся.

— Нет, — ответил он, — вообще-то он ранняя пташка, но сегодня, видишь ли, он отправился торговать. Не знаю, что его так задержало, — разве что никак не может продать свою голову.

— Продать свою голову? Это еще что за сказки? — воскликнул я, чувствуя, что кровь во мне постепенно закипает. — Уж не хотите ли вы сказать, что в святой субботний вечер, вернее в утро святого воскресенья, этот гарпунщик ходит по городу и торгует своей головой?

— Точно так, — сказал хозяин. — И я предупреждал его, что здесь ему ее не продать — рынок переполнен ими.

— Чем переполнен? — заорал я.

— Да головами. Разве на свете мало лишних голов?

— Вот что, хозяин, — сказал я совершенно спокойно, — советую вам поискать для своих шуток кого-нибудь другого, а я не такой уж зеленый новичок.

— Возможно, возможно, — согласился хозяин, ухмыляясь и выстругивая себе зубочистку, — да только быть тебе не зеленым, а синим, если гарпунщик услышит, как ты поносишь его голову.

— Да я проломлю его чертову башку! — снова возмутился я безответственной болтовней хозяина.

— Она и так проломлена, — сказал он.

— Проломлена, — пробормотал я. — Что? Проломлена?

— Ну да, потому-то ее никто и не покупает.

— Хозяин, — проговорил я, подойдя к нему вплотную, — мы должны понять друг друга, и притом без промедления. Я прихожу к вам и спрашиваю постель; вы отвечаете, что можете предложить мне только половину, что другая половина принадлежит какому-то гарпунщику. И об этом гарпунщике, которого я еще даже не видел, вы упорно рассказываете самые загадочные и возмутительные истории, стараясь вызвать во мне неприязнь к человеку, с которым вы же вынуждаете меня спать под одним одеялом. Поэтому я требую, чтобы вы немедленно рассказали мне, что это за человек и могу ли я, не подвергаясь какой-либо опасности, провести с ним ночь. И прежде всего будьте любезны взять назад всю эту

болтовню насчет продажи головы, ибо в противном случае я буду вынужден заключить, что этот гарпунщик — опасный сумасшедший, а с сумасшедшим я спать не собираюсь, и вас, сударь, да, да, именно вас, хозяин, за сознательную попытку принудить меня к этому я имею полное право привлечь к судебной ответственности.

— Ну и ну, — сказал хозяин, опять ухмыльнувшись. — Довольно длинная проповедь для такого бродяги. Однако спокойствие, спокойствие, молодой человек. Этот гарпунщик, про которого я тебе говорил, он, видишь ли, только что вернулся из южных морей и накупил там кучу новозеландских набальзамированных голов (занятные штуки, между прочим), и распродал уже все, кроме одной. Вот ее-то он и отправился продавать сегодня, — завтра-то воскресенье, а это уж никуда не годится, торговать человеческими головами на улицах, по которым люди идут мимо тебя в церковь. В прошлое воскресенье он как раз выкинул такой номер, и я остановил его уже в дверях, когда он выходил с четырьмя головами, нанизанными на веревку, ну, будто связка луковиц.

Это объяснение рассеяло тайну, казавшуюся необъяснимой, и показало, что хозяин в общем-то не собирался меня дурачить, — но, в то же время,

что я мог подумать о гарпунщике, который бродит ночью по улицам, занимаясь таким людоедским делом, как торговля головами мертвецов?

— Поверьте мне, хозяин, этот гарпунщик — опасный человек.

— Платит регулярно, — возразил он. — Но послушай, ведь уже страх как поздно. Не пора ли тебе на боковую? Ей-богу, брось ты свои фокусы и отправляйся спать. Вот подожди-ка, я засвечу тебе огонек. — И, запалив свечу, он протянул ее мне. Но я все еще стоял в нерешительности, и тогда он, взглянув на часы, стоящие в углу комнаты, воскликнул: — Вот и воскресенье! Сегодня уж ты его, во всяком случае, не увидишь: видно, он встал на якорь где-нибудь в другом месте. Ну, пошли же! Ты идешь или нет?

С минуту я еще колебался, а затем, решившись, двинулся вслед за ним и, поднявшись по лестнице, очутился в маленькой комнатке, холодной, как раковина. Посреди комнаты стояла кровать такой чудовищной величины, что и четыре гарпунщика могли бы в ней разместиться с удобством.

— Ну вот, — сказал хозяин, ставя свечу на старый сундук, который служил одновременно подставкой для умывальника и столом. — Устра-

ивайся поудобнее, да и спи себе на здоровье.

И с этими словами он ушел и оставил меня одного.

Глава пятая
Квикег

Откинув одеяло, я склонился над постелью. Особой изысканностью она не отличалась, но была все же вполне терпима. Затем я огля-делся по сторонам. Кроме сундука и кровати, мне удалось обнаружить в комнате еще грубо сколоченную полку и камин, а также большой матросский мешок, по-видимому заменявший гарпунщику чемодан. На полке лежала связка костяных рыболовных крючков, а у изголовья кровати стоял длинный гарпун.

Я сбросил ботинки и одежду и, задув свечу, залез под одеяло. Уж не знаю, чем был набит матрац — обглоданными кукурузными початками или битой посудой, — но я долго ворочался и не мог уснуть. Наконец я задремал и уж начал было потихоньку отплывать в царство сна, как вдруг услышал в коридоре тяжелые шаги и под дверью заметил слабую полоску света.

Господи помилуй, подумал я, ведь это, должно быть, гарпунщик, проклятый торговец головами! Но решил молчать, пока ко мне не обратятся.

Держа в одной руке свечу, а в другой — пресловутую новозеландскую голову, незнакомец вошел в комнату. Не глядя в мою сторону, он пропутешествовал в угол и, поставив свечу прямо на пол, принялся возиться с веревками, перевязывавшими большой мешок, о котором я уже упоминал. Я горел желанием раз-глядеть его лицо, но, занятый развязыванием своего мешка, он стоял, отвернувшись от меня. Но вот веревки развязаны, он повернулся, и — боже правый, что за вид! Какая рожа! Темно-багровая, с прожелтью, да еще вся разрисована огромными черными квадратами! Ну конечно, так я и знал; все мои опасения подтвердились; изволь" теперь спать с этаким пугалом. Тут я припомнил историю об одном китобое, который, попав в плен к дикарям, был ими татуирован. И я предположил, что и этот гарпунщик в одном из своих дальних странствий пережил подобное приключение. Ну так что же, сказал я себе, это ведь только кожа, а под любой кожей может скрываться честная душа. Но чем же объяснить столь странный цвет его лица? Быть может, это всего-навсего тропический загар, и нечего тут особенно ломать голову? Однако мне еще не приходилось слышать о том, чтобы солнце превращало белого человека в багрово-желтого.

Правда, я не был в южных морях, и возможно, что тамошнее солнце оказывает на кожу подобное воздействие.

В то время, как эти и подобные им мысли проносились в моей голове, гарпунщик по-прежнему не замечал меня. Но вот, порывшись в своем мешке, он извлек оттуда нечто вроде томагавка и сумку из тюленьей шкуры мехом наружу. Положив все это на сундук, он взял новозеландскую голову — вещь достаточно отвратительную — и запихнул ее в мешок.

Затем снял со своей собственной головы шапку, и тут я чуть было не взвыл от изумления. Ибо на голове его не было волос — во всяком случае, ничего такого, о чем стоило бы говорить — только маленький хохолок, скрученный над самым лбом.

Эта лысая багровая голова была как две капли воды похожа на заплесневелый череп, и не стой обладатель черепа между мною и дверью — я бы пулей вылетел вон из комнаты.

Между тем гарпунщик продолжал раздеваться и постепенно обнаружил руки и плечи. Помереть мне на этом самом месте, ежели я вру, но только упомянутые части его тела были покрыты такими же квадратами, как и лицо; и спина тоже,

клянусь небом! Мало того, даже ноги его были разукрашены и походили на мощные стволы молодых пальм, по которым карабкается сотня темно-зеленых лягушек. Теперь мне было совершенно ясно, что передо мной — свирепый дикарь, вывезенный из южных морей каким-нибудь китобойцем.

При мысли об этом меня пробрал озноб. Быть может, он людоед, да к тому же еще и торгует головами своих жертв! Что, если ему приглянется моя голова, — о, господи! И какой жуткий у него томагавк!

Приблизившись к своему тяжелому плащу, брошенному на спинку стула, дикарь порылся в карманах и вытащил на свет маленькую горбатую фигурку, напоминающую трехдневного чернокожего младенца.

Вспомнив набальзамированную голову, я уже готов был поверить, что этот черный карлик и впрямь законсервированный ребенок, но, заметив, что он тверд как камень и к тому же блестит не хуже полированной шкатулки, сделал вывод, что, вероятнее всего, это просто деревянный идол, — и догадка моя тут же подтвердилась: дикарь подошел к камину и, взяв своего маленького уродца двумя пальцами, поставил его на

железные прутья каминной решетки.

После этого он достал из кармана того же плаща горсть стружек и осторожно уложил их перед идолом; затем положил сверху кусок морского сухаря и, подняв с пола свечу, поджег ею стружки. Вспыхнуло пламя. Тотчас он сунул руку в огонь и быстро ее отдернул; повторив это движение несколько раз и изрядно, как мне показалось, подпалив себе пальцы, он, наконец, вытащил сухарь из огня. Затем, раздув немного жар и разворошив золу, он почтительно предложил обгорелый сухарь своему негритенку. Но, как видно, маленькому дьяволу не по вкусу пришлось это под-горелое угощенье — он даже не шевельнулся. Все описанное сопровождалось негромким гортанным бормотанием дикаря, который, по-видимому, молился нараспев, корча при этом самые противоестественные гримасы. Наконец он потушил огонь, весьма бесцеремонно вытащил идола из очага и небрежно сунул его в карман плаща, словно охотник, отправляющий в ягдташ подстреленную куропатку.

Все это сильно увеличило мое смущение, и, наблюдая несомненные признаки того, что сейчас, покончив со своими делами, он полезет ко мне в постель, я решил, что настал момент — теперь

или никогда, покуда свет еще горит — нарушить столь затянувшееся молчание.

Но секунды, ушедшие на размышление о том, с чего же мне начать разговор, оказались роковыми. Схватив со стола томагавк, он сунул его одним концом в огонь, взял противоположный конец в рот и, выпустив громадное облако табачного дыма, прихлопнул чем-то свечу и со своим жутким томагавком в зубах прыгнул прямо на меня. Я немедленно завопил, а он, издав негромкий возглас изумления, принялся меня ощупывать.

Заикаясь, я пробормотал что-то нечленораздельное, откатился от него к стене и оттуда стал заклинать его ради всего святого не трогать меня и позволить мне встать и снова зажечь свечу. Но его гортанные возгласы дали мне понять, что он не вполне постигает смысл моих слов.

— Какая тут черт? — произнес он наконец. — Давай, говори, какая черт, а то убивать буду.

И его огненный томагавк стал в темноте описывать круги над моей головой.

— Хозяин! Бога ради! Питер Гроб! — заорал я. — Хозяин! Караул! Гроб! Ангелы! Спасите!

— Говори, какая тут черт! — рычал людоед, свирепо раз-махивая томагавком и осыпая меня дождем искр. Но тут, благодарение небу, в

комнату вошел хозяин со свечой, и, выскочив из кровати, я бросился к нему.

— Спокойнее, спокойнее, — сказал Питер Гроб, ухмыляясь. — Квикег тебя не обидит. Ложись себе спать и ничего не бойся. — И он обратился к дикарю: — Эй, Квикег, этот человек будет с тобой спать, — понимаешь?

— Понимаешь, — ответил Квикег, сразу успокоившись и, попыхивая своей трубкой, махнул рукой в мою сторону, — твоя сюда полезай.

Он откинул край одеяла и, право же, проделал это не просто любезно, но даже с какой-то сердечностью и лаской. Я стоял рядом и смотрел на него. При всей своей татуировке он был, в общем, чистый и симпатичный дикарь. «Чего ради я затеял весь этот шум? — подумал я. — Он такой же человек, как и я, и у него есть столько же оснований опасаться меня, как у меня — бояться его. Уж лучше спать с трезвым язычником, чем с пьяным христианином».

— Хозяин, — сказал я, — велите ему убрать подальше его томагавк или трубку, как это у него называется; в общем, скажите, чтобы он перестал курить, и тогда я лягу с ним вместе. Я не люблю, когда курят в постели; это опасно, а к тому же я не застрахован.

Квикег выслушал от хозяина мою просьбу, тотчас ее удовлетворил и вновь вежливо пригласил меня в кровать, а сам улегся с самого краю, у стенки, словно показывая этим, что и пальцем меня не тронет.

— Спокойной ночи, хозяин, — сказал я. — Вы можете идти.

Я забрался в постель и заснул так крепко, как не спал еще ни разу в жизни.

Глава шестая
Утро

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил себя в нежных и ласковых объятиях дикаря.

Положение мое было не таким забавным, как может показаться с первого взгляда, ибо разомкнуть его нежные объятия или хотя бы сдвинуть с места его руку оказалось мне не под силу, и, сколько я ни пыхтел, он продолжал крепко меня обнимать, словно бы не желая расставаться со мной до самой смерти. Я попытался разбудить его: «Квикег!» — но он в ответ только храпел. Чувствуя точно хомут на шее, я попробовал повернуться на бок, но тут меня что-то слегка царапнуло. Я отвернул одеяло и увидел, что под боком у дикаря, словно младенец, спит его томагавк. Ну и дела, подумал я, лежи тут среди бела дня в чужой постели в компании с дикарем и его томагавком! «Квикег! Бога ради, Квикег! Проснись!»

Не переставая извиваться, я громогласно заявлял ему о всей неуместности его объятий, и только после долгих увещеваний и многократных заяв-

лений подобного рода мне удалось исторгнуть из его могучей груди хриплое ворчание; тотчас он убрал руку, встряхнулся, как пес после купания, уселся в кровати и, протерев глаза, уставился на меня с таким видом, будто не вполне понимал, как я тут очутился, хотя какое-то смутное сознание того, что он меня уже видел, казалось, медленно пробуждается в его взгляде. Придя, по-видимому, к достаточно определенному мнению обо мне и примирившись с фактами, он спрыгнул на пол и знаками дал мне понять, что готов, если угодно, одеться первым и затем предоставить комнату целиком в мое распоряжение. Что ж, думал я, жест вполне любезный, да и вообще, что бы там ни говорили о дикарях, а им от рождения присуща известная деликатность, и иной раз просто поражаешься, до чего они вежливы по натуре. А я, лежа в постели, со всей бестактностью цивилизованного чело-века следил за подробностями его туалета, — любопытство взяло у меня верх над благовоспитанностью: ведь такого человека, как Квикег, встретишь не каждый день.

К одеванию он приступил сверху, надев свою бобровую

шапку, а затем — все еще без брюк — нагнулся за башмаками. Уж не знаю, что было у него на

уме, но только в следующую минуту — в шапке и с башмаками в руках — он втиснулся под кровать, откуда вскоре раздалось сосредоточенное сопенье, из чего я заключил, что он, по всей вероятности, натягивает башмаки на ноги. Мне, правда, не доводилось слышать о том, чтобы правила благопристойности требовали обуваться в уединении, но ведь Квикег был существом в промежуточной стадии — ни гусеница, ни бабочка: он был цивилизован ровно настолько, чтобы самыми невероятными способами выставлять напоказ свою дикость.

Наконец он появился из-под кровати и принялся, при-храмывая, ходить по комнате, причем его новые сапоги скрипели на весь дом и, сшитые, надо думать, не на заказ, по-видимому, немилосердно жали ему ноги.

Видя, однако, как он разгуливает перед окном в шапке и башмаках, без штанов, я постарался всеми возможными способами убедить Квикега ускорить свой туалет, а главное, поскорее надеть брюки. В этот утренний час всякий христианин на его месте стал бы мыть лицо. Квикег же, к моему изумлению, ограничился омовением рук, шеи и груди. Потом он напялил жилет и, обмакнув кусок мыла в таз, быстро намылил себе щеки. Я с

интересом ожидал появления бритвы, но тут он взял стоявший в углу гарпун, предназначенный для охоты на китов, отделил лезвие от длинной рукоятки, снял с него чехол, провел лезвием по своей подошве и, прислонив к стене осколок зеркала, начал энергичными движениями брить, или, вернее, гарпунировать свою физиономию.

Туалет Квикега был вскорости завершен, и, облаченный в длинный лоцманский бушлат, он гордой поступью покинул комнату, неся в руке свой гарпун, словно маршальский жезл.

Через несколько минут я последовал за ним и, спустившись в гостиную, весьма любезно приветствовал хозяина. Я не таил на него зла, хотя он, наверное, немало позабавился на мой счет.

Замечательная это штука — смех от души. Но, к сожалению, довольно редкая. Поэтому, если кто собственной персоной поставляет людям добрый материал для хорошей шутки, то пусть он не жадничает и безо всякого стеснения отдаст себя на службу этому делу. Ведь человек, от природы наделенный смешным, порой оказывается куда полезнее для других, чем мы предполагаем.

Гостиная была полна новыми для меня людьми, прибывшими минувшей ночью. То были почти сплошь китобои: первые, вторые и третьи

помощники капитанов, корабельные плотники, бондари и кузнецы, гребцы и гарпунщики — загорелые, мускулистые люди с нестрижеными бородами и косматыми гривами — настоящие морские волки.

Можно было безошибочно определить, сколько времени каждый из них провел на берегу. Взять, к примеру, того юношу, у которого щеки напоминают напоенные солнцем сочные груши, да и пахнут, наверное, так же сладко — он не далее как три дня назад прибыл из Индии. А на лице другого тропический загар уже успел сильно выцвести — этот, несомненно, уже не одну неделю валандается на берегу. Но никто, конечно, не мог похвастать такими щеками, как Квикег! У кого еще цвета и оттенки представлены на лице, как на географической карте?

— Э-хей! Еда готова! — вскричал наконец хозяин, распахнув дверь столовой, и один за другим мы чинно проследовали к завтраку.

Говорят, что люди, повидавшие свет, отличаются развязностью манер, легкостью в разговоре и не теряются в любом обществе. Ну что ж! Ведь им, как правило, есть о чем порассказать. Имея это в виду, я уселся вместе со всеми за длинный стол и приготовился выслушать с десяток захва-

тывающих рассказов о приключениях китобоев. Но, к немалому моему изумлению, за столом воцарилось гробовое молчание. Да и вид у моряков был какой-то смущенный. Да, да! Вокруг меня сидели просоленные морские волки, многие из которых без малейшего колебания брали на абордаж огромных китов и не моргнув глазом вступали с ними в смертельные поединки. Но то было в открытом море, а здесь, на берегу, они сидели за общим столом и оглядывались с такой робостью, будто ни разу в жизни не выходили за ограду какой-нибудь тихой овчарни.

А что же Квикег? По воле случая, он оказался во главе стола и был невозмутим и холоден, как сосулька. Чтобы оставаться правдивым до конца, я не стану расхваливать его манеры. Вряд ли в приличном обществе принято садиться за стол с гарпуном в руках. Но Квикег орудовал своим гарпуном без всяких церемоний, протягивая его через стол — с немалой опасностью для окружающих, — чтобы загарпунить для себя пару горячих бифштексов.

Я не буду говорить здесь о других его странностях, о том, например, как он тщательно избегал булочек и кофе, посвятив все свое внимание исключительно непрожаренным кровавым биф-

штексам; достаточно будет сказать, что, когда завтрак был окончен, он вместе со всеми перешел в гостиную, разжег свой замечательный томагавк и тихонько сидел там, покуривая и предаваясь пищеварению, в то время как я пошел прогуляться.

Глава седьмая
Мы повенчаны

Вернувшись после прогулки в гостиницу, я застал там одного только Квикега. Он сидел на табурете у камина, держал в руках своего маленького черного божка и острием карманного ножа осторожно исправлял что-то у него в лице, тихонько напевая какую-то однообразную мелодию.

Увидев меня, он отложил своего божка, взял со стола большую книгу и, пристроив ее у себя на коленях, принялся с крайней сосредоточенностью считать в ней листы. Досчитав до пятидесяти, он останавливался, растерянно озираясь вокруг и издавая при этом протяжный свист, а затем принимался считать дальше, начиная опять с единицы. По-видимому, больше, чем до пятидесяти, он считать не умел.

Я наблюдал за ним с большим интересом. Этот татуированный дикарь был чем-то необъяснимо приятен мне. Душу не спрячешь. Сквозь всю его татуировку я различал простое и доброе сердце, а в его больших глубоких глазах, огненночерных

и смелых, виднелись признаки духа, который не дрогнет и перед тысячью дьяволов. Величие сквозило в каждом его жесте: было ясно, что это человек, который ни перед кем не раболепствовал и ни у кого не одолжался.

Пока я столь внимательно его изучал, притворяясь при этом, будто гляжу в окно, за которым бушевала вьюга, он не обращал на меня никакого внимания, всецело занятый книгой. Помня, как славно провели мы минувшую ночь, я нашел его равнодушие весьма странным. Однако дикари вообще странные создания, иной раз их совершенно не поймешь. Я, между прочим, заметил, что Квикег почти не общался с другими моряками в гостинице и не делал никаких попыток к сближению, словно бы вовсе не желая расширить круг своих знакомств. Поразмыслив немного, я счел это признаком некоего духовного превосходства. Передо мной был человек, за тысячи миль заброшенный от родного дома, человек, очутившийся среди людей столь чуждых ему, как если бы он залетел на Юпитер; и тем не менее он, по-видимому, совершенно спокоен, сохраняет полнейшую невозмутимость, довольствуется собственным обществом, и, конечно, тут сразу видится безупречный философ, — да только сам

он, разумеется, и слова такого не слыхивал.

Мы сидели в пустой комнате, перед камином, в котором огонь вначале яростным жаром обогревавший воздух, теперь едва теплился, привлекая мой задумчивый взгляд. За обмерзшим окном угрюмо завывала метель, и странные чувства стали зарождаться в моей душе. Во мне словно что-то растаяло. Ожесточенное сердце уже не вело борьбы против волчьего мира. Моим исцелителем стал этот умиротворяющий дикарь. Вот он сидит здесь, и уже самая его невозмутимость говорит о характере, чуждом цивилизованного лицемерия и вежливой лжи. Я придвинул поближе к нему свой табурет и пытался заговорить. Поначалу он как будто не замечал моих стараний, но, когда я сослался на его ночное гостеприимство, он спросил, будем ли мы и сегодня спать вместе. Я ответил утвердительно, и мне показалось, что он остался доволен этим, и, может быть, даже польщен.

Теперь мы вместе взялись за книгу, и я постарался объяснить ему цель книгопечатания и смысл нескольких помещенных в книге рисунков. Так я завладел его вниманием, а немного спустя мы уже болтали, как могли, обо всяких вещах. Потом я предложил: «Закурим?» Он выта-

щил свой кисет и томагавк и любезно предложил мне затянуться. Так мы и сидели, передавая друг другу его удивительную трубку и по очереди затягиваясь дымом.

Если до этого в душе Квикега еще оставался лед равнодушия, то тепло нашей трубки и этих минут окончательно его растопило, и мы стали близкими друзьями. Когда трубка была выкурена, он прижался лбом к моему лбу, обнял меня и объявил, что отныне мы повенчаны, что на языке его родины означало, что теперь мы как бы братья и он готов умереть за меня, если возникнет в том необходимость.

После ужина мы еще немного поболтали и покурили, а затем вместе отправились в спальню. Он преподнес мне в подарок новозеландскую голову. Затем достал свой огромный кисет и, порывшись в табаке, извлек что-то около тридцати долларов серебром. Разложив монеты на столе, он поделил их на две равные кучки и, пододвинув одну из них ко мне, сказал, что это — мое. Я начал было возражать, но он просто взял и ссыпал монеты в мой карман. Затем он стал готовиться к вечерней молитве — достал идола и отодвинул экран, прикрывавший камин. По некоторым признакам я понял, что он хочет, чтобы и я при-

соединился к нему. Ну что ж, если я желаю, чтобы он уважал мою религию, то почему же мне не уважать его религию? Я поджег стружки, помог установить бедного маленького божка, вместе с Квике- гом угостил его подгорелым сухарем, дважды или трижды ему поклонился, поцеловал его в нос, и только после всего этого мы разделись и улеглись в постель — каждый в мире со своей совестью. Но, прежде чем уснуть, мы еще раз выкурили трубочку, и Квикег, убаюканный и завороженный мягкими волнами табачного дыма, колыхавшегося над нашей кроватью, погрузился в воспоминания, из которых я узнал историю его жизни.

Глава восьмая
Его жизнь

Квикег был туземцем с острова Коковоко. Еще свежевылупленным дикаренком, бегая без присмотра по родным лесам, он испытывал сильнейшее желание поближе познакомиться с христианским миром. Отец его был верховный вождь, иначе говоря, царь в своем племени, дядя — верховный жрец, а по материнской линии он мог похвастать тетками, которые были женами непобедимых воинов. В его жилах, таким образом, текла настоящая цар-

ская кровь, хотя, боюсь, несколько подпорченная людоедскими наклонностями, которые он свободно удовлетворял в дни своей простодушной юности.

Однажды кострову подошло судно из Сэг-Харбора, и Квикег решил отправиться на нем повидать белый свет. Однако команда корабля была полностью укомплектована. Но Кви- кег был не тот человек, чтобы отступать. Он взял каноэ и один уплыл к далекому проливу, через который должно было, покидая остров, проплыть судно. По

одну сторону пролива тянулся коралловый риф, по другую — узкая коса, покрытая мангровыми зарослями, которые поднимались прямо из воды. В этих зарослях он и спрятал свое каноэ, поставив его носом к морю, а сам уселся на корме, низко держа над водой весло. Когда корабль проходил мимо, он, точно молния, ринулся наперерез, достиг борта, пинком ноги перевернул и потопил свое каноэ, взобрался по якорной цепи и, во весь рост растянувшись на палубе, вцепился в кольцо рыма и поклялся не разжимать рук, даже если его станут рубить на куски.

Напрасно капитан грозился вышвырнуть его за борт, напрасно замахивался топором над его обнаженными руками — Квикег был царским сыном, потомком гордых воинов, и он не шелохнулся. Наконец, пораженный его бесстрашием, капитан смягчился и сказал, что Квикег может остаться. Его поместили в кубрике среди матросов, и он стал китобоем.

Я осторожно поинтересовался, не собирается ли он вернуться на родину и стать вождем своего племени, поскольку его старого отца, наверно, уже нет в живых. Квикег ответил, что не собирается, во всяком случае — в ближайшее время, что ему еще хочется поплавать по всем четырем

океанам и что гарпун китобоя вполне заменяет ему царский скипетр.

Узнав, что я тоже намерен наняться на китобойное судно и с этой целью отправляюсь в Нантакет, он сразу же решил не расставаться со мной, поступить на то же судно, что и я, попасть в одну со мной вахту, в один вельбот, за один стол, короче говоря — разделить со мной все превратности судьбы и, взявшись за руки, вместе черпать все, что пошлет нам удача. Я на это с радостью согласился и не только из-за привязанности, которую чувствовал к Квикегу, но и потому, что отлично понимал, что такой опытный гарпунщик может быть необычайно полезен мне, мало сведущему в тайнах китобойного дела, хотя и неплохо знакомому с морем.

Глава девятая
В Нантакет

На следующее утро, в понедельник, сбыв набальзамированную голову местному цирюльнику в качестве болванки для париков, мы с Квикегом расплатились с хозяином гостиницы и, погрузив все наши пожитки в тачку, зашагали к причалу, где швартовался маленький нантакетский пакетбот «Лишайник».

Люди на улицах изумленно пялили на нас глаза — не столько на Квикега, потому что к диарям здесь привыкли, сколько именно на нас обоих, дружно шагавших рядом. Но мы не обращали ни на кого внимания и подошли к причалу как раз вовремя: только успели заплатить за проезд и пристроить свой багаж, как трап был убран и концы отданы.

Мы вышли в открытое море; ветер усилился, и наше ма-ленькое суденышко, как резвый жеребенок, помчалось вперед, раскидывая носом белую пену.

Стоя на палубе, мы с Квикегом с удовольствием подставляли лица морским брызгам, жадно

вдыхая соленый воздух. Мы мчались все вперед и вперед навстречу океанскому ветру. «Лишайник» глубоко зарывался носом в волну, будто почтительно кланялся великой стихии, и над нами звенели снасти и грациозно выгибались стройные мачты.

Увлеченные величественным зрелищем, мы сначала не за-мечали насмешливых взглядов, которые бросала на нас компания сухопутных увальней, стоявших, как и мы, у борта, Эти неотесанные дубины никак не могли надивиться тому, что двое людей — белый и черный — могут быть друзьями, как будто белый человек чем-нибудь, кроме цвета кожи, отличается от черного человека.

Заметив их насмешки, Квикег вдруг схватил одного из этих балбесов, и я подумал, что этому дурню пришел конец. Прислонив к борту свой гарпун, могучий дикарь сгреб парня в охапку и с поразительной силой швырнул его вверх, так что парень перевернулся в воздухе через голову и тяжело плюхнулся на палубу. А Квикег спокойно повернулся к нему спиной, разжег свой томагавк и предложил мне затянуться.

— Капитан! Капитан! — заорал дурень, вскакивая на ноги. — Посмотрите, что делает этот

черный дьявол!

— Эй вы, сэр! — сказал тощий, как мачта, капитан, при-ближаясь к Квикегу. — Ведь вы же могли его убить!

— Что она говорит? — обратился ко мне Квикег.

— Он говорит, что ты чуть не убил этого человека.

— Убил? — переспросил Квикег, презрительно сморщив разрисованную физиономию. — Убил эта маленькая рыбка? Хо! Квикег убивает не маленькая рыбка, а большой кит!

— Ну, ты! — заревел капитан. — Я убью тебя самого, про-клятый каннибал, если ты еще хоть кого-нибудь тронешь на моем судне! Смотри у меня!

Однако смотреть-то нужно было самому капитану, и смотреть в оба. Чудовищный порыв ветра внезапно оборвал шкот, и тяжеленное бревно гика пронеслось над палубой, от борта к борту, сметая все на своем пути.

Никто не успел и оглянуться, как бедняга, с которым так грубо обошелся Квикег, оказался за бортом. Матросы не знали, что делать: любая попытка остановить гик показалась бы безумием. Никто ничего не предпринимал, все столпились

на носу суденышка и с ужасом следили оттуда за мечущимся бревном. Но, пока все стояли, оцепенев от ужаса, Квикег быстро опустился на колени, прополз под гиком и, схватив трос, закрепил один его конец за фальшборт, а другой свернул на манер лассо и набросил на гик, пролетавший у него над головой. Рывок… и гик пойман и закреплен. Паруса снова набрали ветер. Пока матросы спускали шлюпку, чтобы спасти тонущего парня, Квикег скинул бушлат и рубаху и прыгнул в воду, описав в воздухе широкую дугу.

Минуты три он плыл, выбрасывая далеко вперед свои могучие руки, и из ледяной пены поочередно показывалось то одно, то другое мускулистое плечо.

Я оглядел пространство вокруг моего смелого и благородного друга, но нигде не увидел тонущего. Юнец уже исчез в волнах. Квикег высоко поднял голову, что-то, по-видимому, разглядел и, нырнув, скрылся под водой. Несколько минут его не было видно, потом он снова появился на поверхности, одну руку по-прежнему далеко забрасывая вперед, а другой держа безжизненное тело.

Скоро шлюпка подобрала их обоих. Бедный дурень был спасен, матросы единодушно объявили Квикега отличным малым, капитан принес ему

свои извинения, а я с этого часа прилепился к Квикегу точно ракушка к обшивке корабля, и

до самого последнего в его жизни прыжка в воду мы с ним больше не разлучались ни на один день.

Ну, есть ли на свете еще такой простодушный герой? Он и не думал, что совершил подвиг. Он попросил только пресной воды, чтобы смыть со своего тела морскую соль, а помывшись, надел сухую одежду, разжег трубку и, прислонившись к борту, мирно поглядывал на пассажиров, словно говоря: «Мир, в котором мы живем, только и может держаться на взаимной выручке, так что нечего удивляться, если язычник помог христианину, а христианин поможет язычнику».

Больше в пути с нами не произошло ничего интересного, и вот, наконец, с помощью попутного ветра мы благополучно прибыли в Нантакет.

Нантакет! Достаньте карту и разверните ее. Поглядите, как далеко от Большой земли расположен этот маленький остров. Вглядитесь внимательнее — это всего лишь песчаный холмик среди равнины океана. Кроме океана, нантакетцам негде искать себе пропитания, потому они бороздят его вдоль и поперек, словно собственную пашню.

Глава десятая
«Пекод»

Мы остановились в гостинице, которую нам рекомендовал Питер Гроб. Отлично поужинав вареной рыбой и получив от хозяйки лампу и указания относительно кратчайшего пути к кровати, мы направились в спальню, улеглись в постель и принялись составлять планы на завтра. Но, к немалому моему удивлению и беспокойству, Квикег дал мне понять, что уже успел подробно проконсультироваться по этому вопросу с Йоджо — так звали его черного божка — и что Йоджо дважды или трижды настойчиво повторил, что Квикегу утром следует оставаться дома, а я один должен отправиться в гавань и выбрать там подходящее китобойное судно, на которое мы с Квикегом наймемся. И еще, как сказал мне Квикег, Йоджо намеревается покровительствовать нам в плавании и потому он уже выбрал

судно, на котором я, Измаил, действуя будто бы по собственной воле, неизбежно остановлю свой выбор.

Я забыл здесь упомянуть, что Квикег весьма по-

лагался на мудрость Йоджо и полностью доверял его советам, считая его неплохим, в общем-то, богом, который не замышляет ничего дурного, но, к сожалению, не всегда может осуществить свои благие намерения.

Мне, однако, этот план Квикега, или, вернее, план Йоджо, совершенно не нравился. Я рассчитывал, что проницательность Квикега и его богатый опыт помогут нам разыскать китобойное судно, наиболее достойное того, чтобы мы вверили ему свои судьбы. Но все мои возражения не произвели на Квикега ни малейшего впечатления, так что в конце концов я был вынужден согласиться и приготовился взяться за дело решительно и энергично, чтобы поскорее с ним покончить.

На следующее утро, пораньше, оставив Квикега с его божком в гостинице, я пошел к гавани. Вдоволь нагулявшись и расспросив немалое число жителей, я узнал, что три корабля собираются вскоре отправиться в трехгодичное плавание— «Чертова запруда», «Лакомый кусок» и «Пекод». Что означает «Чертова запруда», я не знаю; «Лакомый кусок» — это понятно само собой; а «Пекод», как вы несомненно помните, это название знаменитого племени массачусетских индейцев, ныне вымерших. Я оглядел и обнюхал «Чертову запруду», потом перебрался на «Лакомый кусок», наконец поднялся на борт «Пекода» и тотчас же уверился в том, что для нас это самый подходящий корабль.

Не стану спорить, возможно, и вам довелось повидать на своем веку немало разных причудливых посудин — тупоносых люггеров, громоздких японских джонок, галиотов, похожих на соусники; но поверьте мне на слово — такая редкостная посудина, как этот самый «Пекод», вам не попадалась.

Это было судно старой школы, не слишком большое и по- старомодному раздутое в боках. Тайфуны и штили четырех океанов немало поработали над его корпусом. Древний нос корабля, казалось, порос почтенной бородой. Его мачты, вырезанные, наверное, где-нибудь на японском побережье, когда их предшественницы погибли за бортом во время бури, стояли твердо и непреклонно. Старинные палубы были ветхи и истерты, словно плиты церкви. Но ко всей этой старине здесь были добавлены не менее замечательные новинки, происхождением своим обязанные буйному промыслу, которым «Пекод» занимался вот уже более полувека. Одним из основных владельцев «Пекода» был старый капитан Фалек, много лет проплававший на нем сначала старшим помощником, потом капитаном, а теперь ушедший на покой. Этот старина Фалек покрыл корабль от носа до кормы такими

своеобразными украшениями, с которыми не сравнится ничто в мире. Все судно увешано трофеями — костями убитых врагов. Его открытые борта, словно огромная челюсть, усеяны длинными острыми зубами кашалотов, за которые закрепляют пеньковые сухожилия корабля. Сухожилия эти — я имею в виду различный такелаж — пропущены не через обычные деревянные блоки, а легко скользят по шкивам, сделанным из благородной китовой кости. С презрением отвергнув штурвальное колесо, почтенное судно несет на своей корме румпель, искусно вырезанный из длинной и узкой нижней челюсти кита. В бурю рулевому у этого румпеля, должно быть, чудится, что он, словно дикий монгол, осаживает своего горячего скакуна, схватив его прямо за челюсть. Благородное это судно, но до чего же мрачное! Впрочем, благородство редко уживается с жизнерадостностью.

Оглядывая шканцы в поисках какого-нибудь начальственного лица, которому можно было бы представиться в качестве кандидата в матросы, я сначала никого не увидел; однако не мог не заметить необычного вида палатку, или, скорее, вигвам, сплетенный из китового уса и поставленный возле грот-мачты.

Это была, по-видимому, временная постройка, используемая только в порту.

В глубине этой странной обители сидел пожилой джентльмен, располагавший, судя по его виду, кое-какой властью на корабле. Он был смугл и жилист, как многие старые моряки, и плотно закутан в синий лоцманский бушлат старомодного покроя. Вокруг глаз у него лежала тончайшая сетка мелких морщин, образовавшихся, должно быть, от того, что в сильные штормы он оставался на верхней палубе и смотрел навстречу ветру.

— Не вы ли будете капитан «Пекода»? — проговорил я, приблизившись к палатке.

— Ну, допустим, что я капитан «Пекода», а чего тебе от него надо? — отозвался он.

— Я насчет того, чтобы наняться в команду.

— Наняться в команду? Вот как! Ты, я вижу, не здешний. А случалось тебе сидеть в разбитом вельботе?

— Нет, сэр, не случалось.

— И, полагаю, ты ничего не смыслишь в китобойном деле, а?

— Нет, сэр, не смыслю. Но я могу выучиться, я уже плавал на торговом судне и думаю, что…

— К чертям торговое судно! Не произноси при мне таких слов. Не то — взгляни на свою ногу

— я вырву ее с корнем из твоей кормы, только заикнись еще при мне о торговых судах. Торговое судно! Видали? Уж не гордишься ли ты своей службой на торговом судне? Но погоди-ка, парень, с чего это тебя вдруг потянуло в китобои? Ты не был ли пиратом? Или, может, ограбил своего капитана? Или собираешься перерезать команду, когда выйдем в море?

Я ответил, что неповинен во всех этих преступлениях.

Я понимал, что под этими полушутливыми обвинениями ка-питана кроется исконное недоверие нантакетца ко всем чужестранцам.

— Но зачем тебе идти в китобои? Вот что я хотел бы узнать, прежде чем решать, стоит ли брать тебя в команду!

— Ну, видите ли, сэр, я хочу ознакомиться с китобойным делом, а заодно и поглядеть мир.

— Ознакомиться с китобойным делом? А ты капитана Ахава видел?

— А кто такой капитан Ахав, сэр?

— Ай, ай, так я и знал! Капитан Ахав — это капитан «Пе- кода».

— Значит, я ошибся, я думал, что говорю с самим капитаном.

— Ты и говоришь с капитаном, с капитаном Фа-

леком, вот с кем ты говоришь, молодой человек. Дело мое и капитана Вилдада снарядить «Пекод» в плавание и снабдить его всем необходимым, включая команду. Мы совладельцы судна. Но вот что я тебе скажу: если ты хочешь ознакомиться с китобойным делом, то я мог бы просветить тебя раньше, чем ты запишешься в команду — ведь тогда уже поздно будет раздумывать. Так вот, молодой человек, взгляни на капитана Ахава, и ты увидишь, что у него только одна нога.

— Что вы имеете в виду, сэр? Неужели вторую ногу он потерял из-за кита?

— Из-за кита! Подойди-ка поближе, молодой человек: ее пожрал, изжевал, отгрыз ужаснейший из кашалотов, когда- либо разносивших в щепки вельбот! О!

Я был несколько встревожен горячностью, с какой он произнес эти слова, и тронут искренним горем, прозвучавшим в них, но как мог спокойнее произнес:

— То, что вы рассказали, должно быть, истинная правда, сэр. Но откуда же мне знать, что есть киты, которые отличаются такой необычайной свирепостью?

— Послушай-ка, молодой человек, что-то голос у тебя сладковат. Не похоже, чтобы ты был

моряком. Ты уверен, что уже ходил в море? Совершенно уверен?

— Сэр, — сказал я, — мне кажется, я уже сообщил вам, что плавал на торговом…

— Ну, ну, ну! Помни, что я говорил тебе о торговых су-

дах, не раздражай меня, я этого не потерплю. Ну, поехали дальше. Я слегка намекнул тебе на то, что собой представляет китобойное дело. Так как же? Все еще испытываешь к нему склонность?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. А теперь отвечай, только быстро: сможешь ты зашвырнуть гарпун в пасть живому киту, а следом за гарпуном прыгнуть туда и сам?

— Да, сэр, если это будет совершенно необходимо, то есть, если без этого никак нельзя будет обойтись… в чем я сильно сомневаюсь.

— Ладно, хорошо. Но ты ведь решил пойти в китобои не только, чтобы разузнать, что за штука китобойное дело, ты хочешь еще и поглядеть мир, — так ведь, кажется, ты выразился? Ну, так сходи-ка вон туда, на нос, и загляни за планшир, а потом вернешься и расскажешь, что там видел.

С минуту я стоял в нерешительности, озадаченный этим неожиданным приказанием, и не

знал, отнестись ли к нему серьезно или посчитать шуткой. Но капитан Фалек, собрав у глаз все свои морщины, смотрел на меня грозно и повели-тельно.

Пройдя на нос, я выяснил, что судно, мерно покачиваясь на волнах, стоит на якоре, нацелившись в открытый океан. Передо мной был беспредельный простор, чрезвычайно угрюмый и однообразный — взгляду не на чем было остановиться.

— Ну, что скажешь? — проговорил капитан Фалек, когда я вернулся, — что ты видел?

— Ничего особенного, — ответил я, — только вода и вода. Но горизонт просматривается неплохо и, по-моему, приближается шторм.

— Так как же насчет того, чтобы поглядеть мир? Может, не стоит ради этого огибать мыс Горн, а? Можно глядеть на мир и стоя на берегу.

Но эти рассуждения не поколебали моего решения стать китобоем, а «Пекод» — судно не хуже, а, может быть, и лучше других; все это я высказал капитану Фа- леку, и он, видя мою решимость, согласился зачислить меня в команду.

— Ну что ж, — добавил он, — отправляйся за мной, и я внесу тебя в списки.

Глава одиннадцатая
Капитан Фалек и капитан Вилдад

Спустившись вместе с Фалеком в капитанскую каюту, я увидел там личность, в высшей степени необычайную и удивительную. Оказалось, что это и есть капитан Вилдад, второй из двух основных собственников корабля. Остальные акции принадлежали множеству пайщиков — вдовам, сиротам и другой бедноте — доля которых в общем капитале не превышала стоимости одного бревна, или доски, или двух-трех гвоздей в корпусе корабля.

Этот Вилдад начал с роли корабельного юнги, потом стал гарпунщиком, затем — командиром вельбота, первым помощником капитана, капитаном и, наконец, судовладельцем; его бурная карьера была окончена в возрасте шестидесяти лет, и он давно уже не покидал суши.

Вилдад был человеком весьма набожным, однако все знали его как неисправимого старого скупердяя, а на море он в свое время был известен жестоким обращением с матросами. Он ухитрялся вытягивать из своих людей все жи-

лы и при этом, говорят, никогда не бранился, а только пристально поглядывал на матросов своими мутными глазами, и этого было достаточно для того, чтобы каждый тут же хватался за что попало — хотя бы за молоток или свайку — и принимался работать, как одержимый. Не знаю, каким образом жестокосердие уживалось в нем с набожностью, но думаю, что он давно уже овладел той весьма распространенной мудростью, что религия — это одно, а жизнь — совсем другое.

Когда я вслед за Фалеком вошел в каюту, Вилдад сидел там прямой как палка; в черном застегнутом наглухо сюртуке, водрузив на нос очки и чопорно скрестив ноги, он был поглощен чтением толстого фолианта.

— Эй, Вилдад! — вскричал капитан Фалек. — Ты занят все тем же, да? На моей памяти ты вот уже тридцать лет читаешь святое писание. Докуда же ты дошел?

Вилдад, по-видимому, давно привык к насмешкам своего компаньона и, не обращая на них внимания, неторопливо

отвел глаза от книги, а, увидев меня, вопросительно поглядел на Фалека.

— Говорит, что он моряк, — сказал Фалек, — хочет по-ступить к нам.

— Ты желаешь служить на «Пекоде»? — тусклым голосом спросил Вилдад.

— Желаю, — ответил я.

— Как он тебе кажется, Вилдад? — спросил Фалек.

— Подойдет, — ответил Вилдад, окинув меня взглядом, и тут же снова обратился к библии, читая ее по складам и до-вольно громко бормоча себе под нос каждое слово.

Фалек отпер сундук, достал из него корабельные документы и уселся за небольшой столик, поставив перед собой чернильницу. Я подумал, что теперь самое время решить, на каких условиях мне стоит согласиться принять участие в этом предприятии. Я уже знал, что на китобойных судах жалованья не платят, а вся команда, включая капитана, получает определенную часть доходов от промысла. Каждый получает такую долю прибыли, которая соответствует важности ис-полняемой им на корабле работы. Я понимал, что мне, новичку, вряд ли положат солидную долю, но поскольку морское дело я все-таки знал и мог стоять за штурвалом, то можно было предположить, что мне дадут ну, хотя бы 275-ю долю. И хотя 275-я часть прибыли, даже если наше плавание и будет удачным, составит

весьма небольшую сумму, — все- таки это лучше, чем ничего, не говоря уже о том, что три года я буду есть и спать совершенно бесплатно.

Вы, может быть, скажете, что это довольно жалкий способ накопления капитала. Что ж, вы правы, но я не из тех, кто мечтает стать богачом; с меня довольно, если мир предо-ставит мне кров и пищу на то время, что я гощу на этом свете. Короче говоря, я ожидал, что мне предложат 275-ю долю доходов, но не удивился бы, если бы она оказалась и 200-й — ведь я здоров, силен и ловок.

Пока Фалек тщетно пытался очинить перо своим карманным ножом, старый скупердяй Вилдад, которому, как я предполагал, совсем не безразлично, на каких условиях я наймусь на корабль, не обращая на нас никакого внимания и удобно расположившись с книгой на коленях, словно дома перед камином, бормотал себе под нос слова из библии: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль…»

— Доль, капитан Вилдад, — перебил его Фалек, — не

моль, а доль, да, да, вот именно; какую же долю мы этому юноше?

— Тебе самому это ведомо, — погребальным тоном сказал Вилдад. — Семьсот семьдесят седьмая

доля будет для него не слишком велика. — И не ожидая ответа компаньона, он продолжал читать: «… на земле, где моль и ржа истребляют…»

«Да, уж не слишком! — подумал я. — Еще как не слишком! Уж он-то позаботится, чтобы я не собрал на земле больших сокровищ, которые все равно истребят моль и ржа».

— Ах, лопни твои глаза, Вилдад! — воскликнул Фалек. — Неужто мы обманем этого юношу? Нет, старина, надо при-бавить.

— Семьсот семьдесят седьмая, — повторил Вилдад, не отрывая глаз от библии и продолжая читать. «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».

— Записываю его на трехсотую долю, — заявил Фалек. — Ты слышишь, Вилдад? Я говорю, трехсотая доля…

— Капитан Фалек, — торжественно произнес Вилдад, отложив библию, — сердце твое великодушно, но ты не должен забывать своего долга по отношению к другим владельцам этого судна; ведь многие из них вдовы и сироты, а слишком щедро наградив этого юношу, ты лишишь их куска хлеба. Мы дадим ему семьсот семьдесят седьмую долю, капитан Фалек!

— Эй ты, Вилдад! — заревел Фалек, вскочив на

ноги и с грохотом бегая по каюте. — Ах, чтоб ты лопнул, капитан Вилдад! Да если бы я следовал твоим советам, то у меня на совести уже скопился бы такой балласт, что от него пошло бы ко дну самое большое судно, какое только огибало мыс Горн!

— Капитан Фалек, — твердо ответил ему Вилдад, — я не знаю, сколь глубоко сидит в воде твоя совесть, но ты упор-ствуешь в своих прегрешениях, и я весьма опасаюсь, что твоя совесть дала течь, из-за которой в конце концов пойдешь ко дну ты сам, капитан Фалек, и прямо в преисподнюю.

— В преисподнюю? В преисподнюю? Ты меня смертельно оскорбил, капитан Вилдад. Попробуй только еще раз сказать мне это, и я за себя не ручаюсь! Да, да, не ручаюсь! Я могу живого козла проглотить вместе со шкурой и рогами! А тебя... Вон отсюда, унылый ханжа, сын деревяшки! Вон— прямым кильватером!..

С этими словами он кинулся на Вилдада, но Вилдад уклонился от него с каким-то неожиданным скользящим проворством.

Встревоженный столь яростной ссорой между двумя вла-дельцами корабля и начав уже сомневаться, стоит ли вообще поступать на судно с

такими сомнительными хозяевами, я отошел к двери, чтобы пропустить Вилдада, уверенный, что он побежит от гнева своего компаньона. Но, к моему изумлению, он как ни в чем не бывало уселся на место и, казалось, был совсем спокоен. По-видимому, он уже вполне свыкся с пылким характером своего нечестивого товарища. Что же касается Фалека, то он, как бы извергнув из себя весь запас гнева, смиренно вернулся за стол, еще слегка подергиваясь от пережитого возбуждения.

— Уф-ф, — пропыхтел он наконец, — кажется, шквал прошел мимо. Вилдад, ты когда-то был мастером затачивать острогу, очини-ка мне это перо, мой нож притупился. Вот так, спасибо. Ну, юноша, как ты сказал тебя зовут? Измаил, что ли? Так вот, Измаил, я записал тебя на трехсотую долю.

— Капитан Фалек, — сказал я, — у меня есть товарищ, он тоже хочет наняться на корабль — можно его завтра привести?

— Ясное дело, — ответил Фалек, — веди его, и мы на него посмотрим.

— А ему какая доля понадобится? — пробурчал Вилдад, взглянув на меня поверх библии.

— Да не волнуйся ты об этом, Вилдад, — сказал

Фалек и, обращаясь ко мне, добавил: — Ходил он когда-нибудь за китами?

— Он перебил столько китов, что и не сочтешь, — ответил я.

— Ну, так приводи его к нам.

И, подписав бумаги, я удалился, уверенный в том, что удачно справился с возложенной на меня задачей и угодил именно на то судно, которому Йоджо доверил доставку нас с Квикегом за мыс Горн.

Однако, не пройдя и нескольких шагов, я сообразил, что так и не увидел капитана, с которым мне придется плавать, и, хоть я и знал, что нередко корабль уже бывает снаряжен, команда набрана и китобоец готов отдать концы, а капитана все еще нет на борту — ведь путешествие его продолжительно, а отдых краток, — но все же подумал, что хорошо было бы взглянуть на него хоть разок, прежде чем окончательно и бесповоротно отдать себя в его руки. Я повернул назад и, обратившись к Фалеку, поинтересовался, где можно увидеть капитана Ахава.

— На что тебе капитан Ахав? Все в порядке. Ты принят.

— Да, но мне хотелось бы на него посмотреть.

— Навряд ли у тебя что-нибудь выйдет. Я и

сам толком не знаю, что с ним такое приключилось, но он сидит взаперти у себя дома: болен, наверное, хоть на вид этого и не скажешь. Да нет, пожалуй, не болен, но и здоровым его не назовешь. Во всяком случае, он и меня-то не всегда хочет видеть, так что не думаю, чтобы ему захотелось встретиться с тобой. Он странный человек, наш капитан Ахав — так считают многие. Но ты не бойся, он тебе понравится. Он редко говорит, но уж когда говорит, то его стоит послушать, заметь это и помни. Ахав человек особенный: он и в колледжах побывал, и среди людоедов; он знает тайны поглубже, чем океанские глубины; а поражал острогой врагов, которые помогущественнее и позагадочнее, чем какой-то там кит! Да, это тебе не капитан Вилдад и не капитан Фалек, это Ахав, мой мальчик! Я его хорошо знаю, я много лет плавал у него помощником. Он, правда, никогда не был развеселым парнем, а возвращаясь из последнего рейса, совсем как бы лишился рассудка. Но ясно, что это случилось из-за невыносимой боли в кровоточащем обрубке. Вообще, с тех пор, как тот проклятый кит лишил его ноги, он постоянно угрюм — отчаянно угрюм — и временами впадает в ярость. Но все это пройдет. И раз навсегда запомни то, что я скажу тебе,

юноша: лучше плавать с угрюмым, но хорошим капитаном, чем с веселым, но дурным. А теперь прощай и будь справедлив к капитану Ахаву. К тому же, мой мальчик, у него есть жена— вот уж три рейса, как они обвенчались, — красивая, добрая молодая женщина. И от этой женщины у него ребенок. Ну, посуди сам, может ли быть старый Ахав безнадежно дурным? Нет, нет, мой мальчик, он изломан, изувечен, но он настоящий человек!

Я уходил, погруженный в глубокую задумчивость. То, что случайно открылось мне о капитане Ахаве, наполнило меня неясной и мучительной болью. Я испытывал к нему симпатию и сочувствие, может быть, потому, что он был так жестоко искалечен. И в то же время он внушал мне страх. Но страх этот — я не в силах его описать — не был обычным

страхом; это было какое-то иное чувство, которое рождало не враждебность, а скорее какую-то неясную тревогу. Но по-степенно мысли мои потекли в других направлениях, и темный образ Ахава на время покинул мое воображение.

Глава двенадцатая
Подпись Квикега

На следующее утро, приблизившись к «Пекоду», мы с Квикегом услышали вопль капитана Фалека, изумленного тем, что мой товарищ оказался чернокожим. Не покидая своего вигвама, он кричал, что не позволит людоеду ступить на палубу «Пекода». После недолгих пре-пирательств, в которых принял участие и капитан Вилдад, для Квикега все же было сделано исключение, и со своим неизменным гарпуном в руках он поднялся на корабль.

— Послушай, ты, Квебек, или как там тебя называют, — обратился к нему капитан Фалек, — ты когда- нибудь стоял на носу вельбота? Приходилось тебе метать гарпун?

Не произнеся, по своей дикарской привычке, ни слова, Квикег вскочил на фальшборт, оттуда перепрыгнул в один из подвешенных за бортом вельботов, опустился на левое колено и, потрясая гарпуном, прокричал в нашу сторону что- то в таком роде:

— Капитан, ты видела капля дегтя на воде, там?

Так пусть она глаз кита, гляди! — и, прицелившись, он метнул гарпун, который, пролетев над палубой и едва не задев широкополой шляпы Вилдада, вонзился в крохотное пятнышко дегтя, едва заметное на поверхности воды. — Вот, — спокойно сказал он, — я попал глаз кита, эта кит убита.

— Быстрей, Вилдад, — закричал Фалек своему компаньону, — заноси поскорей его в список команды! Этого Любека, или как его, Квебека, мы поставим на один из наших вельботов. Эй, Квебек, мы кладем тебе девяностую долю. В Нантакете столько не получал еще ни один гарпунщик.

И мы спустились в каюту, где, к превеликой моей радо-

сти, Квикег был внесен в списки того самого экипажа, к ко-торому принадлежал и я.

Когда все приготовления были окончены и настало время подписывать бумаги, Фалек обернулся ко мне и сказал:

— Судя по всему, писать этот твой Квебек не обучен, так ведь? Эй, Квебек, послушай, ты распишешься или поставишь крест?

В ответ на это Квикег, который уже два или три раза принимал участие в подобных церемониях, нимало не смущаясь, взял предложенное ему

перо и в положенном месте изобразил на бумаге точную копию круглого знака, вытатуированного у него на груди.

Все это время капитан Вилдад просидел чопорный и надутый, укоризненно глядя на Квикега, а под конец торжественно поднялся со стула и извлек из огромного кармана своего сюртука пачку брошюр. Он выбрал из них одну, озаглавленную «Грядет суд божий, спасайся, кто может», вложил ее в руки Квикега и, внушительно поглядев ему в глаза, произнес:

— Сын тьмы, я исполняю свой долг перед тобой. Судно это отчасти принадлежит мне, и я отвечаю за души всего экипажа. Если ты все еще держишься языческих обычаев, чего я с прискорбием опасаюсь, то умоляю тебя: не медля порви с дьяволом, отринь идола и мерзкого змия, поберегись грядущего гнева господня. Избегни огненной бездны!

— Ну, хватит тебе портить нашего гарпунщика, — вступился Фалек. — Благочестие гарпунщику ни к чему — оно мешает его искусству, а неискусный гарпунщик не стоит и дохлой мухи. Был у нас такой Нэт Свейн — самый храбрый из всех китобоев Нантакета и Вайнярда — так он стал ходить в молитвенный дом, и это не

довело его до добра: он так перетрусил за свою бессмертную душу, что теперь его в вельбот не затащишь.

— Фалек, Фалек! — воскликнул Вилдад, воздев руки к небу. — Как и я, ты пережил немало опасностей и не раз был на пороге смерти, так неужели тебе не совестно нести этот богохульственный вздор? Ты ожесточил свое сердце, Фалек! Ты скажи мне: в тот день, когда вот этот самый «Пе- код» потерял все свои мачты в страшном тайфуне у берегов Японии, разве ты тогда не думал о суде божьем?

— Вы только его послушайте! — вскричал Фалек и, глубоко засунув руки в карманы, забегал из угла в угол. — Вы

только послушайте, что он говорит! Когда же мне было думать о божьем суде, если все три мачты с грохотом колотились о борт, а волны наваливались на нас и с носа и с кормы? Думать о божьем суде — вот еще чего выдумал! Нет, мы думали о том, как спасти команду. Вот о чем тогда думали мы с капитаном Ахавом, о том, как поставить временные мачты и как добраться до ближайшего порта. А вовсе не о божьем суде.

Вилдад ничего не ответил, только застегнул свой сюртук на все пуговицы и со скорбным ви-

дом прошествовал на палубу.

Глава тринадцатая
Пророк Илия

Друзья, вы нанялись на этот корабль?

Мы только что покинули борт «Пекода», когда услышали эти слова и увидели перед собой однорукого незнакомца, который, став на нашем пути, протягивал указательный палец в сторону корабля. Он был одет в поношенный, вылинявший бушлат с пустым правым рукавом и заплатанные брюки, а на шее у него красовался изодранный черный платок. Лицо его было изуродовано оспой.

— Вы нанялись на этот корабль? — повторил он, разглядывая меня.

— Вы, вероятно, имеете в виду «Пекод», — сказал я, рассматривая незнакомца.

— Да, да, «Пекод», вот этот корабль, — сказал он и снова устремил указательный палец в направлении корабля.

— Вы не ошиблись, — ответил я, — мы только что подписали бумаги.

— Бумаги?.. О ваших душах?

— О чем?

— Впрочем, у вас их может не быть, — быстро проговорил он. — Тем лучше. Я знаю многих, у кого нет душ, а они богаты и счастливы. Душа — это вроде пятого колеса в телеге.

— О чем это ты толкуешь, приятель? — спросил я.

— Впрочем, его души хватит на всех, — проговорил не-знакомец.

— Пошли, Квикег, — сказал я, — этот парень, видно, сбежал откуда-то.

— Стойте! — крикнул незнакомец. — Неужели вы еще не видели старого Громобоя?

— Кто это старый Громобой? — спросил я, удивленный страстностью его тона.

— Капитан Ахав.

— Как! Капитан нашего «Пекода»?

— Да. Среди старых моряков он известен под этой кличкой. Так вы еще не видели его?

— Нет. Говорят, он был болен, но уже поправляется и скоро будет совсем здоров.

— Скоро будет совсем здоров? — с мрачной иронией повторил незнакомец. — Запомни: капитан Ахав будет здоров не раньше, чем будет здорова моя правая рука. Не раньше.

— Что вы о нем знаете?

— А что вам рассказали о нем?

— Немногое. Но я слышал, что он опытный китобой и хороший капитан.

— Это-то верно. Когда он приказывает, так тут уж поше-веливайся. Слово Ахава— закон. Все это так, но слышали вы о том, что случилось с ним давным-давно за мысом Горн, когда он три дня и три ночи пролежал будто мертвый? Об этом вы ничего не слышали? А об его драке с испанцем? А о серебряной фляге? А о пророчестве? Знаете что-нибудь об этом? Нет? А впрочем, кто вам мог рассказать? Кому это известно? Но уж о том, что он калека, вы слыхали? Да, я вижу, что об этом говорили, все знают, что нога у него только одна, а другую сожрал кашалот.

— Вот что, друг! Я не знаю, о чем ты болтаешь — видно, у тебя в голове что-то неладно, — но если ты имеешь в виду капитана Ахава, то позволь тебя заверить, что об увечье ка-питана мне все известно.

— Все? Ты уверен, что все?

— Совершенно уверен.

Глядя в сторону «Пекода», оборванец замер на минуту, словно погруженный в горестное раздумье, потом чуть вздрогнул, обернулся к нам и сказал:

— Ведь вы нанялись в команду, верно? Ваши

имена уже

внесены в список? Да? Ну что ж, что подписано, то подписано, и чему быть, тому не миновать. А может быть, еще обойдется, кто знает. Во всяком случае, кто-то ведь должен отправиться вместе с ним? Одни ли, другие — да смилуется над ними господь. Прощайте, друзья мои, прощайте. Небеса неизреченные да благословят вас. Простите, что задержал.

— Послушай-ка, друг! Если ты хочешь сообщить нам что- нибудь важное, так давай выкладывай. А коли нет, и ты нас просто дурачишь, так считай, что ошибся адресом. Вот что я тебе хотел сказать.

— И сказал-таки довольно неплохо. Люблю, когда так говорят. Ты как раз подходящий для него человек — такие ему и нужны. Прощайте же, друзья, прощайте. Да вот еще: когда вы его увидите, передайте, что я решил на этот раз к нему не присоединяться.

— Ну нет, парень, тебе не удастся заморочить нам голову, во всяком случае, не таким грубым манером. Легче всего сделать вид, что тебе известна какая-то великая тайна.

— Прощайте, друзья, прощайте.

— Прощай и ты, — сказал я. — Пойдем, Квикег,

оставим этого помешанного в покое. Однако, как твое имя?

— Илия.

Я мысленно повторил: «Илия», и мы с Квикегом зашагали прочь, каждый по-своему объясняя поведение однорукого оборванца. Мы сошлись на том, что он просто жулик, хоть и корчит из себя пророка. Но не прошли мы и сотни ярдов, как, сворачивая за угол, я случайно оглянулся назад и увидел Илию, который следовал за нами в некотором отдалении. Почему-то это так поразило меня, что я ничего не сказал Квикегу и шел молча, опасаясь про себя, что и незнакомец свернет за нами. Он свернул, и я подумал, что, вероятно, он преследует нас, хотя никак не мог себе представить, зачем ему это понадобилось. Обстоятельства нашей встречи в сочетании с его неясными иносказаниями, полунамеками и полуразоблачениями разбудили мои вчерашние опасения и мрачные предчувствия, связанные с капитаном Ахавом. Я твердо решил выяснить, действительно ли этот оборванец преследует нас, и с этой целью мы с Квикегом перешли на Другую сторону улицы и повернули обратно. Но Илия прошел мимо, по-видимому, не замечая нас. Это успокоило меня, и я снова подумал, что он просто

обманщик и не следует обращать внимания на его слова.

Глава четырнадцатая
Приготовления

На следующий день, после того, как Квикега зачислили в команду, всем матросам «Пекода» сообщили, чтобы они доставили на борт свои пожитки, потому что корабль может отплыть в любое время. Мы с Квикегом тоже привезли свои вещи, а сами решили провести еще ночь на берегу, зная, что нередко предупреждение делается заранее, часто за несколько дней до отплытия. И в этом нет ничего удивительного: перед длительным плаванием всегда бывает столько забот, что очень трудно точно предсказать, когда корабль будет оснащен полностью.

Всякому известно, какое бесконечное множество вещей — кровати, сковородки, ножи и вилки, лопаты и клещи, салфетки и щипцы для орехов и еще множество самых разнообразных предметов — необходимо в домашнем хозяйстве.

Что же сказать о китобоях, которым три года нужно будет вести хозяйство в открытом океане, вдали от бакалейщиков, уличных торговцев, врачей, пекарей и банкиров? И хотя это относится и

к торговым судам, но все же не в такой степени, как к китобойным, ибо, помимо необычайной длительности китобойного рейса и многообразия предметов, необходимых для промысла, нужно помнить также о том, что из всех судов китобойцы подвержены всякого рода несчастным случайностям и у них особенно часто теряются и портятся те предметы, от которых зависит успех плавания. Отсюда возникает необходимость в запасных вельботах, запасном рангоуте, запасных гарпунах и линях — решительно во всем запасном, кроме капитана и самого корабля.

Ко времени нашего прибытия в Нантакет трюмы «Пекода» уже были почти заполнены запасами говядины, сухарей, пресной воды, топлива, железных обручей и бочарной клепки. И все же предстояло еще раздобыть немало разнообразных вещей.

В этом завершающем деле главным лицом была сестра капитана Вилдада, тощая леди, женщина неутомимая и добросердечная, которая, видимо, решила, что, насколько это

зависит от нее, на «Пекоде» не должно быть недостатка ни в чем.

То она приносила на корабль банку солений для кладовой стюарда, то приходила со связкой

перьев, чтобы положить их в стол старшего помощника, где хранится судовой журнал, то с куском фланели, на случай, если у кого-нибудь заболит поясница. Не было еще женщины, которая так заслужила бы данное ей имя, ибо звали этого ангела-храни- теля Чэрити, что означает — милосердие. Все на корабле называли ее сестрицей Чэрити, и действительно, она, как сестра милосердия, суетилась в каютах и кубрике, готовая приложить руку и сердце ко всему, что обещает удобство, утешение и безопасность обитателям корабля. В последний день эта прекрасносердечная особа потрясла всех нас, явившись на корабль с длинным черпаком для китового жира в одной руке и с еще более длинной китобойной острогой — в другой.

Не отставали от нее в заботах о снаряжении «Пекода» и Вилдад с Фалеком.

Вилдад повсюду носил с собой длинный список необходимых вещей и всякий раз, как прибывал новый груз, делал в этом списке пометки, а Фалек то и дело выскакивал из своей костяной берлоги, прихрамывая подбегал к люкам и орал на тех, кто работал внизу, потом орал на тех, кто работал наверху, и, не переставая орать, снова удалялся в свой вигвам.

В эти последние дни мы с Квикегом часто бывали на судне, и я всякий раз интересовался здоровьем капитана Ахава и тем, как скоро он явится на свой корабль. На все вопросы мне отвечали, что ему все лучше и лучше и что его ожидают со дня на день.

Будь я с собой совершенно честен, я бы, конечно, отметил, что мне вовсе не улыбается перспектива отправиться в столь долгое путешествие, даже не взглянув на человека, который станет моим неограниченным владыкой, лишь только судно выйдет в открытое море. Но когда очень увлечен делом, то, и сам не замечая этого, стараешься скрыть от себя свою тревогу. Так было и со мной. Я просто старался не думать о капитане Ахаве.

Наконец было объявлено, что завтра корабль отплывает. Утром и я и Квикег проснулись ни свет ни заря и сразу же отправились на пристань.

Глава пятнадцатая
На борту

Когда мы приблизились к морю, было уже около шести часов, но серая, туманная заря только еще занималась.

— Смотри-ка, Квикег, — сказал я. — Вон уже кто-то бежит к «Пекоду». Наверное, мы отплываем на рассвете. Пошли скорей!

— Стойте! — неожиданно раздался голос, и вдруг между нами протиснулся Илия, положил руки нам на плечи и, пристально вгляды-ваясь то в одного, то в другого, спросил: — Туда?

— Эй, ты, руки прочь! — сказал я.

— Вы на корабль?

— На корабль. Но тебе-то что за дело? Известно ли вам, мистер Илия, что вы нам изрядно надоели?

— Нет, нет, этого я не знал, — ответил он, медленно переводя с меня на Квикега свой удивленный и странный взгляд.

— Илия, — сказал я, — мы были бы вам очень обязаны, если бы вы оставили нас в покое. Мы сегодня уходим в море— в Тихий и Индийский

океаны, — мы спешим и вовсе не собираемся из-за вас задерживаться.

— Спешите? И думаете к завтраку вернуться?

— Квикег, он стукнутый, — сказал я. — Пошли.

— Э-хей! — заорал Илия, когда мы отошли на несколько шагов.

— Не обращай внимания, — сказал я Квикегу, — идем.

Но он снова подкрался к нам и, неожиданно хлопнув

меня ладонью по плечу, спросил:

— А ты видел, что на корабль вроде бы прошли сейчас какие-то люди?

Застигнутый врасплох этим простым вопросом, я остановился и ответил:

— Да, мне показалось, что я видел четверых или пятерых мужчин, но было еще так темно, что я мог ошибиться.

— Темно? — повторил Илия. — Ну что ж, прощайте.

И мы снова расстались с ним, но он опять подкрался сзади и, дотронувшись до моего плеча, шепнул:

— А ты попытайся теперь отыскать их на корабле.

— Отыскать, кого?

— Прощайте, прощайте! — отозвался он, снова удаляясь от нас. — Я хотел только предупредить, но это бесполезно… Вижу: все одно к одному, что ж, дело ваше… Подмораживает сегодня, а?.. Ну, счастливого пути. Надеюсь, встретимся не скоро… Разве что перед Высшим Судом. — И с этими безумными словами он наконец исчез, оставив меня в немалом недоумении.

Ступив на палубу «Пекода», мы нашли корабль погруженным в глубочайшую тишину. Нигде ни души, капитанская каюта заперта изнутри, люки задраены и завалены бухтами канатов. Мы прошли на бак и отыскали там один незакрытый люк. Разглядев внизу свет, спустились по трапу и увидели старика-такелажника, который, закутавшись в драный бушлат и положив лицо на согнутые руки, растянулся на двух сдвинутых сундуках. Он крепко спал.

— Интересно, — спросил я Квикега, — куда могли деться те люди, которые прошли на корабль перед нами?

Оказалось, что тогда, на пристани, Квикег вовсе ничего не заметил и, если бы не странные вопросы Илии, то я был бы склонен думать, что мне лишь померещились те фигуры в предутреннем тумане. Но я постарался отогнать свою тревогу

и сказал Квикегу, что, пожалуй, нам тоже, как и этому такелажнику, стоит пристроиться здесь до утра.

Квикег согласился со мной, ощупал зад спящего и, убедившись, что он достаточно мягкий, преспокойно на нем уселся.

— Что ты делаешь? — воскликнул я. — Вставай скорее!

— Почему? — удивился Квикег. — Очень удобная места. У нас дома моя всегда так сидела.

— Да ведь ему тяжело, посмотри, как он дышит; я просто не понимаю, как он еще не проснулся.

Квикег пересел на сундук поближе к голове старика и разжег свой томагавк, а я уселся на другом сундуке возле ног старика. Мы по очереди затягивались из трубки, передавая ее друг другу. Квикег рассказал, что у него на родине нет ни диванов, ни кресел, а цари и вожди племен имеют обыкновение откармливать несколько лежебок из низших сословий, чтобы использовать их в качестве кушеток. Во время прогулок не надо брать с собой складного стула, живая мебель идет за вами и укладывается под

любым раскидистым деревом, будь там хоть камни, хоть болото.

Всякий раз, принимая от меня свой томагавк,

Квикег как бы взмахивал его острым концом над головой спящего.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я.

— Она легко убивать! Очень хорошо!

И он погрузился в воспоминания, навеянные этой двусмысленной трубкой, которая в прошлой его жизни служила ему не только для успокоения души, но и орудием вечного успокоения врагов.

Тут наше внимание снова привлек спящий такелажник. Табачный дым доверху наполнил тесное помещение, и это, наконец, подействовало на старика. Он глубоко вздохнул, раза два перевернулся с боку на бок, открыл глаза и сел.

— У-ух, — выдохнул он. — Вы кто такие, курильщики?

— Мы матросы. Когда отплываем?

— Сегодня, — ответил он. — Ночью прибыл капитан.

— Какой капитан? Ахав?

— А какой же еще?

Я собрался расспросить его об Ахаве, но в это время на палубе над нами раздался шум.

— Вот и Старбек приехал, — сказал такелажник. — Боевой у вас старший помощник. Хороший он парень. Ну, мне пора.

Он вылез на палубу, и мы последовали за ним.

Глава шестнадцатая
Паруса поставлены

Наконец к полудню, после того, как все такелажники покинули корабль, трап был убран, а заботливая сестрица Чэрити, доставив на судно свой последний дар — ночной колпак для второго помощника капитана, — спустилась в шлюпку, после всего этого Вилдад и Фалек показались из каюты и, обращаясь к старшему помощнику капитана, Фалек сказал:

— Все в порядке, мистер Старбек, не так ли? Капитан Ахав уже готов, мы только что го-

ворили с ним. На берегу ничего не забыли? В таком случае— свистать всех наверх, черт побери!

— Ну, ну, Фалек, зачем в такую минуту сквернословить? — заметил ему Вилдад и обратился к Старбеку: — А ты, друг Старбек, поживей исполни наше приказание.

Вот тебе и раз! Корабль уже отплывает, а Вилдад и Фалек все еще распоряжаются на нем с таким видом, словно намерены командовать и в море. Что же касается капитана Ахава, то его все еще не видно на палубе. Впрочем, для того,

чтобы поднять якорь и вывести судно в открытое море, вовсе не обязательно, чтобы распоряжался капитан — это дело лоцмана. На торговых судах бывает, что капитан не появляется на палубе и после подъема якоря, а остается в кают- компании за прощальной пирушкой со своими дружками, которые затем покидают судно на лоцманском боте.

Однако мне некогда было особенно размышлять о происходящем, ибо капитан Фалек орал и командовал в необычайном возбуждении:

— Стройтесь, чертовы дети, — кричал он на матросов, замешкавшихся у грот-мачты, — стройтесь, дьявол вас возьми! Мистер Старбек, гоните их на ют.

Через минуту — следующий приказ:

— Убрать палатку, живо!

Как я уже говорил, этот вигвам, сооруженный из китового уса, стоял на палубе только во время стоянки в Нантакете, и приказ убрать его вот уже тридцать лет предшествовал подъему якоря. Не успели люди закончить одно дело, как последовало новое распоряжение:

— Людей к шпилю! Быстрей! Кровь и гром!

При подъеме якоря лоцман должен занять свой пост на носу корабля, и вот Вилдад, который,

кстати сказать, помимо всего прочего был еще и лоцманом, — причем поговаривали, что он стал лоцманом только из жадности, чтобы не платить денег за проводку своего корабля, — так вот Вилдад, стоя на носу, унылыми псалмами подбадривал матросов, поднимавших якорь, а они отзывались на его псалмы каким-то легкомысленным припевом о красотках из Бубл-Эйли.

Тем временем Фалек продолжал неистово ругаться и богохульствовать, так что я даже подумал, как бы он, чего доброго, не потопил судно прежде, чем мы поднимем якорь, и с этой мыслью я невольно замешкался возле ворота, на который накручивалась якорная цепь, но в тот же момент почувствовал внезапный толчок в зад. Я обернулся и с ужасом увидел позади себя Фалека, который как раз выводил свою левую ногу из непосредственного соприкосновения с моим телом. Это был первый в моей жизни пинок в зад.

— Вот, значит, как служат на торговых судах! — орал Фалек. — Шевелись ты, баранья башка! Шевелитесь, дьяволы, чтобы кости трещали, к чертовой матери! Пошевеливайтесь вы, ублюдки! И ты, дьявольский Квебек! А ты чего дрыхнешь, рыжий! Говорят тебе: шевелись! А ты, в шапочке, — тебя это не касается? Шевелитесь,

поворачивайтесь, черт вас возьми!

С такими проклятиями он метался возле борта, то и дело пуская в ход свою ногу, между тем как невозмутимый Вил- дад продолжал уныло бормотать свои псалмы.

Наконец якорь был поднят, паруса поставлены, и мы стали плавно удаляться от берега. Когда короткий северный день незаметно растворился в вечерней мгле, мы были уже в океане, и морозные брызги одели нас льдом, точно сверкающими латами. Длинные ряды китовых зубов вдоль бортов светились в лунном сиянии, а гигантские ледяные сосульки свисали с носа «Пекода», будто белые бивни огромного слона.

Долговязый Вилдад стоял на носу, и всякий раз, когда судно зарывалось в зеленые волны, вздрагивая обмерзшим своим корпусом, сквозь свист ветра и звон снастей можно было различить его спокойный голос и слова псалма:

Раскинулись под солнцем богатства Ханаана
Зеленые холмы и тучные поля.
Лежит пред иудеями за брегом Иордана
обещанная Господом земля.

Никогда еще эти слова не звучали для меня так сладостно. Они были полны надежд и обещаний. И пусть сейчас я весь промок до нитки, пусть я дрожу от холода, потому что морозная ночь и буря властвует над океаном, все равно где- то впереди меня ждут прекрасные гавани, и солнечное небо, и зеленые луга, круглый год покрытые свежей нетоптанной травой.

Наконец мы настолько удалились от берега, что лоцман был уже не нужен, и парусный бот, сопровождавший нас, подошел к борту, чтобы забрать Вилдада и Фалека.

Они были очень взволнованы, особенно Вилдад. Ему ужасно не хотелось покидать этот корабль, отправляющийся в долгое и опасное плавание, корабль, на котором его старый товарищ уходил капитаном, снова пускаясь навстречу ужасам яростного океана. Ему не хотелось расставаться с судном, в которое было вложено все его богатство, заработанное многолетним трудом. И бедный старый Вилдад все мешкал и бесконечно оттягивал свой отъезд. Он возбужденно ходил по палубе, еще раз спустился в каюту капитана, чтобы сказать последнее «прощай», снова вернулся на палубу, потом поглядел вверх, потом направо, потом налево; ухватил за руку верного Фалека

и, подняв фонарь, с минуту стоял, мужественно глядя в его лицо и словно говоря: «Ничего, мой друг Фалек, я выдержу это. Да, выдержу».

Сам Фалек отнесся к расставанию более философски, но, несмотря на это, на глазах у него сверкнули слезы, и он тоже не раз проделал путь от борта до капитанской каюты.

Но вот, наконец, он решительно обернулся к своему другу:

— Капитан Вилдад, — сказал он, — пойдем, старый друг, нам пора… Эй, на палубе! Брасопить грота-рей!.. На боте! К борту, живо!.. Осторожнее, осторожнее!.. Пошли, Вилдад, старина! Прощайся… Удачи тебе, Старбек, удачи и вам, мистер Стабб. Прощайте все, желаю счастья. В этот самый день ровно через три года я вас всех жду к себе ужинать. Еще раз — прощайте и будьте счастливы!

— И да пребудет с вами господь бог! — чуть слышно пробормотал Вилдад. — Надеюсь, скоро установится хорошая погода и тогда капитан Ахав появится среди вас. Яркое солнце — вот все, в чем он нуждается. А этого у вас будет предостаточно, как только вы доберетесь до тропиков. Будьте осторожны в преследовании китов, мистер Старбек! А вы, гарпунщики, берегите вельботы, ведь

хорошие доски подо-рожали в этом году на три процента. И не забывайте молиться, братья мои. Да, вспомнил: парусные иглы лежат в зеленом сундучке. И поменьше промышляйте в божьи праздники, это великий грех. Но и хорошего случая не упускайте — зачем отвергать дары господа бога? Приглядывайте за бочонком с патокой, мистер Стабб, в нем, кажется, небольшая течь. Прощайте! Прощайте! Да, мистер Старбек! Не держите слишком долго сыр, а то он испортится. Да с маслом будьте поаккуратнее — за него плачено по двадцать центов за фунт. И помните: если вы…

— Идем, капитан Вилдад, хватит тебе болтать. Пошли, пошли! — с этими словами Фалек потянул его за собой к борту и оба спустились в бот.

Бот отошел от «Пекода». Он уходил все дальше. Сырая холодная ночь легла между нами. С тяжелым сердцем мы трижды прокричали «ура» и вслепую погрузились в пустынную Атлантику.

Глава семнадцатая
В защиту китобоев

Итак, мы с Квикегом стали китобоями, но профессия эта не считается особенно благородной, и если в светском обществе кто-нибудь отрекомендуется гарпунщиком, то вряд ли ему окажут такую же честь, как, скажем, морскому офицеру, — и потому я считаю своим долгом разоблачить эту несправедливость.

Несведущие люди полагают, что добыча китов — это та же бойня, а китолов, имеющий дело с кровью и грязью, ничем не отличается от обыкновенного мясника. Я не стану спорить, мы, конечно, мясники, но в таком случае еще более кровавыми мясниками следует считать всех прославленных полководцев, которым вы воздаете всяческие почести. Что же касается крови, китовых кишок и внутренностей, которые загрязняют палубы наших судов, то разве их можно сравнить с ужасными полями сражений, усеянными трупами людей.

Но посмотрим на дело с другой стороны, и я докажу вам, что китобои заслуживают всеобщего

уважения.

Вы знаете, что одно время у голландцев китобойные флотилии возглавляли адмиралы? А король Франции Людовик Шестнадцатый на собственные деньги снаряжал экспедиции за китами и даже пригласил во Францию несколько потомственных нантакетских китобоев. А Британское правитель-ство, между 1750 и 1788 годами, чтобы поощрить своих китобоев, наградило их миллионом фунтов стерлингов. И, наконец, известно ли вам, что у нас в Америке сейчас занимаются китобойным промыслом более восемнадцати тысяч человек? Они составляют экипажи семисот парусных кораблей, и общая стоимость их добычи составляет почти семь миллионов долларов. Неужели все это не свидетельствует о том, что китобойный промысел укрепляет могущество государств?

Но это еще не все. Я утверждаю, что нет другой профессии, которая имела бы для человечества столь важное значение. Ведь именно китобои, рыская по океанам, открывают неизвестные острова и архипелаги. И если теперь корабли Америки и Европы спокойно заходят во многие порты, то пусть они славят китобоев, которые первыми побывали на этих берегах и установили

связи с туземцами. Я утверждаю, что десятки нантакетских капитанов, имена которых никому не известны, заслуживают не меньшего почета, чем Кук, Ванкувер, Крузенштерн и другие известные всему миру мореплаватели, потому что им, этим отважным нантакетским капитанам, приходилось почти без оружия сражаться с дикарями, населявшими неведомые земли, и с акулами, населявшими неведомые моря.

Именно китобои первыми обогнули мыс Горн. Благодаря им Перу, Чили и Боливия были освобождены от испанской зависимости. И Австралия, в сущности, стала процветающей страной из-за китобоев. После того, как ее случайно открыл один голландский моряк, еще долгое время ни одно судно не решалось пристать к ее таинственным берегам, и только китобои отважились на это и поделились своими сухарями с первыми европейскими поселенцами, умиравшими там голодной смертью. И Полинезию первыми посетили китобойные суда, проложившие туда путь миссионерам и купцам.

Но, может быть, вы скажете, что китобойный промысел не вдохновил ни одного известного писателя? Ошибаетесь: в самой известной на свете книге — в священном писании можно найти

первое изображение грандиозного кита Левиафана. А первый отчет о китобойной экспедиции написал норвежский король Альфред Великий. И в этом нет ничего удивительного, потому что китобойный промысел — это вполне царственное занятие, — не зря ведь древний английский закон объявил кита «королевской рыбой». И действительно: нет в природе другого живого существа, в котором было бы столько величия. Даже небеса свидетельствуют об этом: китом названо одно из созвездий неба в южном полушарии.

Итак, шапки долой перед китобоем! Я знал одного

гарпунщика, который забил за свою жизнь триста пятьдесят китов. По-моему, этот великий человек больше достоин славы, чем Александр Македонский, захвативший и разрушивший сотни городов. Что же касается меня самого, то должен вам признаться, что всем лучшим, что есть во мне, я обязан тем, что был китобоем, ибо китобойное судно стало для меня и школой, и университетом.

Глава восемнадцатая
Рыцари и оруженосцы

Старшим помощником капитана шел на «Пекоде» урожденный нантакетец мистер Старбек. Он, должно быть, родился во время голода или засухи, а может быть, нантакетское солнце, тридцать лет всходившее над его головой, вытопило из него все лишнее. Худощавость его не была ни следствием забот и волнений, ни, тем более, признаком телесной немощи; вовсе нет. Его чистая кожа туго обтягивала тело, забальзамированное железным здоровьем, и Старбек, словно египетская мумия, готов был встретить грядущие десятилетия, не поддаваясь ни полярным снегам севера, ни знойному солнцу юга.

В его глазах можно было увидеть отражение бесчисленных опасностей, с которыми ему пришлось сразиться. Это был стойкий и уравновешенный человек. Но, при всей закаленности его духа, долгое одиночество в бурных морях склонило этого от природы разумного моряка к различного рода суевериям. Он верил в предзнаменования и предчувствия, перед которыми

нередко отступал его суровый разум. Но еще больше могли поколебать его твердость воспоминания о далеком доме, о сыне и молодой жене. И, подобно многим по-настоящему отважным и честным людям, он иногда сдерживал в себе внезапные порывы безрассудной отваги, понимая, что самое надежное и полезное мужество— это то, которое основано на трезвой оценке опасности, и что отчаянно храбрый товарищ может иногда оказаться опаснее труса.

«Да, — говорил о нем Стабб, второй помощник капитана, — такого осторожного китобоя, как наш Старбек, пожалуй, нигде не сыскать».

Но мы еще увидим, что означает слово «осторожный», когда его произносит Стабб или вообще китобой.

Старбек не гонялся за опасностями и к храбрости отно-сился без всяких сантиментов; для него она была просто необходимой вещью, которая всегда под рукой и может потребоваться в любую минуту. Он считал, что храбрости, так же, как мяса и масла, следует иметь на корабле побольше, но тратить ее с умом. Он никогда не пускался в погоню за китом после захода солнца и не упорствовал, преследуя врага на своем вельботе, ибо рассуждал так: «Я плаваю по бурным океанам для

того, чтобы, убивая китов, добывать себе пропитание, а вовсе не для того, чтобы киты с той же целью убивали меня». О том же, что сотни людей, увлекаясь преследованием, нашли свою смерть, Старбек знал лучше многих других, потому что в бездонных глубинах океана погибли и отец его, и брат.

И если, несмотря на эти воспоминания, рассуждения и суеверия, Старбек вступил в смертельные схватки с волнами, ветрами и исполинскими чудовищами, сохраняя при этом замечательную отвагу, то это оттого, что он действительно был человеком необычайного, выдающегося мужества, к которому в глубине души стремится каждый из нас.

Второй помощник капитана, Стабб, был уроженцем мыса Код. Беспечный весельчак, он невозмутимо встречал любые опасности и в самые критические минуты оставался спокойным и беззаботным. Во время смертельных схваток с китом он командовал вельботом так, будто сидел за праздничным столом и матросы были его дорогими гостями. В своей лодке он старался устроиться наиболее удобно и комфортабельно, словно это была не лодка, а роскошный экипаж. А в схватке с разъяренным китом он спокойно

и даже небрежно приподнимал свою безжалостную острогу, как слесарь, насвистывая, берется за молоток. И даже вонзая острогу в обезумевшее от ярости чудовище, он не переставал напевать свою любимую песенку. Я не знаю, что он думал о смерти, да и думал ли о ней вообще, но, если даже как-нибудь после сытного обеда ему и пришла в голову мысль о смертном часе, то скорее всего он представлял себе свой смертный час как некую команду, что-то вроде: «Всех свистать наверх!», а что там наверху придется делать, это уж там видно будет, и нечего об этом думать раньше времени.

Но что особенно помогало Стаббу так весело и бесстрашно нести бремя жизни, так это его трубка, потому что короткая черная трубочка во рту была столь же неотъемлемой частью его лица, как, скажем, его широкий приплюснутый нос, хотя, честно говоря, я скорее могу себе представить, как Стабб вылезает из-под одеяла без носа, чем без трубки. Возле своей койки он постоянно держал несколько набитых трубок и, отправившись на боковую, мог не вставая выкурить их все до последней, разжигая одну от другой и тут же набивая снова, чтобы они всегда были наготове, — ведь, одеваясь утром, Стабб первым делом

совал не ноги в брюки, а трубку в зубы. Я думаю, что беспрерывное курение и было главной причиной его отлич-ного расположения духа, потому что дым его трубки как бы разгонял все горести и заботы, которые, как всем известно, по утрам витают в воздухе, и над землей, и над морем.

Третьим помощником капитана был Фласк, уроженец Тисбери, что на острове Вайньярд — низенький, крепкий, румяный мужичок, весьма задиристо настроенный по отно-шению к китам, будто они были его личными врагами, которых он должен немедленно уничтожать, где бы их ни увидел. Никакого восхищения или благоговения перед исполинскими размерами и тайными повадками китов он не испытывал, опасности в сражении с этими чудовищами не находил и вообще могучий властелин океанов был в его представлении чем-то вроде мыши, или, лучше сказать — водяной крысы, охота на которую требовала лишь самой малой хитрости и сноровки. Эта глуповатая отвага способствовала несколько легкомысленному отношению Фласка к промыслу, и он преследовал свою добычу исключительно ради удовольствия, так что трехлетние скитания по океанам он воспринимал всего лишь как веселую прогулку.

Три помощника капитана — Старбек, Стабб и Фласк — были самыми главными людьми в экипаже «Пекода». Им поручалось командование тремя вельботами. В предстоящем грандиозном сражении, когда капитан Ахав пошлет на врага всю свою армию, эти три китобоя должны стать как бы командирами трех полков. Еще их можно было бы сравнить со средневековыми рыцарями, вооруженными зазубренными острогами, словно длинными пиками; — тем более, что у каждого командира вельбота, подобно их средневековым коллегам, есть как бы оруженосец — это гарпунщик, который во время боя подает рыцарю-китобою запасную острогу вместо погнутой в схватке или выбитой из рук.

Обычно командира вельбота и гарпунщика связывает очень близкая дружба, поэтому совсем не лишнее здесь упомянуть гарпунщиков «Пекода» и сказать, кто из них плавал на чьем вельботе.

Прежде всего, я назову Квикега, которого взял на свой вельбот Старбек. Но с Квикегом мы уже знакомы.

Следующим идет Тэштиго, чистокровный индеец из Гейхеда, западной оконечности острова Вайньярда, откуда происходят самые отважные гарпунщики Нантакета. Длинные прямые чер-

ные волосы Тэштиго, его выступающие скулы и сверкающие глаза неоспоримо доказывали, что он унаследовал кровь гордых охотников, некогда бродивших по лесным дебрям с луком в руках по следам диких лосей. Тэштиго был оруженосцем Стабба.

Третьим гарпунщиком был Дэггу — черный, как смоль, негр — гигант с поступью льва. В ушах у него болтались два золотых кольца, таких огромных, что матросы называли их рымами и поговаривали, что не худо бы их приспособить для крепления фалов. Еще в юности Дэггу нанялся на китобойное судно, как-то посетившее уединенный залив на его родном побережье, и с тех пор многие годы провел в охоте за китами, почти не сходя на берег, и, быть может, поэтому он сохранил в неприкосновенности чувство собственного достоинства, свойственное воинственным дикарям, и, надменный, как жираф, расхаживал по палубе во всем великолепии своего гигантского роста. Глядя на него снизу вверх, белый человек чувствовал себя маленьким и немощным и был похож на белый флаг, молящий о перемирии могучую черную крепость. Смешно сказать, но этот черный гигант был оруженосцем крошечного легкомысленного Фласка.

Что же касается остальных членов нашего экипажа, то почти все они были рождены на различных островах, то

есть были коренными островитянами — и в прямом и в переносном смысле. Я хочу сказать, что каждый из нас жил сво-ей собственной жизнью, со своими радостями, привязанностями, надеждами, — жил как бы на маленьком островке среди мирового океана несправедливости, горя и обид. И вот все мы объединились под водительством старого Аха- ва и плывем в одном фарватере, чтобы выследить все зло этого мира и призвать его к ответу. Немногие из нас выйдут живыми из этого поединка. Не вернется маленький негритенок Пип. Он уйдет из мира раньше всех. Бедный мальчик из Алабамы! На баке нашего мрачного «Пекода» вы скоро увидите его с тамбурином в руках, и он будет бить в свой тамбурин, как бы предвидя тот час, когда ему прикажут вскарабкаться на бесконечную мачту, которая достигает самого неба, оттуда он будет бить и бить в свой тамбурин, и хотя здесь, на земле, его считали трусишкой, там, на небе, он будет прославлен как герой.

Глава девятнадцатая
Капитан Ахав

Прошло несколько дней, а капитан Ахав все еще не выходил из своей каюты. Его помощники аккуратно сменяли друг друга на вахте, и можно было подумать, что они полновластные командиры корабля, если бы временами они не спускались в капитанскую каюту, возвращаясь оттуда с приказами столь неожиданными и безапелляционными, что сразу обнаруживалась вся условность их власти.

Каждый раз, поднимаясь на палубу, я нетерпеливо глядел на шканцы, не увижу ли там капитана; теперь, посреди бескрайнего океана, смутное беспокойство, которое вызывала у меня загадочность Ахава, превратилось в глубокое смятение, и все чаще вспоминались странные бессмысленные пророчества придурковатого оборванца Илии. Но когда, охваченный тревогой, я оглядывал палубу, то ее безмятежность всякий раз убеждала меня в бесчеловечности моих опасений. Слов нет, наша команда представляла собой довольно пеструю толпу, но это я объяснял

своеобразием самой профессии китобоев. А трое старших офицеров, помощников капитана — отличных командиров и опытных моряков — были будто специально подобраны так, чтобы рассеять все тревоги и сомнения.

Мы покинули гавань на рождество, и первые дни нас преследовала суровая стужа. Но мы плыли на юг, зима оставалась позади, и с каждым часом становилось все теплее. И вот, в одно туманное утро, которое никак нельзя было назвать холодным, когда подгоняемый попутным ветром «Пекод» несся вперед, упрямо разрезая океанские волны, я поднялся на палубу. Взглянув на шканцы, я увидел— там стоял капитан Ахав.

Никаких следов болезни на нем не было заметно. Он казался человеком, обгоревшим в пламени, которое опалило его тело, но не успело обглодать его. Весь он был как будто отлит из бронзы, такая в нем чувствовалась могучая сила. Через его лицо проходила странная мертвенно-синяя полоса, начинавшаяся где-то под седыми волосами и уходившая по шее за воротник. Она напоминала след, который иногда оставляет молния на коре дерева. Никто не знал, была ли у него эта полоса от рождения или же это след какой-то ужасной раны. Один пожилой индеец из Гейхеда, земляк

Тэштиго, утверждал, что, только достигнув сорока лет от роду, получил Ахав это клеймо, и не в яростной схватке с врагами на земле, а во время одного ужасного шторма в океане. Однако другой матрос, которого весь экипаж считал кем-то вроде прорицателя, утверждал, что если капитан Ахав удостоится обычного погребения (что очень мало вероятно, — добавлял он шепотом), то те, кто его будут обмывать, увидят, что это у него вовсе не шрам, а родимое пятно от макушки и до самых пят.

Хмурое лицо Ахава, прорезанное мертвенно-синей полосой, так поразило меня, что я не сразу даже заметил, насколько мрачность всего его облика усиливалась оттого, что он опирался на искусственную костяную ногу. Я уже раньше слышал, что его нога была сделана из полированной челюсти кашалота. Тот же старый индеец из Гейхеда говорил: «У берегов Японии его корабль потерял все мачты, а сам он потерял ногу. Тогда он сделал себе и новые мачты и новую ногу».

Необычная поза старого капитана поразила меня. На юте «Пекода» вдоль обоих бортов под самыми вантами в досках палубы были просверлены отверстия глубиной около полудюйма. Укрепив костяную ногу в таком отверстии и поднятой кверху рукой держась за ванту, капитан Ахав стоял, выпрямившись во весь рост, и не отрываясь смотрел на море. Безграничная твердость была в этом взгляде и упрямая целеустремленность. Капитан молчал; молчали и его помощники, но выражения их лиц и почти неприметные жесты свидетельствовали о том, что они чувствуют себя в беспредельной власти угрюмого капитана, стоявшего рядом с ними с царственным достоинством и погруженного в неведомые думы, таинственные страдания и величественное горе.

Первый раз Ахав недолго пробыл на воздухе и скоро вернулся в каюту. Но с этого дня его часто можно было увидеть у борта. Он или стоял, уперев искусственную ногу в опорное углубление, или сидел на табурете, который тоже был сделан из китовой кости, или медленно прохаживался по палубе. По мере того, как небо становилось яснее и солнце светило приветливее, он все меньше времени проводил в своей каюте, как будто лишь

мертвящий холод зимнего моря понуждал его к уединению. Мало-помалу он стал почти весь день проводить на залитой солнцем палубе, но ничего не делал и приказов не отдавал и от этого казался таким же ненужным, как лишняя мачта на корабле. Впрочем, промыслового района мы еще не достигли, все необходимое делали помощники капитана, так что Ахаву пока еще нечем было разогнать мрачные тучи, громоздившиеся на его высоком челе.

Но постепенно летняя веселая погода, лаская старика солнечными лучами и завораживая нежными тонами синего неба, рассеивала его тоску, и, подобно старому дубу, который радуется первым весенним росткам на своем корявом теле, Ахав тоже как бы оттаивал и возвращался к жизни.

Глава двадцатая
Стычка на шканцах

Через несколько дней все льды остались за кормой и над океаном распростерлась теплая и ясная весна. Прекрасны были величавые и надменные звездные ночи. Это великолепное торжество природы сообщало достоинство и могущество не только внешнему миру, но и проникало в души людей, и когда над водой опускался тихий и ласковый вечер, память ткала из его нежных сумерек чистые воспоминания. И душа старого Ахава откликнулась на это колдовство.

Старики не любят спать; как будто чем дольше живет человек, тем более сон напоминает ему о смерти. Седобородые капитаны весьма охотно расстаются с койкой, чтобы нанести визит на спящую палубу. Так было и с Ахавом. Почти все ночи он проводил на шканцах, только изредка заглядывал в свою каюту и, спускаясь по узкому трапу, шептал про себя такие слова: «Будто спускаешься в склеп. Нет, слишком ты стар, капитан, чтобы добровольно ложиться на койку, ведь скоро тебе придется ложиться в могилу».

И вот, каждые сутки, как только поднималась на палубу ночная вахта и моряки наверху охраняли сон моряков, оставшихся внизу, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящих товарищей, молчаливый рулевой начинал поглядывать в сторону капитанской каюты: и почти сразу же из люка появлялась голова капитана, который, крепко ухватившись за железные поручни, с трудом преодолевал последние ступеньки трапа.

В ночные часы он обычно воздерживался от хождения по палубе, чтобы шагами не разбудить своих усталых помощников, которые, услышав его костяную поступь, быть может, увидели бы во сне лязгающие акульи зубы. Но однажды он вылез на палубу и, глубоко задумавшись, забыл о стуке своей костяной пяты. Растревоженный его тяжелыми шагами, проснулся Стабб и тоже поднялся на палубу.

— Что ж, — заметил он каким-то неуверенно шутливым тоном, — если капитану Ахаву хочется ночью гулять по палубе, то тут, конечно, ничего не скажешь, но… может быть, следовало бы как-нибудь приглушить шаги… ну, допустим, навертеть комочек пакли на…

Ах, Стабб! Ты еще не знал своего капитана!

— Разве я пушечное ядро, Стабб, что ты хочешь

присобачить ко мне пыж? — ответил Ахав. — Я забыл о проклятой костяшке, это верно, но ты иди к себе, иди вниз, в свою еженощную могилу, где такие, как ты, спят, завернувшись в саван, чтобы поскорее к нему привыкнуть. Вниз, пес! Быстро! В конуру!

Ошеломленный столь неожиданным оборотом дела, гневом и презрением, которые прозвучали в последних восклицаниях капитана, Стабб на мгновение лишился речи, а затем с достоинством произнес:

— Я не привык, чтобы со мной так обращались, сэр! Да, не привык!

— Прочь! — крикнул Ахав и резко шагнул в сторону, словно спасаясь от яростного соблазна.

— Нет, сэр, обождите! — проговорил Стабб. — Я не стану покорно выслушивать, когда меня называют псом, сэр.

— Тогда я назову тебя трижды ослом, ишаком и мулом. Убирайся прочь сейчас же, или я успокою тебя навеки!

И Ахав шагнул к нему с такой злобой, что Стабб невольно отшатнулся.

«Никогда еще я не сносил такого оскорбления, — думал Стабб, спускаясь по трапу. — Может быть, вернуться и дать ему пощечину? Или…

Да что это со мной?.. Или… встать на колени и молиться на него?.. Н-да, это была бы первая молитва в моей жизни… Странно, очень странно, что это со мной происходит… Да и сам он какой-то странный. Ах, задери его дьявол, это самый странный капитан, с каким только приходилось мне плавать. Как он на меня накинулся! А глаза — как ружейные дула! Уже не сумасшедший ли он? Во всяком случае ясно, что он что-то задумал и это так же верно, как то, что по палубе кто-то ходит, если доски скрипят под ногами. Ведь он за сутки и трех часов не проводит на койке, да и тогда не спит. Говорил же мне стюард Пончик, что к утру вся постель старика измята, простыни сбиты, одеяло скручено чуть ли не в узел, а подушка раскалена, будто на ней лежал только что обожженный кирпич. Да, горячий человек! Может быть, его мучает это самое… эта совесть, как ее называют на берегу? Говорят, это похуже флюса… А может быть — нервы? Ладно уж, то ли это или другое, только побереги меня бог от таких вещей… Хотел бы я только знать, для чего он каждую ночь спускается в трюм, в кормовой отсек. Что ему там надо? Кому это он там назначает свидания?.. Ну, не загадочно ли это?.. А впрочем, черт с ним, пойду спать. Ради хорошего сна сто-

ило родиться на свет. А ведь младенцы с этого и начинают: как только родятся, так сразу же и принимаются спать. Если подумать, так это тоже довольно странно: зачем было родиться, если все спать и спать?.. Вообще, черт побери, мир полон загадок, да только незачем обо всем ломать голову. «Не думай» — вот моя одиннадцатая заповедь. А двенадцатая: «Спи, когда спится». Итак, за дело: пойду спать… Неужели он действительно обозвал меня псом?.. Проклятый старик! Да вдобавок еще назвал ослом, ишаком и мулом!.. Хорошо еще, что не ударил!.. А может быть, и ударил, только я не заметил, уж больно меня поразило выражение его лица… Что это со мной? Господи, а может быть, все это только приснилось мне?.. Пожалуй, лучше всего отложить это дело в сторонку да поскорее на свою койку, а утром, при дневном свете, там разберемся…»

Глава двадцать первая
Трубка Ахава

Когда Стабб ушел, Ахав постоял еще немного, потом подозвал вахтенного и, как бывало уже не раз, послал его вниз, в свою каюту, за костяным табуретом и трубкой. Раскурив трубку, он поставил табурет у борта и уселся, покуривая.

Несколько минут густые клубы табачного дыма окутывали его лицо, но потом он вынул трубку изо рта и, держа ее в руке, обратился к ней с такими словами:

— Что же это такое? И табак уже не радует меня? О моя верная трубка! Плохи, значит, мои дела, если даже твои чары на меня не действуют! Зачем же тогда напрасно пыхтеть и выпускать изо рта дым, как подбитый кит выпускает в воздух свой последний фонтан? На что же ты теперь нужна мне, трубка?..

И он швырнул горящую трубку в море.

Глава двадцать вторая
Сон Стабба

На следующее утро Стабб говорил Фласку:

— Такой я видел страшный сон, что страшнее и не придумаешь. Мне приснилось, что наш старик пнул меня своей костяной ногой в зад. Ну я, конечно, захотел ему дать сдачи, так у меня нога чуть не отвалилась, клянусь тебе богом! Я хочу его пнуть, и ничего не получается, и самое интересное, что при этом я все время про себя рассуждаю. «Подумаешь, — говорю я себе, — разве это оскорбление, если он пнул меня костяной ногой? Вот если бы своей собственной ногой он меня пнул, тогда другое дело, тогда это было бы оскорбление, а то ведь он пнул меня не настоящей ногой и не какой-нибудь там сосновой деревяшкой, а отличной искусственной ногой, сделанной из самой лучшей китовой кости, так что этим даже

можно гордиться». Вот как я рассуждал сам с собой и при этом все же хотел его пнуть, и никак у меня это не получалось. Ну, что ты скажешь об этом сне, Фласк?

— А что сказать? Глупый сон, вот что скажу.

— Может быть, и глупый, да только я после этого сна стал умнее. Погляди, вон он там стоит, наш старый капитан, и глядит вдаль! Так вот я понял, что лучше нашему старику не перечить и делать все, как он скажет… Кстати, что он там кричит?.. Слышишь?..

— Эй, на мачтах! — кричал Ахав. — Глядите в оба! Тут должны быть киты. Если увидите Белого Кита, то зовите меня. Слышите?

— Ну как тебе это нравится, Фласк? Белый Кит — а? Нет, тут нужно быть начеку, видать, Ахав задумал что-то неладное!

Глава двадцать третья
Обед в кают-компании

В полдень стюард Пончик, высунув из люка свою физиономию, похожую на сдобную булочку, приглашает к обеду своего верховного повелителя. Капитан Ахав, сидя в одном из вельботов, только что определил положение солнца и теперь, вооружившись карандашом, безмолвно высчитывает местонахождение судна. Вместо бумаги он использует свою костяную ногу, на ней что-то пишет, стирает и снова пишет. Ахав сидит, как сидел, занятый вычислениями, будто он и не слышал приглашения стюарда. Но вот, ухватившись за ванты, он вылезает из вельбота и удаляется в свою каюту, по пути небрежно и величественно обратившись к своему первому министру: — Мистер Старбек, обедать!

Первый министр, мистер Старбек, прислушивается к ша-гам своего короля, и только когда, по его предположениям, король уже уселся за стол, он встает, не спеша идет по палубе, важно поглядывает на стрелку компаса и, любезно пригласив к столу второго министра, спускается вниз, вслед

за королем.

Второй министр, мистер Стабб, некоторое время медлит, делает вид, что осматривает снасти, затем, для чего-то легонько подергав грота-брас и убедившись в том, что эта важная снасть цела и надежна, тоже подчиняется обычному распорядку и, бросив на ходу: «Обедать, мистер Фласк!», удаляется вслед за первым министром.

Третий министр, мистер Фласк, оставшись на шканцах один, по-видимому, чувствует большое облегчение. Он подмигивает каким-то воображаемым зрителям и, быстро сбросив башмаки, прямо над головой короля и двух первых министров начинает отплясывать какой-то отчаянно веселый, но совершенно бесшумный танец. Потом он ловко забрасывает свою шапку на верхушку бизани и, продолжая резвиться, спускается вниз, пока не доходит до двери кают- компании, где на секунду останавливается, мгновенно меняет выражение лица, и в каюту входит уже не веселый и независимый коротышка Фласк, а смиренный и ничтожный раб.

Ахав восседает во главе стола безмолвный и величе-ственный, как лев, окруженный львятами, или как седовласый отец, окруженный почтительными сыновьями. Вот старик берет нож,

чтобы разрезать поставленное перед ним жаркое, и сотрапезники глядят на него молча — ни за какие блага не решатся они нарушить это благоговейное молчание. Когда же он поднимает на вилке кусок мяса, делая тем самым знак первому министру подвинуть свою тарелку, Старбек принимает выделенную ему порцию смиренно, как подаяние, и жует ее молча, даже скрипом ножа по тарелке опасаясь нарушить торжественную тишину. А между тем Ахав никому не запрещал разговаривать.

Бедняге Фласку за этим столом отведена роль младшего сына. Ему достаются худшие куски жаркого, и если бы к столу была подана курица, он получил бы от нее одни лапки.

Ах, бедный коротышка Фласк! Если кто имеет против него зуб, то пусть посмотрит, каким бессловесным дурачком сидит тот за обедом. Да и что это за обед? Являться к столу он должен последним, а уходить первым. Никакая сила не может заставить третьего помощника остаться за столом, после того как первый и второй помощники закончили трапезу. И бедный Фласк всегда вставал из-за стола полуголодный. Став офицером, он обрек себя на постоянное недоедание. С каким восхищением вспоминал он о тех кусках

говядины, которые ему удавалось вылавливать в котле, когда он был простым матросом и ел в общем кубрике! «С тех пор, как возвысилось мое общественное положение, — говорил Фласк, — мир и довольство навеки покинули мой желудок. Вот вам плоды удачной карьеры! Вот она, тщета славы! Вот они, противоречия жизни!»

Ахав и три его помощника составляли, так сказать, первую смену обедающих. После того как они уходили, стюард смахивал со скатерти крошки и приглашал вторую смену — гарпунщиков.

В отличие от своих командиров, жующих и глотающих с величественным безмолвием, гарпунщики — народ лихой и отчаянный — ели весело и шумно, а жевали, чавкали, хрустели костями и отрыгивали пищу так громко, что было слышно даже за дверью. Они-то уж не встанут из-за стола, пока не наедятся до отвала! А у Квикега и Тэштиго был такой аппетит, что они требовали от Пончика, чтобы тот тащил им куски солонины покрупнее, величиной, эдак, с половину бычьей туши. И если он поворачивался недостаточно быстро, то Тэштиго запускал ему в спину вилку, вроде того, как он запускал гарпун в кашалота. А однажды, резвясь и дурачась после сытного обеда, великан Дэггу, схватив стюарда в охапку,

уложил его под хлеборезку, а Тэштиго в это время громовым голосом потребовал, чтобы Пончика поскорее разделали и подали к столу, потому что ему, Тэштиго, очень хочется обглодать его косточки. Словом, жизнь цивилизованного стюарда, вынужденного прислуживать диким людоедам, была вовсе не сладкой. И не салфетку ему следовало бы повесить на руку, а щит.

К счастью, эти дикари появлялись в кают-компании только во время трапез. Хотя в китобойном флоте и считается, что эта каюта принадлежит всем офицерам, но Ахав, как, впрочем, и все остальные американские капитаны-китоловы, придерживался в этом вопросе иного мнения. Он считал, что каюта принадлежит только ему, а помощники и гарпунщики сюда допускаются лишь благодаря его, капитана, любезности. Так что жили помощники и гарпунщики, по существу, не в каюте, а вне ее, и, надо сказать, проигрывали от этого не так уж много, ибо она имела весьма мало общего с тем, что мы привыкли называть кают-компанией. Обстановка в ней была отнюдь не компанейская, а

скорее наоборот, потому что Ахав был не тем человеком, чтобы проводить время в компании других. Хотя он и жил среди людей, но был похож

на старого медведя, который с наступлением осени спешит забиться в свою унылую берлогу.

Глава двадцать четвертая
Дозорный на мачте

С восхода и до заката солнца на мачтах всех американских китобойцев каждые два часа сменяют друг друга дозорные. Их выставляют сразу же, как только судно выходит из гавани; если же, после трех-четырех лет плавания, возвращаясь на родину, корабль заполнил добычей не все трюмы и бочки, то, в надежде добыть еще хотя бы одного кита, дозорные остаются на своих постах до тех пор, пока корабль не войдет в гавань. Таким образом, сложив все те часы, которые китобой проводит на верхушке мачты, мы убедимся, что эти часы в своей совокупности составляют несколько месяцев.

Я не могу, к сожалению, сказать, что место, где китобою приходится проводить так много времени, имеет какие- либо удобства или что-нибудь, похожее на уют. Дозорному приходится стоять на двух тонких параллельных брусьях, которые прикреплены к верхушке грот-мачты, а если иметь в виду, что при этом волны швыряют корабль из стороны в сторону, то надо признаться, что здесь

не уютнее, чем на рогах у разъяренного быка.

И все-таки стоять на мачте в хорошую погоду в тропических широтах — это такое удовольствие, которое стоит всех невзгод. Особенно, если ты человек мечтательный. Стоишь себе один, возвышаясь над качающейся палубой, словно шагаешь по океанскому простору на гигантских ходулях. Кругом — величественная стихия, наверху — безмятежное южное небо; все дышит покоем и настраивает на беззаботность. О чем заботиться там, где нет ни газет, ни новостей, ни семьи? Даже не думаешь о том, что сегодня на обед, потому что неизменное меню уже составлено на

несколько лет вперед и все припасы для него надежно упрятаны в трюмы.

Обычно, когда наступала моя очередь быть дозорным, я не спеша карабкался по вантам навстречу Квикегу или кому-нибудь другому, спускавшемуся вниз, чтобы уступить мне свое место на верхушке мачты; мы оба останавливались на марсе поболтать, потом оба продолжали свой путь — один вниз, другой — наверх; потом, присев на мар- са-рей, я оглядывал все свое громадное водное хозяйство и только после этого неторопливо добирался до верхушки.

Должен признаться, что дозорным я был неваж-

ным. Разве мог я, забравшись на такую высоту, где рождались и мысли, соответствующие этой высоте и обнимающие собой всю вселенную, разве мог я на такой высоте помнить главную заповедь дозорного? А заповедь эта гласит: «Не зевай, смотри в оба и обо всем, что заметишь, кричи вниз»!

Я должен по-дружески предупредить вас, владельцы китобойных судов: если к вам придет наниматься бледный юноша с высоким лбом и мечтательными глазами, не берите его в команду, он слишком склонен погружаться в размышления. Такой мечтатель может проторчать на мачте хоть всю жизнь, но это не принесет вам никакой прибыли. Не зря ведь один гарпунщик сказал однажды такому вот юному философу:

— Эй ты, обезьянка! Мы больше года уже плаваем, а ты еще не заметил ни одного кита. Что-то, когда ты стоишь на мачте, киты нам попадаются реже, чем зубы у курицы!

Может быть, и правда, киты не попадались на пути корабля, когда этот юноша был дозорным, а может быть, целые стада китов проплывали мимо, только зачарованный ритмичным покачиванием мачты и своими мыслями, которые в том же медлительном ритме сменяют одна другую,

этот одинокий мечтатель погружался в необъятную бездну своей души, и далекий плавник, мелькнувший в океане, как и все другое, мимо чего скользит взор, представлялись ему каким-то неясным воплощением его грез, растворяющихся во времени и пространстве.

Но горе тебе, если погруженный в эти поэтические грезы, ты забудешься и передвинешь ногу или разожмешь руку, сжимающую тонкий поручень! В тот же миг ты с ужасом вернешься к действительности; и может случиться, что

в этот прекрасный солнечный день, когда так прозрачен воздух и ласковы волны, ты сорвешься с мачты и с ужасным коротким криком полетишь вниз головой в морскую пучину и навсегда скроешься в ее синеве. Помните об этом, о юные мечтатели!

Глава двадцать пятая
Золотая монета

Через несколько дней после истории с трубкой, как-то после завтрака Ахав поднялся из каюты на палубу. В это время дня он, подобно большинству других капитанов, имел обыкновение прогуливаться на шканцах точно также, как сухопутные братья моряков имеют обыкновение после завтрака прогуливаться в саду.

Костяная поступь громко раздавалась по всему судну, и однообразный маршрут капитана от грот-мачты до нактоуза и обратно был отмечен на палубе маленькими выбоинами, которые оставлял после себя каждый его шаг. И, как шаги его оставляли следы на палубе, так и одинокая, неутомимая мысль оставляла следы на его лбу, искореженном мрачными морщинами. В это утро морщины его были глубже, чем обычно, и глубже, чем всегда, вонзался в палубу его костяной каблук; неотступная тяжкая мысль, владевшая им безраздельно, казалось, шагает вместе с ним по шканцам от грот-мачты до нактоуза и обратно.

— Ты заметил, Фласк? — прошептал Стабб. —

Цыпленок уже стучится в скорлупу. Скоро вылупится.

Так прошел день: Ахав ненадолго уходил в свою каюту, но почти сразу же снова появлялся на палубе, и все шагал по ней и шагал, все с той же исступленной неподвижностью во взгляде.

Когда спустились сумерки, он остановился у борта, вставил костяную ногу в опорное отверстие, ухватился за ванту и приказал Старбеку собрать всю команду.

— Сэр? — недоуменно произнес Старбек, услышав приказ, который отдается на корабле лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах.

— Всех на ют! — повторил Ахав и крикнул вверх: — Эй, мачтовые! Быстро — вниз!

Все собрались на шканцах, со страхом и удивлением глядя на Ахава, мрачного, как небо перед бурей, а он, взглянув на людей, шагнул вперед и возобновил свою угрюмую прогулку по палубе, словно перед ним не было ни души. Опустив голову, нахлобучив шляпу, он шагал и шагал, не слыша удивленного шепота матросов, но вдруг остановился и неистово выкрикнул:

— Люди! Что вы делаете, когда замечаете кита?

— Подаем голос! — хором откликнулись матросские глотки.

— Отлично! — восторженно воскликнул Ахав, словно радуясь дикому воодушевлению, которое вызвал у матросов его неожиданный вопрос. — А что вы делаете потом?

— Спускаем вельботы и идем в погоню!

— И под какую песню гребете?

— «Убитый кит или разбитый вельбот!»

Странное, яростное одобрение разгоралось во взгляде капитана при каждом ответе, а матросы с недоумением переглядывались, не понимая, почему от таких праздных, казалось бы, вопросов в них тоже разгорается какая-то свирепая радость. Внезапно повернувшись и крепко, почти судорожно ухватившись за ванту, Ахав сказал:

— Вы, мачтовые, уже слышали от меня приказание по поводу Белого Кита. Теперь я обращаюсь ко всем: ищите его!.. Видите эту золотую монету? — Он поднял кверху испанский дублон, сверкающий в солнечных лучах. — Цена ей шестнадцать долларов. Разглядите ее получше. Мистер Старбек, подайте мне молоток.

Пока Старбек ходил за молотком, Ахав тщательно тер золотой диск полой своего сюртука, словно желая, чтобы золото сверкало еще ярче. Взяв у Старбека молоток и держа его высоко поднятой рукой, а другой рукой подняв монету, он шагнул

к грот-мачте и торжественно заявил:

— Тот из вас, кто первым увидит кита с белой головой, морщинами на лбу и свернутой челюстью, тот, кто первым увидит белоголового кита с тремя ранами у хвоста по правому борту, тот, кто первым крикнет, что видит Белого Кита, тот получит этот золотой!

— Ура!.. Ура!.. — кричали матросы, размахивая зюйдвестками, пока Ахав прибивал монету к мачте.

— Итак, помните о Белом Ките! — воскликнул Ахав и бросил на палубу молоток. — Навострите глаза, братцы! Вглядывайтесь в воду, ищите в ней белое пятно, и если заметите хоть белую точку, подавайте голос.

С особенным интересом прислушивались к словам капитана гарпунщики, а при упоминании о свернутой челюсти и морщинистом лбе, каждый из них вздрогнул, как будто вспомнил что-то страшное из своего прошлого.

— Капитан Ахав, — спросил Тэштиго, — не тот ли это белый кит, которого называют Моби Дик?

— Моби Дик? — воскликнул Ахав. — Так ты знаешь Белого Кита, Тэш?

— Он еще так странно взмахивает хвостом, когда уходит под воду, да, сэр? — медленно про-

говорил Тэштиго.

— И фонтан у него тоже не такой, как у других китов, так ведь, капитан? — спросил Дэггу. — Он какой-то особенно раскидистый и очень недолгий, верно?

— Ив ней гарпун! — закричал Квикег. — Одна гарпун, два, три… много-много гарпун и все вот так… крутить, крутить… — и он принялся вращать рукой, будто откупоривая бутылку.

— Как штопор! — радостно подсказал ему Ахав. — Да, Квикег, все гарпуны, застрявшие в нем, перекручены и согнуты; ты прав, Дэггу, фонтан у него похож на сноп пшеницы; верно, Тэштиго, он взмахивает хвостом, будто это кливер, сорванный шквалом. Смерть и дьявол! Это Моби Дик! Моби Дик! Моби Дик!

— Капитан Ахав, — проговорил Старбек, который все это время внимательно приглядывался к нему с возрастающим недоумением и вдруг как бы догадался, в чем дело. — Я тоже слышал о Моби Дике, не тот ли это Моби Дик, который оставил тебя без ноги?

— Кто рассказал тебе об этом? — спросил Ахав, но не стал ждать ответа и добавил: — Да, Старбек, да, друзья мои, это Моби Дик сломал мою мачту, это Моби Дик поставил меня на безжизненный

обрубок, да, да, это он, Моби Дик, — и будто звериный стон вдруг вырвался из его груди: — Да, это он, этот самый дьявольский кит срезал мою палубу и навеки сделал меня жалким калекой. — Он простер руку к небу и выкрикнул неистовые проклятия: — Да, да! И я буду искать его и за мысом Доброй Надежды, и за мысом Горн, и за Норвежским Мальштремом, и в пламени погибели, и не будет мне покоя ни днем ни ночью, пока я его не настигну! Вот для чего нанялись вы на этот корабль, люди! Чтобы в обоих полушариях преследовать Белого Кита, чтобы гнаться за ним до тех пор, пока он не выпустит в воздух свой последний, черный от крови, фонтан и пока на волнах не закачается его белая туша! Что вы ответите мне, люди? Готовы ли заключить со мной договор? С виду вы не похожи на трусов.

— Готовы! Готовы! — закричали гарпунщики и матросы, обступив своего отчаянного капитана. — Уж мы его разыщем! Уж мы наточим свои остроги, он не уйдет от нас, этот Моби Дик!

— Благослови вас бог! — не то всхлипнул, не то выкрикнул капитан. — Благослови вас бог, люди! Эй, стюард! Неси бочонок рому!.. Но что с тобой, Старбек? Или ты не решаешься пуститься вслед за Моби Диком? Уж не боишься ли ты его?

— Я не боюсь ни Белого Кита, ни черной смерти, капитан, — ответил Старбек. — Но я служу на этом судне для того, чтобы бить китов, а не мстить за своего командира. Сколько бочек наполнит нам твоя месть, если-она и удастся тебе, капитан? Сколько дадут за нее на нантакетском рынке?

— На нантакетском рынке! Ох-хо! Подойди-ка поближе, Старбек; ты низко метишь, мой друг. Думаешь, деньгами можно измерить удачу? Так вот что я тебе скажу: пусть торгаши набьют «Пекод» хоть чистым золотом, все равно, все равно, говорю я тебе, мое богатство будет не в трюме, а здесь, здесь, смотри! — Так говорил Ахав, ударяя себя в грудь.

— Но как можно мстить бессловесной твари! Твари, которая ранила тебя, подчиняясь слепому инстинкту? Ведь это безумие!

— Низко метишь, Старбек, говорю я тебе, — повторил Ахав. — Все, что мы видим, это лишь маски, но сквозь каждую маску, во всех делах и событиях можно разглядеть истинную суть. Так вот, ты видишь в БеломКите только бессловесную тварь, я же вижу в нем жестокую силу, воодушевленную неистощимой злобой. И эту злобную силу, эту непостижимую злобу я ненавижу больше всего на свете; и мне безразлично, кто

он такой, этот Белый Кит, орудие ли он чьего-либо неведомого замысла или сам он источник зла, но я обрушу на него всю свою ненависть, потому что он для меня как стена, а я перед ним как заключенный, и мне не вырваться на свободу, пока я не разрушу стену своей тюрьмы. И ты не гляди на меня так, Старбек! Взгляд тупицы нестерпимее очей дьявола. Но вот ты бледнеешь и готов ринуться на меня с кулаками. Мой жар раскалил в тебе гнев, Старбек, это хорошо. И ты не сердись на меня, потому что сказанное сгоряча — не в счет. Ты лучше погляди на гарпунщиков, как в них пылает страсть, ты погляди на этих диких леопардов, жаждущих сразиться с Моби Диком! Ты лучше погляди на матросов, разве они не заодно с Ахавом? Взгляни на Стабба, на того чилийца, все, все единодушны. Нет, Старбек! Не устоять одинокому деревцу против такой бури. Да и о чем тут речь? Добыть кита — подумаешь, какое это дело для Старбека. Не отступит же первый гарпун Нантакета, когда каждый матрос уже схватился за оселок? А?.. Ну вот, я уж вижу, что тобой овладело смущение, что общий вал подхватил и тебя. Что же ты молчишь? А впрочем, твое молчание говорит за тебя. — В сторону: — Пламя исходит из моих расширенных ноздрей. И он вдохнул уже

его. И теперь он не станет перечить мне.

— Господи, спаси меня, — еле слышно шепчет Старбек. — Спаси нас всех, господи!

Но торжествующий свою победу Ахав не слышал ни смиренной мольбы Старбека, ни тихого смеха, донесшегося из трюма, ни зловещего гудения ветра в снастях, он не видел, как вдруг заполоскались и захлопали по мачтам обвисшие паруса, словно у «Пекода» опустились руки в предчувствии недоброго. Прошло мгновение, и снова зажглись упорством глаза Старбека, замер тихий смех в трюме, подул ветер и надулись паруса, и вот уже корабль, как и прежде, гордо врезаясь в волны, плывет вперед. О, предостережения и знаки! Отчего вы так спешите исчезнуть?

— Вот и ром! — воскликнул капитан Ахав и, приняв из рук стюарда полный ковш, приказал гарпунщикам взять гарпуны. Гарпунщики со своим оружием встали против него, трое помощников с острогами встали рядом с ними, матросы окружили их. Ахав посмотрел в глаза каждому, и в ответ его взгляду во всех глазах зажигался дикий огонь.

— Пей и передавай дальше! — сказал Ахав, протягивая

ковш стоящему поблизости матросу. — Пусть пьют все. По кругу, по кругу! Отхлебывай, да поживей передавай другому. Отличный ром. Он жжет, как копыто дьявола! Все идет хорошо. Пей, пей! Дьявольская влага уже выглядывает змеями из ваших глаз! Великолепно! Уж видно дно! Давай сюда ковш — наполним его снова. Стюард! Наполни ковш! Слушайте теперь, мои храбрецы! Я собрал вас здесь, вокруг себя; вы, помощники со своими острогами, стойте здесь, а гарпунщики с гарпунами пусть стоят там, а матросы пусть окружат нас кольцом… Вот так! А ковш уж опять полон. Давай его сюда, стюард!.. Скрестите передо мной свои остроги, помощники! Дайте мне коснуться их, — с этими словами он вытянул руку, обхватил все три сверкающие остроги в месте их пересечения и резко рванул к себе, переводя свой огненный взгляд со Старбека на Стабба и со Стабба на Фласка, словно пытаясь усилием своей воли перелить в них часть исполинской силы, накопленной его неистовым духом. Но они не выдержали его яростного взгляда: Фласк и Стабб отвернулись, Старбек опустил глаза.

— Ну что ж, — сказал Ахав, — может быть, так

лучше. Может быть, если бы я сумел передать вам свою страсть, то сам остался бы ни с чем, а вас она поразила бы насмерть… Так вот, друзья мои! Я назначаю вас виночерпиями трех моих братьев-язычников, вот этих знатнейших

и благороднейших господ, моих доблестных гарпунщиков, — и он обратился к гарпунщикам: — Отделите наконечники от древков!

Трое гарпунщиков молча исполнили приказ и теперь стояли перед капитаном, вознеся к небу острые трехфутовые лезвия своих гарпунов.

— Переверните их остриями вниз, раструбами вверх. Вот так. Отличные кубки… Теперь пусть приблизятся виночерпии и возьмут у вас кубки — я наполню их. — И медленно переходя от одного к другому, Ахав до краев наполнил огненной влагой раструбы гарпунов. — А теперь, помощники, передайте гарпунщикам эти чаши дружбы. Вот так. Пейте, гарпунщики, вы все теперь связаны нерасторжимым союзом. Пейте до дна, гарпунщики, вы, чье место на грозном носу вельбота, пейте до дна и клянитесь: смерть Моби Дику! Пусть небо покарает нас, если мы не настигнем Моби Дика и не предадим его смерти!

И с громкими проклятиями Белому Киту стальные чаши были разом опрокинуты в глотки.

Глава двадцать шестая
На закате

(Напитан Ахав сидит в каюте, смотрит в кормовой иллюминатор)

Белый след тянется за кормой. Грозные валы вздымаются, чтобы поглотить его. А там, вдали, на горизонте, золотой шар ныряет в синеву океана. Солнце с высоты опускается вниз, а моя душа устремляется все выше. Было время, когда и я любовался закатом, а теперь не то, теперь я разучился радоваться… Ну что ж, воодушевить команду было не так уж трудно. Я думал, что найдется хоть один упрямец. Но они воспламенились передо мной, как порох от спички. Да, но, воспламенив порох, спичка сгорает. И все-таки я сделал, что хотел, и доведу дело до конца. Они считают меня сумасшедшим — так сказал Старбек. Но я не сумасшедший, я безумец! Я само обезумевшее безумие. Заглянуть в свою душу — уже одно это было дерзким безумием. Мне предсказали,

что я буду изувечен, и я действительно лишился ноги. Теперь же я предсказываю увечье

тому, кто изувечил меня, и сам исполню свое предсказание.

Глава двадцать седьмая
В сумерки

(Старбен стоит, прислонившись к грот-мачте)

Моя воля сломлена, и кем? Безумцем. В единоборстве с ним отступил мой рассудок. Теперь я связан с ним навсегда, я на буксире у него, и мне нечем перерубить канат. Ужасный старик! Он повлечет меня к своей нечестивой гибели, а я, зная это, буду следовать за ним; протестуя в душе — буду подчиняться; ненавидя — буду жалеть его… А ведь еще не поздно, еще все можно изменить. Иссякла моя сила. У меня больше нет своей воли, он отнял ее. (С бана доносятся хохот, брань, песни).

Господи! Как она беснуется, эта банда мерзавцев! Какое веселье царит там, на носу, и какая тишина здесь, на корме. Наверное, и вся жизнь такова: с ликованием и весельем разрезает волны нос корабля, и там не хотят думать, что на корме царит уныние и мрак…

Глава двадцать восьмая
Поздний вечер

(Стабб на фон-мачте подтягивает брас)

Ха-ха-ха! Дело ясное. Я обдумал его вдоль и поперек — и вот мое мнение: ха-ха-ха-ха! Это самый верный ответ на всякий вопрос и са-мое верное решение обо всем, что непонятно. Ха-ха-ха-ха! И будь, что будет, а я пойду навстречу всему со смехом. Ха-ха-ха-ха!.. Это кто там зовет меня? Это вы, мистер Старбек? Сейчас, сэр, вот только подтяну брас, и все… Ха-ха-ха-ха!

Глава двадцать девятая
Полночь

(На бане пьяные матросы и гарпунщики. Одни стоят, другие сидят и лежат. И все поют хором).

Голос Старбека: Эй, на баке! Пробить восемь склянок!

Матрос из Нантакета: Слышите, вы! Восемь склянок. А ну-ка, черномазый Пип, пробей в свой колокол, а я пойду подыму подвахтенных. У меня такая глотка, что мертвый проснется.

Маленький негритенок Пип отбивает восемь склянок.

Матрос из Нантакета (кричит в люк): Первая вахта! Подымайтесь, черти!

Матрос из Голландии: Так ты их и разбудишь! Этот ром глушит наповал. Ори громче.

Матрос из Франции: Давайте, братцы, прежде чем швартоваться к койкам, спляшем-ка джигу! Согласны? Вот и новая вахта поднялась. Эй, Пип, чертенок, тащи свой тамбурин!

Пип: Да я не знаю, где он; мне бы поспать.

Матрос из Франции: Не найдешь тамбурина, так будешь играть на своем брюхе. Плясать! Плясать! А ну, веселей!

Матрос из Исландии: Мне бы под ноги лед, а не доски!

Матрос из Сицилии: А мне бы лужайку и девушек!

Матрос с Азорских островов (он принес тамбурин Пипа): Держи, чертенок! Давай веселей! Пляши, ребята!

Одни пляшут под тамбурин Пипа, другие спят среди снастей. Ветер разыгрывается. Волны все выше. Палуба раскачивается все сильнее.

Матрос с Азорских островов: Давай веселее, Пип! Бей, бей, колоти, чертенок, не жалей бубенцов!

Пип: Я и так их не жалею, вот еще один отлетел!

Матрос из Китая: Тогда стучи зубами, хлопай ушами, но чтоб было весело, Пип!

Тэштиго (покуривает трубку): И это белые называют весельем?

Старый матрос с острова Мэн: Вот как весело они пляшут, а ведь не думают, что у них под ногами. А под ногами-то — бездонная могила. Как подумаешь, сколько там скелетов и черепов сре-

ди подводных водорослей! Ну что ж, видно, вся жизнь — это бал над могилой. Пляшите, пляшите, сынки, пока молоды!

Ветер все больше усиливается, начинается шторм. Все утомлены пляской, останавливаются, отдыхают.

Матрос из Нантакета: Нелегкая работа, что и говорить. Дай-ка покурить, Тэштиго.

Матрос из Индии: Сейчас нам, братцы, прикажут убирать паруса.

Матрос с острова Мальта: Да, теперь вместо нас пляшут волны! Здорово откалывают!

Матрос из Португалии: Как бьют они о борт! Готовься, ребята! Сейчас будем брать рифы. Настоящая схватка еще впереди.

Матрос из Дании: Ничего! Наше старое корыто знай себе поскрипывает, а пока оно скрипит — все в порядке.

Матрос с острова Мэн: А мачты-то как дрожат!.. Эй, рулевой, крепче держи руль! В такую погоду не один корабль пойдет ко дну! А кругом черно, как в гробу.

Дэггу: Кто боится черноты, тот пусть меня боится. Я — сама чернота.

Матрос из Испании: Опять он хвастается своей силой. (Приближается к Дэггу). Это ты верно ска-

зал: твоя раса — черное пятно на человеческом роде.

Дэггу: Хочешь меня обидеть?

Матрос из Сант-Яго: Испанец с ума сошел, все еще пьян, наверное…

Матрос из Нантакета: Вон молния сверкнула.

Матрос из Испании: Это не молния, это Деггу оскалил зубы.

Дэггу (свирепея). А ты сейчас подавишься своими зубами, белая образина! (бросается на испанца).

Матрос из Испании: Вот когда я всажу в тебя нож, черная громадина!

Все: Дерутся! Дерутся!

Матрос из Ирландии: Бей его, испанец!.. Ударь его, Дэггу! Так его! Ура! Вот это драка!

Матрос из Англии: Отберите у него нож!.. Отдавай нож!

Голос Старбека со шканцев: Марсовые к вантам! Убрать брамсели и бом-брамсели! Взять рифы у марселей.

Все: Держись! Шквал идет! Пошевеливайтесь, мальчики!

Пип (в страхе забился под шпиль): Мальчики! Господи, спаси от таких мальчиков! Ой, какой грохот! Кажется, лопнул кливер-леер!

Опять! Прячься, прячься, Пип, это спускают бом-брам-реи.

Ой, как мне страшно, страшнее, чем одному в лесу во время бури. Ну и шквал! А они ничего не боятся, эти люди. Они сами пострашнее, чем любой шквал! Белые люди! Белая пена! Белый Кит! Ой, меня всего трясет, как мой тамбурин.

Этот старый дьявол поклялся, что убьет Белого Кита, и все с ним заодно. О громадный белый бог, который живет где-то там, за этими грозными тучами, пожалей маленького черного мальчика! Ему страшно здесь внизу, он боится этой бури, он боится этих людей! Спаси меня, белый бог!

Глава тридцатая
Моби Дик

Я, Измаил, был в этой команде. Мои крики вливались в общий хор, моя клятва скрепила общую клятву; и я орал громче других, потому что в душе моей был страх. Таинственное, необъяснимое чувство сроднило меня с Ахавом, и его неугасимый огонь стал моим огнем. Вот рассказ о БеломКите, о злобном чудовище, которого мы все поклялись уничтожить, чего бы это нам ни стоило.

Много лет назад в отдаленных морях, посещаемых только охотниками на кашалотов, стал появляться одинокий белый кит. Далеко не все китоловы знали о его существовании; видели его лишь немногие, а число таких, кто пускался за ним в погоню и вступал с ним в бой, было и вовсе ничтожно. Необычайная длительность китобойных рейсов, разбросанность китобойных судов по всей водной поверхности нашей планеты, безлюдные широты, по которым бродят они в поисках добычи, иногда по целому году не встречая других судов и не слыша никаких новостей, — все это затрудняло распространение

среди китобоев достоверных сведений о Моби Дике. И все-таки каждый раз, когда какой-нибудь капитан сообщал, что встретился с кашалотом невероятной величины и редкостной злобы, который, нанеся судну серьезные повреждения, сам ускользнул невредимым, — всякий раз находились люди, считавшие вполне вероятным, что кашалот этот никто иной, как Моби Дик. Однако нередко, преследуя кашалота и подвергаясь коварному, жестокому и злобному нападению гигантского животного, китобои не догадывались, что встретили Моби Дика, а ужас, который пришлось им испытать, считали обычным в китобойном промысле.

Те же, кто, прослышав уже о Моби Дике, замечал в волнах его белую тушу, поначалу пускались за ним так же бесстрашно, как и за любым другим кашалотом, но преследование неизменно оканчивалось катастрофой — не только сломанными и вывихнутыми руками и ногами, но и бедствиями более значительными и страшными.

Многочисленность поражений постепенно все увеличи-

вала ужас перед Моби Диком. К тому же всякие приключения, случившиеся на море, еще в большей степени, чем приключения, совершившиеся

на суше, распускаются пышным цветом самых невероятных подробностей. И насколько море превосходит в этом отношении сушу, настолько китобои превосходят в невежестве и суевериях других моряков.

Поэтому не удивительно, что слухи о Белом Ките, пере-брасываясь с корабля на корабль и с моря на море, стано-вились все более страшными и фантастическими, обрастая туманными намеками на то, что это чудовище порождено сверхъестественными силами и, быть может, даже в образе Моби Дика появляется сам дьявол. Так что постепенно Моби Дик стал внушать китоловам такой панический страх, что большинство желало избежать встречи с ним. Однако немало китобоев были достаточно отважны, чтобы, увидев белое чудовище, не уклоняться от боя. Но были и такие, кто, несмотря на все легенды и суеверные слухи, искали встречи с Моби Диком и были готовы преследовать его, чтобы померяться с ним силой.

Одним из самых нелепых предположений, высказываемых относительно Белого Кита, было дикое утверждение, что он вездесущ и что его одновременно можно встретить под разными широтами. Конечно, наивно верить этой басне,

но все же, быть может, в ней отразилась действительно существующая тайна подводных течений, в наше время еще до конца не изученных. Некоторые, например, утверждают, что на очень большой глубине существуют весьма быстрые течения, благодаря которым киту удается с фантастической скоростью переместиться в какое-нибудь крайне отдаленное место. Во всяком случае, от американских и английских китобоев можно услышать немало рассказов о том, как в северной части Тихого океана им случалось забивать китов, в чьих телах находили наконечники гарпунов, запущенных у берегов Гренландии, причем между этими событиями иногда проходило всего несколько дней.

Наслышавшись о многократных отчаянных схватках, из которых Белый Кит неизменно выходил живым, многие китобои пошли в своих суевериях еще дальше и объявили Моби Дика не только вездесущим, но и бессмертным, уверяя, что можно усеять его бока целыми рощами гарпунов и он все равно уйдет целым и невредимым, а если когда-нибудь и выпустит фонтан крови, так это будет всего лишь дьявольской уловкой, и через день среди океанских вод, за сотни миль от места схватки, китобои снова увидят над его

белой тушей прозрачный столб воды.

Но даже и помимо сверхъестественных домыслов, в действительном облике этого кита, в его неповторимых при-знаках, оставалось еще достаточно мощи, чтобы поразить человеческое воображение. От других кашалотов его отли-чали не только громадные размеры, но и необыкновенный, белоснежный, изрезанный морщинами лоб и высокий белый горб, по которым его мог узнать каждый, кто хоть раз видел его прежде.

Все его тело было покрыто светлыми пятнами, полосами и прожилками, будто обернуто в обрывки савана, и когда в жаркий полдень он скользил по темно-синим волнам, оставляя в кильватере молочный пенный след, искрящийся на солнце, это было зрелище, достойное славы Белого Кита.

Не редкостные его размеры, не удивительный цвет и даже не искривленная хищная челюсть внушали особенный ужас, а беспримерная коварная злоба, которую он проявлял в схватках. Самыми страшными были его вероломные отступления.

Со всеми очевидными признаками тревоги пустившись в бегство от торжествующих преследователей, он, как рас-сказывали, мог внезапно повернуться и, бросившись на вельбот, разнести

его в щепы.

Погоня за ним не раз приводила к гибели китобоев, и при этом каждый раз Белый Кит действовал с такой дьявольской хитростью, что ни одно свершенное им убийство или увечье невозможно было объяснить инстинктом самозащиты неразумного существа.

Нетрудно представить себе, в какую ярость погружались его отчаянные преследователи, когда, несмотря на всю их отвагу и все мастерство, они после каждой схватки с этим белым дьяволом, раненые, истерзанные, захлебывались в воде среди обломков своих вельботов.

Один капитан, увидев вокруг себя щепки, оставшиеся от трех его вельботов, и множество воронок, увлекающих в бездну доски, весла и раненых людей, схватил с кормы разбитой шлюпки такелажный нож и, ослепленный гневом, кинулся на кита, пытаясь простым шестидюймовым лезвием достичь злобного сердца в глубине исполинской туши. Этим капитаном был Ахав. И вот тогда-то внезапным движением серповидной челюсти Моби Дик скосил у Ахава ногу, точно косарь травинку на лугу.

Нет причин сомневаться в том, что именно с этого рокового дня стала расти в Ахаве безумная

ненависть к Моби Дику. Она все больше и больше стискивала его душу, и ему уже казалось, что Моби Дик — не только виновник его физических страданий, но и причина его душевных мук. Белый Кит стал для Ахава воплощением всех сил зла, которые от сотворения мира терзают человечество, всего того, что есть в жизни дурного, коварного, отвратительного. Все это слилось в бредовых видениях Ахава с обликом Белого Кита, а приобретя обличье, стало доступно для преследования и мести; и искалеченный, полубезумный человек восстал против этого воплощения зла и несправедливости и обрушил на его белый горб всю ярость своего раскаленного сердца.

Не думаю, чтобы эта навязчивая идея впервые пришла к нему в момент получения увечья. Тогда, бросившись с ножом на чудовище, он только поддался внезапно вспыхнувшей в нем страсти, и когда кит жестоко рассек его, навряд ли чувствовал что-нибудь, кроме мучительной боли. Но потом, возвращаясь домой, он много месяцев метался на койке в своей каюте, один на один со своим страданием; и вот тогда, наверное, его растерзанное тело и израненная душа, соединившись воедино, породили безумие. Тогда-то и стал он временами впадать в буйное

помешательство: при этом, даже искалеченный и немощный, он проявлял столько силы, удесятеренной исступленным бредом, что помощники были вынуждены привязывать его к койке. Так в смирительной рубашке и качался он на своей койке, послушный отчаянным взмахам океанских волн.

Когда корабль пересек тропики, бред, казалось, покинул Ахава, оставшись вместе со штормами за мысом Горн. Иногда Ахав выходил из своей темной берлоги на солнечный свет, выходил с бледным, но спокойным лицом и отдавал вполне разумные приказания; и помощники благодарили бога, что безумие покинуло капитана. Они не знали, что человеческое безумие коварно, что помешательство Ахава не прошло, оно только отступило в более сокровенные глубины его души, где не потерялась ни одна крупица его безумия, но также не потерялась и ни одна капля его ума.

Могучий разум, который прежде служил Ахаву, теперь стал служить его безумию. Можно сказать, если только уместно здесь такое сравнение, что помешательство взяло штурмом его здравый ум и направило его на свою безумную цель.

В глубине души Ахав догадывался, что хотя все его поступки разумны, но цель и побуждения

безумны; но, догадываясь об этом, он не мог ничего с собой поделать. По-видимому, сознавая себя душевно больным, Ахав скрывал это от других и, ступив наконец своей костяной ногой на твердую землю, произвел в Нантакете впечатление человека, глубоко потрясенного постйгшим его несчастьем, — и только.

Тем же, то есть постигшим его несчастьем, объясняла молва и приступы дикой ярости, иногда находившие на него, и мрачную его угрюмость, и морщины, избороздившие его лоб, так что никому даже и в голову не приходило, что он просто безумец, которому нельзя доверить управление кораблем. Наоборот, многие полагали, что теперь, после увечья, нанесенного ему китом, опаленный жаждой мести, он более, чем когда-либо прежде, пригоден для такого неистового и кровавого промысла, как охота на китов. А сам Ахав за семью замками упрятал в душе свою безумную тайну и никому не открыл, что на этот раз уходит в плавание на «Пекоде» не за добычей, а с одной-единственной целью — настичь и уничтожить Белого Кита.

Таков он, этот седой безумный старик, по всему свету гоняющийся за китом во главе шайки подонков, бродяг и дикарей. И экипаж, и офи-

церы как будто специально были подобраны судьбой, чтобы помочь маньяку осуществить свой бредовый замысел. Но как случилось, что все они с готовностью откликнулись на призыв Ахава, какая дьявольская магия завладела их душами? — объяснить этого я не могу.

Что касается меня лично, то какой челн устоит на месте, если его потянет за собой на буксире могучий корабль?

Я отдался на волю пространства и времени и вместе с другими страстно желал разыскать Моби Дика, чтобы уни-чтожить это злобное и коварное чудовище.

Глава тридцать первая
Слышишь?

— Прислушайся, Кабако! Слышишь?..

Ночь. Луна. Матросы стоят цепочкой от одной из бочек с пресной водой до пустого бачка у гакаборта. Из рук в руки они передают ведра, наполняя бачок. Тишина. Только изредка звякнет ведро или всплеснет парусина. И снова тишина.

Матрос Арчи стоит в цепочке возле кормового люка.

— Слышишь, Кабако? — шепчет он своему соседу. — Слышишь шум?

— Ничего не слышу. Держи ведро!

— Подожди… Опять… Неужели не слышишь?.. Там, в трюме… Как будто кашель… вот, слышишь?

— Какой к черту кашель! Давай-ка пустое ведро.

— Опять. Прислушайся! Вроде кто-то храпит и воро-чается во сне.

— Это сухари ворочаются у тебя в брюхе, те сухари, что ты слопал за ужином. Только и всего. Эй, не зевай — держи ведро!

— Говори, что хочешь, да только слух у меня отличный.

— Известное дело. Ведь ты как-то за пятьдесят миль от дома услышал, как твоя старуха гремит посудой — или это был не ты?

— Смейся, смейся! Еще увидишь, чем это обернется. Говорю тебе, Кабако, что в трюме кто-то прячется. И сдается мне, что старик об этом знает. На днях я слышал, как Стабб говорил Фласку, будто чует что-то неладное…

— Хватит болтать без толку. Держи ведро!

Глава тридцать вторая
Ахав склонился над картами

После того, как безумная клятва подобно шторму прогремела над палубой корабля, Ахав спустился в свою каюту, достал из шкафа по-желтевшие морские карты и, расстелив их на столе, склонился над ними с карандашом в руках, прокладывая курс своей неслыханной погони.

Временами он отвлекался от карт, просматривал старые судовые журналы, лежавшие на столе, и снова наносил на карту извилистую линию.

Тяжелая висячая лампа раскачивалась над его головой, поскрипывая цепями, и замысловатые тени на стенах меняли свои очертания.

И так каждую ночь. Изучая карты всех четырех океанов, — глубины, отмели и приливы, — нанося на них рейсы китобойных судов, пути передвижения планктона, который служит пищей китов, выясняя по старым записям, в какие числа какого месяца и под какими широтами в прежние годы китобоям удавалось убить или хотя бы заметить кашалотов, Ахав пришел к выводу, что кашалоты появляются каждый год

в определенных районах с такой же постоянностью, как перелетные птицы или косяки сельди.

Кроме того, он установил, что, передвигаясь из одного района в другой, кашалоты плывут как бы по определенным неведомым людям дорогам, так что, зная эти незримые океанские дороги, можно предугадать встречу с китами не только в общеизвестных местах промыслов, но и во всей необъятности океанских просторов.

Но не стада кашалотов интересовали старого, одержи-мого капитана. Ему нужен был всего один-единственный кит-отшельник, чей белый горб и морщинистый лоб где-то злобно режут сейчас океанские волны.

Чаще всего китобои встречали Моби Дика в экватори-альных водах Тихого океана. Именно там произошли все известные схватки с ним, там родились все легенды о нем, там произошла та роковая схватка, та трагическая

встреча, после которой у Ахава появилась его неотступная мания.

Уже несколько лет подряд, с неизменностью солнца, в определенное время года Моби Дик появлялся в этом знойном и пустынном месте земного шара и оставался там довольно долго, хотя и не настолько долго, чтобы «Пекод», вы-

шедший из Нантакета на рождество, мог застать его там в том же сезоне. Но безумный старик, ежедневно и еженощно сжигаемый своим безумием, не хотел и думать о том, чтобы отложить на целый год, на целых триста шестьдесят пять дней и ночей ту встречу, которая была для него свершением всех его стремлений и помыслов. Вместо того чтобы весь год провести в томительном и праздном ожидании на берегу, он решил направиться в Тихий океан незримыми и дальними китовыми дорогами и, занимаясь попутно обычным промыслом, зорко высматривать белогорбого отшельника, который, быть может, окажется где-нибудь на пути «Пекода», возвращаясь со своих пастбищ или направляясь к ним. «Но так или иначе, — думал Ахав, — на той широте или на другой, раньше или позже, на собственных пастбищах или вдали от них, но злобному чудовищу не избежать кровавой последней встречи, когда рука, держащая сейчас карандаш, сожмет и поднимет в воздух иное острие».

Глава тридцать третья
Первая схватка

День был пасмурный и душный; матросы лени- бродили по палубе или молча стояли у борта, глядя на тяжелые волны. Мы с Кви- кегом мирно вязали швартовый мат для нашего вельбота. Кругом была разлита такая тишина и царствовал такой покой, что на палубе все примолкли и как бы растворились в самих себе.

Но вдруг странный, протяжный, какой-то неземной звук заставил меня вскочить на ноги и уставиться на облака, откуда раздался этот дикий возглас. Высоко на салингах сидел Тэштиго; он весь устремился вперед и, указывая рукой куда-то вдаль, страстно всматриваясь в горизонт, все повторял и повторял с неистовой самозабвенностью пророка, узревшего в небесах предсказания будущего, этот воинственный вопль:

— Фонтан! Вон! Вон! Еще один! Фонтан! Фонтан!

— Где? Где?..

— Справа на траверзе. В двух милях от нас! Целое стадо!

В ту же минуту все на корабле пришло в движение.

— Хвосты показывают! — вскричал Тэштиго. — Уходят под воду!

— Стюард, живо! — воскликнул Ахав. — Время?

Пончик скатился вниз, взглянул на часы и сообщил капитану точное время.

Корабль привели к ветру, и теперь он спокойно покачивался на волнах. Тэштиго сообщил, что киты нырнули против ветра, так что мы рассчитывали увидеть их прямо по носу, ибо едва ли следовало ожидать, что кашалоты прибегнут к своему удивительному искусству — нырнув в одном направлении, под водой развернуться и поплыть в противоположную сторону — едва ли можно было ожидать от китов этого предательского маневра, поскольку не было причин полагать, что животных встревожили возгласы Тэштиго. Скорее всего, они попросту не заметили нашего корабля.

Один из матросов, не входивший ни в одну шлюпочную команду, сменил на мачте Тэштиго; дозорные с фока и бизани спустились на палубу, кадки с линем были установлены на местах, шлюпбалки выведены за борт, грота-рей обрасоплен, и три вельбота повисли над водой. Матросы

встали вдоль бортов, в напряженном ожидании поставив ноги на планшир. И в этот момент раздалось внезапное восклицание, заставившее всех повернуть головы. Это был голос Ахава. Он появился на палубе, окруженный пятью туманными призраками, которые, казалось, только что возникли из воздуха.

Призраки бесшумно двигались, легко и быстро готовя к спуску вельбот. Этот вельбот считался у нас запасным, хотя его и называли капитанским из-за того, что он висел на шканцах по правому борту. Человек, стоявший теперь на носу этого вельбота, был высок и темнолиц, с единственным зубом ослепительно белого цвета, который зловеще торчал между серо-стальными губами. Тело темнолицего человека было упрятано в китайскую куртку из черной хлопчатобумажной материи и точно такие же шаровары. Сей беспросветный наряд был увенчан белым витком тюрбана, из-под которого виднелась уложенная вокруг головы коса. Помощники его не были так темнолицы, их кожа имела яркий тигрово-желтый оттенок, присущий исконным жителям Филиппин, — народности, известной своей дьявольской хитростью, из-за которой многие белые моряки считают их платными шпионами и тай-

ными агентами самого дьявола.

Изумленные матросы все еще разглядывали незнакомцев, когда Ахав прокричал их белотюрбанному предводителю:

— Все готово, Федалла?

— Готово, — прохрипел тот.

— Спустить вельботы! — приказал Ахав. — Живо!

Такая могучая сила была в громовом голосе капитана, что, несмотря на замешательство, матросы разом перемахнули через планшир; завизжали блоки, и вельботы тяжело плюхнулись на воду. Китобои с молниеносной ловкостью, неведомой другим морякам, попрыгали с борта в лодки, далеко внизу покачивающиеся на волнах.

Едва только три вельбота отгребли от борта, как из-за кормы показался четвертый вельбот с незнакомцами на веслах. На корме его стоял Ахав и что-то кричал своим помощникам, командовавшим другими вельботами. Но внимание всех было приковано к темнолицему Федалле, и на вельботах не расслышали слов Ахава.

— Простите, капитан?.. — крикнул Старбек.

— Растянитесь! — приказал Ахав. — Пошире! Пошире! Фласк, спускайся под ветер!

— Да, сэр! — весело откликнулся коротышка

Фласк, наваливаясь на огромное рулевое весло. — А ну, поднажмем! Еще разик! Вон кит, прямо по носу! Поднажмем! А ну, дружно! Еще раз! Чего ты уставился на этих желторожих, Арчи?

— Да я ничего, сэр! — отозвался Арчи. — Я давно про них знал. Говорил я тебе, Кабако, что в трюме кто-то есть! А, Кабако, говорил?

А с вельбота Стабба доносился его певучий голос:

— Жмите, жмите, детки мои! Жмите, ребятки! Жмите, крошки! — ласково обращался Стабб к своим матросам,

многие из которых все еще не могли отвести глаз от вельбота Ахава. — На кого это вы уставились? На тех парней, да? Эка невидаль! Жмите, ребята, а ну, навались как следует! Что нам за дело до дьявольских отродий? Черти тоже неплохие ребята! А ну, жмите, братишки! Еще раз! Вот это рывок что надо! Еще раз! Вот так! Трижды ура вам, мои мальчики, — да поможет вам бог! Вот сейчас идем, так идем!.. Только легче, легче, без лишней спешки! Так, так! Вот теперь в самый раз! Отлично!.. Не тяните! Быстрей! Раз! Раз! Навалитесь, говорю! Не слышите? Заснули, что ли? А ну, жмите, дьявол вас забери! Ах вы, оборванцы, бездельники, — спите вы, что ли? Да будете ли

вы грести как следует, вонючки, дохлятина? За каким же дьяволом вы нанялись в матросы, если не можете грести как следует? Жмите, черт вас возьми! Лопни ваши глаза! Жмите, чтобы жилы гудели. Вот так! Гребите! Вот так! Здорово! Еще раз! А ну-ка, дернем, ложечки вы мои серебряные! Еще разок, заклепочки вы мои медные. Вот так! Хорошо! Еще раз!..

Речь Стабба приводится здесь так обширно потому, что он вообще отличался весьма своеобразной манерой обращения со своим экипажем, а тем более, когда обучал матросов искусству гребли. Но не думайте, что во время своей проповеди он действительно был способен с гневом обрушиться на свою паству. Вовсе нет — в этом-то и таится основное своеобразие его манеры. Он извергал на матросов самые страшные проклятия, но при этом в его тоне так причудливо сочетались бешенство и веселье, что ярость казалась всего лишь хорошей приправой к веселой шутке, и отличное это угощение не могло оставить равнодушным ни одного гребца — они охотно налегали на весла уже ради того, чтобы не портить хорошую песню. Да к тому же Стабб с таким беззаботным видом развалясь сидел на корме, так небрежно управлялся со своим кормовым

веслом и так сладко зевал, широко разевая при этом пасть, что один вид беспечно зевающего командира успокаивал и приободрял команду.

Повинуясь приказу Ахава, Стабб шел теперь почти на-перерез Старбеку, и когда ненадолго их вельботы оказались рядом, Стабб окликнул его:

— Мистер Старбек! Хочу у вас кое-что спросить, сэр, если позволите.

— Да, — отозвался Старбек, ни на дюйм не повернув к нему своего окаменевшего лица, и негромко, но повелительно обращаясь к команде: «Жмите, матросы! Дружнее!»

— Что вы думаете об этих желтых парнях, сэр? — спросил Стабб.

— Не понимаю, как они пробрались на борт, — громко, но сдержанно ответил ему Старбек и тихо — матросам: «Сильнее! Нажимайте сильнее!» И снова громко: — Но вы не тревожьтесь, мистер Стабб… «Больше жизни, матросы!»… Все к лучшему, сэр. Главное, чтобы матросы налегали на весла, а там будь, что будет… «Жмите, матросы! Сильнее!»… Вот впереди кашалот — в нем уйма спермацета, мистер Стабб, это самое главное… «А ну, дружнее! Раз! Еще раз!»… Добыча и прибыль, сэр! Только за этим мы сюда и пришли… «Нажимайте, матросы, сильнее! Раз! Еще раз!»…

— Да, я и сам так думаю, — размышлял Стабб, когда лодки стали отдаляться друг от друга. — Так я себе и сказал, когда их увидел. Вот, значит, зачем старик так часто наведывался в трюм! Мне и Пончик говорил, что кто-то там спрятан. Все это, видно, для Белого Кита! Ну что ж, тут уж ничего не изменишь, ладно! Навались на весла, детки! Пока еще мы гонимся не за Белым Китом. А ну, дружнее! Вот так…

У многих матросов внезапное появление на борту «Пекода» желтолицых незнакомцев, и именно в тот момент, когда надо было спускать на воду вельботы, вызвало вполне понятное недоумение и даже некоторый суеверный страх, хотя все уже были несколько подготовлены к этой встрече неопределенными открытиями Арчи.

Спокойные объяснения Стабба также смягчали тревогу и недоумение, но все же оставалось еще немало поводов для самых невероятных предположений относительно того, зачем эти чужаки потребовались Ахаву.

Что же до меня, то я молча припоминал таинственные тени в тумане нантакетского рассвета, пробиравшиеся на «Пекод», и загадочные намеки безумного Илии.

Между тем вельбот Ахава, занимавший край-

ний левый фланг развернутого фронта лодок, мчавшихся к противнику, значительно опередил другие вельботы, что обнаруживало незаурядную силу и выносливость его гребцов. Эти создания, покрытые кожей тигрово-желтого цвета, казалось, были сделаны из стали и китового уса. Будто заведенные, они ритмично поднимались и опускались, и могучие рывки весел посылали лодку вперед с надежностью паровой машины. Сбросив свою черную куртку, Федалла греб на месте гарпунщика; его мощный обнаженный торс отчетливо вы-делялся на фоне скачущего вверх и вниз горизонта. На противоположном конце вельбота Ахав уверенно орудовал кормовым веслом. Но вот он внезапно замер и тотчас все пятеро гребцов застыли с поднятыми веслами. Все как бы мгновенно окаменели, и лодка беспомощно закачалась на волнах. Заметив это, в отдалении замерли и другие вельботы.

Киты скрылись под водой, и никто не мог определить, где они снова вынырнут. Но Ахав, находившийся к ним ближе всех, пристально всматривался в водную поверхность, будто видел, что делается в глубине.

— Внимание! — крикнул на своем вельботе Старбек. — Квикег, подымайся!

Ловко вскочив на треугольную площадку, устроенную на носу вельбота, Квикег выпрямился во весь рост и замер в нетерпеливой готовности. На корме вельбота была устроена еще одна точно такая же площадка, поднятая до уровня планшира. Там стоял сам Старбек и, покачиваясь вместе с лодкой, внимательно разглядывал волнующуюся синеву океана.

Командир третьего вельбота, коротышка Фласк, не удовлетворился кормовой площадкой в качестве пьедестала и забрался на верхушку лагрета — столба, упиравшегося одним концом в киль лодки, а другим — возвышавшийся фута на два над кормовой площадкой. В поперечнике лагрет не больше ладони, и Фласк, стоя на этой ладошке, был похож на мачтового дозорного, не покинувшего свой пост, хотя корабль уже затонул по самые клотики. Но рост коротышки Фласка совсем не соответствовал его высочайшим устремлениям, а потому кругозор, открывавшийся ему с лагрета, нисколько его не удовлетворял.

— Только и вижу, что до третьей волны! — с горечью воскликнул он. — Эх, поставить бы весло торчком, я бы на него забрался!

Услышав эти слова, гигант Дэггу, хватаясь за борт, чтобы не упасть, быстро перебрался на кор-

му и, выпрямившись во весь свой исполинский рост, предложил себя Фласку в качестве дозорной вышки.

— Забирайтесь, сэр, мне на плечи. Вот вам мачта не хуже всякой другой.

— Спасибо, дружище. Хотел бы я только, чтобы ты был футов на пятьдесят повыше.

Расставив ноги, негр слегка пригнулся, подставил Фласку вместо ступеньки свою ладонь и, крикнув, чтобы тот подпрыгнул повыше, ловким движением закинул командира к себе на плечи, где тот и остался стоять в полный рост, опираясь для удобства на вытянутую вверх черную руку гиганта.

Новичку удивительно видеть, с какой привычной и бес-сознательной ловкостью сохраняет китобой равновесие в скачущем по бешеным волнам вельботе. Еще более странное зрелище представляет собой моряк, легкомысленно устроившийся на высоком и тонком лагрете. Но вид коротышки Фласка, балансирующего на плечах огромного негра, был уж совершенно невероятен. Каждую волну Дэггу встречал легким покачиванием своего прекрасного тела, возвышавшегося над бортом с небрежным величием. На его широких черных плечах маленький светловолосый

Фласк казался не больше снежинки. И хотя красующийся коротышка в своем нетерпении то и дело дергался и в сердцах топал ногой, ни один лишний вздох не вырвался из царственной груди благородного негра. Видел я не раз, как Страсть и Тщеславие нетерпеливо топали ножками по нашей великодушной земле, но земля не изменила от этого ни своего движения, ни своего полета в пространстве.

А в это время командир последнего вельбота, Стабб, вовсе не проявлял такого пыла и нетерпения, как Фласк. «Быть может, киты уже просто нагулялись на поверхности океана и теперь, как им и положено, надолго ушли в глубину, — рассуждал сам с собой Стабб, — а коли так, то почему бы не скрасить томительное ожидание, выкурив трубочку, другую?» Он выдернул трубку из-за ленты на шляпе, где она неизменно торчала наподобие пера, набил ее, умял табак большим пальцем, но едва успел чиркнуть спичкой по своей шершавой ладони, как его гарпунщик Тэштиго, чьи глаза не отрывались от воды, молнией скользнул на свою банку и закричал:

— Вон они! Вон они! За весла!

В тот момент ни один сухопутный человек не разглядел бы в воде ни кита, ни селедки; реши-

тельно ничего, кроме зеленовато-белой пены и нескольких еле заметных облачков пара, относимых ветром над вскипающими валами. Но вдруг воздух над водой задрожал и заколыхался, как над сильно нагретой железной плитой. Китобои знали, что здесь, на небольшой глубине, плывут киты. Выдыхаемые ими облачки пара — первый признак, по которому китобои определяют приближение добычи.

Все четыре вельбота полным ходом устремились вперед.

— Давай, давай! — тихо говорил Старбек, но в его голосе слышались настойчивость и напряженность, взгляд его был устремлен в цель, и лодка неслась, послушная этому взгляду, точно стрелке надежнейшего судового компаса.

Старбек был немногословен со своей командой; молчали и матросы. Лишь изредка — и всегда внезапно — нарушал молчание его странный шепот, хриплый, когда Старбек приказывал, и мягкий, когда он просил.

Ну, а коротышка Фласк не шептал, а кричал во все горло:

— Жми да греми, гроза кашалотов! Эх, высадили бы вы меня на эти черные спины! Ну, сделайте это, братцы, и я отдам вам свою ферму на Вай-

ньярде вместе с женой и детишками! Прямо на спину, а? О боже праведный, я совсем обезумел, так мне хочется поработать острогой! Вперед! Вперед! Вот она — белая вода! — Он сорвал с головы картуз, смял его и швырнул в воду, продолжая орать и бесноваться на корме своего вельбота.

— Поглядите-ка на него, — философски промолвил Стабб, с трубкой в зубах следовавший почти вплотную за лодкой третьего помощника. — Вот-вот его хватит удар, этого Фласка. А ну-ка, ударим и мы, мальчики! Ударим им в хвост и в гриву! Веселей, веселей, детки мои! На ужин-то у нас сегодня пудинг — не забывайте! Веселей, детишки, жмите, куколки, наваливайтесь, сосуночки мои! Но куда же это вы заторопились? Мягче, мягче, а главное — ровнее, друзья мои! Нажимайте на весла и не отпускайте их — жмите, всего-то и делов! Легче! Легче, говорят вам! Легче, печенка вам в глотку!

Но слова, которые непостижимый Ахав дарил своей тиг-

рово-желтой команде, лучше всего здесь опустить, ибо они не годны для слуха людей, живущих в цивилизованном обществе; только дерзким и хищным акулам, обитающим в бурных волнах, подобало слушать Ахава, когда он

с неистовством на лице и горящими глазами гнался за своей добычей.

То было зрелище жуткое и удивительное! Гигантские валы могучего океана с нарастающим, гулким ревом катились за бортами вельботов. Лишь на один краткий миг вздымалась лодка на остром гребне волны, затем устремлялась в водяное ущелье, взлетала на вершину другого утеса и опять безудержно скользила по отвесному склону. Крики гарпунщиков сливались с возгласами командиров и хриплым дыханием гребцов. Распустив паруса, сверкающий белой китовой костью «Пекод» устремился к своим вельботам, как всполошившаяся наседка к своему выводку. Ни новобранец, угодивший в самое пекло боя, ни отлетевшая душа, попавшая в потусторонний мир, не испытывают тех безумных, немыслимых ощущений, какие владеют человеком в погоне за кашалотом.

Над морем повисли сумрачные облака, и белый след китов стал виден яснее. Фонтаны уже не мелькали где- то впереди, а поднимались справа и слева от нас. Стадо разделилось. Вельботы тоже устремились в разные стороны. По приказу Старбека мы поставили парус, и крепчающий ветер все быстрее гнал нас вперед. Вельбот летел

с такой бешеной скоростью, что на подветренном борту невозможно было грести — весла вырывало из уключин.

Мы неслись теперь сквозь сплошную пелену тумана — ни корабля, ни вельботов не было видно.

— Вперед, матросы! — яростно шептал Старбек, заводя еще больше назад полотнище паруса: — Мы успеем забить его раньше, чем налетит шквал. Белая вода по носу. Навались!

Вскоре громкие крики справа и слева оповестили нас о том, что Фласк и Стабб подбили китов. Не успели отзвучать их победные возгласы, как раздался пронзительный шепот Старбека: «Встать!» — и Квикег с гарпуном в руке вскочил на ноги.

Хотя ни один гребец не мог видеть смертельной опас-ности, грозившей нам с носа, по напряженному лицу Старбека мы поняли, что настал решающий миг. К тому же мы отлично слышали тяжелый плеск за бортом, как будто полсотни слонов бултыхались в воде. А вельбот все летел и летел сквозь туман, и волны вокруг него вздымались и шипели, точно разъяренные драконы.

— Вот его горб! Вот он! Вот! — хрипло шептал Старбек. — Дай-ка ему! Дай!

С коротким отчетливым звуком Квикег метнул гарпун. В ту же минуту мы почувствовали

сильный удар, и нос вельбота словно наткнулся на подводную скалу. Парус дернулся и опал. Обжигающий фонтан пара взлетел за бортом. Под нами что-то ворочалось и кувыркалось, как при землетрясении. Все мы очутились в воде, в белом кипении шквала.

Кит ушел, лишь едва задетый гарпуном. Вельбот почти затопило, но все же он кое-как держался на воде. Мы подобрали весла и, привязав их к планширу, забрались на свои места. Мы сидели по колено в воде — вода покрывала шпангоуты и бимсы, и вельбот был словно коралловый островок, выросший со дна морского.

Ветер завывал во всю мочь; волны сшибались лбами; шквал ревел и неистовствовал вокруг нас, словно пламя в сухих степях. Тем временем стремительные облака и несущиеся над нами клочья тумана становились все темнее; спускалась ночь. Корабль по-прежнему не был виден. Тщетно мы окликали другие вельботы — они не отзывались.

Перерубив бечевку, оплетавшую бочонок со спичками, Старбек после многих неудач умудрился наконец зажечь фонарь и, нацепив его на никому теперь не нужный багор, вручил сей светоч Квикегу — знаменосцу потерянных надежд. И дикарь сидел на носу, крепко держа эту неяркую

свечку посреди всемогущей стихии — как символ изверившегося человечества, безнадежно вздымающего надежду во мраке отчаяния.

Промокшие и продрогшие, не зная, в какую сторону несет нас ветер, мы поднимали головы навстречу занимавшейся заре. Туман все еще стлался над водой, догоревший фонарь валялся на дне лодки. Внезапно Квикег вскочил на ноги и приставил ладонь к уху. В вое ветра он услышал слабый скрип снастей. И почти в тот же самый миг из тумана проступили неясные очертания чего-то огромного и

страшного. Перепуганные, мы попрыгали в воду. И как раз вовремя. Появившийся из тумана «Пекод» подмял под себя нашу лодку. Барахтаясь в воде, мы видели, как покинутый нами вельбот вертелся и переворачивался под форштевнем, словно щепка у подножия водопада; потом корабль наступил на него, и он исчез, чтобы снова появиться за кормой в виде груды разбитых досок.

Мы подплыли к остаткам вельбота и уцепились за них, и тут нас, наконец, увидели и благополучно подняли на борт.

Три других вельбота, заметив приближение шквала, успели перерубить лини своих гарпунов

и вовремя вернуться на корабль. Нас на «Пекоде» уже считали погибшими, но легли в дрейф и выжидали утра, надеясь заметить хоть какое-нибудь вещественное доказательство нашей гибели — весло или хоть рукоятку от остроги.

Глава тридцать четвертая
Четвертое завещание

В этой странной и непонятной шутке, которую мы зовем жизнью, порой бывают моменты, когда человек начинает чувствовать смутное подозрение, что осмеян тут не кто иной, как он сам. И хотя редко удается смекнуть, что же, собственно, в этой шутке смешного, особенно если вам грозит опасность потерять голову или ногу, все же бывает, что в минуту смертельной серьезности и безнадежного страха вы вдруг начинаете улыбаться тому, что только что внушало вам ужас.

Именно в таком настроении я взбирался теперь на борт «Пекода».

— Квикег, — сказал я, когда меня втащили наверх и, встав потверже, я принялся стряхивать с себя воду. — Квикег, неужели такие штуки случаются часто?

Промокший не менее моего, Квикег довольно равнодушно ответил, что такие происшествия в жизни китобоев действительно не редкость.

Тогда я обратился к Стаббу, который, застегнув на все пуговицы бушлат, спокойно курил под

дождем свою трубку.

— Мистер Стабб, я слышал, как вы однажды говорили, будто мистер Старбек — самый предусмотрительный и осторожный китобой из всех, кого вы знаете. Если это верно, то, по-видимому, прыжок на спину кита в разгар шквала следует считать верхом благоразумия?

— А что ж, — ответил Стабб, — мне случалось и не такое!

Неподалеку от нас стоял коротышка Фласк.

— Сэр, — сказал я ему, — вы опытный китобой, а я еще новичок. Скажите мне, действительно ли это совершенно необходимо, чтобы гребцы надрывались из последних сил, устремляясь смерти в зубы, да еще при этом обернувшись к ней спиной?

— Да, это совершенно необходимо, — ответил Фласк. — Хотел бы я увидеть тех матросов, которые станут грести, сидя к киту лицом. Ха-ха-ха! Уж тогда он покажет им такое лицо, что не дай бог!

Так три беспристрастных свидетеля подтвердили, что шквалы и вынужденное купанье — самые обычные происше-ствия в той жизни, которую я себе избрал. И тогда я пришел к выводу, что самое разумное, — это поскорее спуститься вниз и написать свое завещание.

— Идем, Квикег, — сказал я, — ты будешь моим поверенным и наследником.

Может показаться странным, что моряки более всех остальных смертных любят возиться со своими завещаниями. Но это так. С тех пор как я попал на море, я занимался этим делом уже в четвертый раз. И вот, когда мое четвертое завещание было составлено и подписано, я почувствовал, что камень свалился с моего сердца. Ведь теперь моя смерть и мое погребение были заперты в сундуке, а я, можно считать, как бы воскрес, так что каждый прожитый день будет теперь в некотором роде добавкой к моей жизни, и мне удастся еще на столько-то дней, месяцев или лет пережить свою собственную смерть. «Ну, а теперь, — подумал я, довольный и успокоенный, — подать сюда госпожу погибель, эту костлявую старуху! И мы еще поглядим, кто кого!»

Глава тридцать пятая
Вельбот Ахава

Люди, понимающие толк в китобойном промысле, все еще не пришли к определенному мнению насчет того, следует ли капитану, чья жизнь является необходимым условием успешного плавания, подвергать себя бесчисленным опасностям, спускаясь в вельбот для преследования кита наравне с другими офицерами.

Что же касается Ахава, то вопрос этот становится особенно спорным. В самом деле, общеизвестно, что в минуту опасности человек иногда не может удержаться даже на двух ногах; так разумно ли человеку с одной ногой самому браться за дело, в котором минуты опасности возникают буквально ежеминутно? Уверен, что владельцы «Пекода» ответили бы на этот вопрос отрицательно.

Ахав знал, что его нантакетские друзья не стали бы возражать против того, чтобы в отдельных, сравнительно без-опасных случаях, капитан лично находился в одном из вельботов, в непосредственной близости к театру военных

действий. Но он отлично понимал, что в Нантакете никому даже в голову не могло прийти, что он захочет иметь свой вельбот, чтобы самому пускаться в погоню за каждым каша-лотом и искать сражения. Хозяева «Пекода» на это не согласились бы. Поэтому он обо всем позаботился сам, и пока не было оглашено открытие Арчи, ни помощники капитана, ни матросы ни о чем не догадывались, хотя некоторым из них кое-что казалось странным. Так, например, вызвало удивление то, что после оснастки всех вельботов Ахав принялся вдруг собственноручно прилаживать уключины к шлюпке, считавшейся запасной, а потом стал тщательно вырезать маленькие деревянные шпеньки, по которым скользит линь, когда его травят. Все это, и в особенности его приказание покрыть днище запасной шлюпки двойным слоем досок, как бы для того, чтобы оно лучше выдерживало давление его костяной ноги, а также беспокойство Ахава по поводу опорного бруса на этой шлюпке, того бруса, в который упираются коленом при метании гарпуна и при работе острогой, все это, повторяю, казалось странным и вызывало всеобщее недоумение.

Только теперь, после появления на палубе и в вельботе матросов-призраков, все стало

понятным, а странный вид этого тайного экипажа капитанского вельбота ни у кого особого удивления не вызвал, ибо на китобойные суда нередко набирают подонков, явившихся из самых неведомых закоулков и сточных канав планеты, а иногда даже вылавливают в море таких нечесаных бродяг, болтающихся по океану на обломанной доске, на каноэ или перевернутой джонке, что если бы даже сам дьявол взобрался на борт и зашел в каюту поболтать с капитаном, то и это никого особенно не удивило бы.

И тем не менее, в то время как матросы-призраки нашли с командой общий язык, их тюрбаноголовый командир до конца остался загадкой. Откуда пришел он в наш благовоспитанный мир? Какими необъяснимыми узами был связан с необычной судьбой Ахава? Почему оказывал на него влияние, а может быть, даже имел власть над стариком? Никто не знал этого, и никто не мог глядеть на него без содрогания. Такие, как он, могут только присниться ночью, да и то цивилизованный человек тут же проснется от ужаса, как будто он заглянул в изначальные времена и различил там непонятное и страшное порождение тьмы и хаоса.

Глава тридцать шестая
Фонтан на горизонте

Сверкающий белой костью «Пекод» под зарифленными парусами не спеша пересек четыре промысловых района: у Азорских островов, у островов Зеленого Мыса, так называемое Плато возле устья Рио-де-ла-Плата и район Кэррол к югу от острова Святой Елены.

И вот, в водах района Кэррол однажды тихой лунной ночью, когда волны, похожие на украшенные серебром старинные свитки, наполняли серебристую тишину негромким стелющимся бормотанием, — такой молчаливой ночью впереди по носу окруженного белой пеной «Пекода» появился вдали серебристый фонтан. Освещенный луной, он, казалось, спускался с небес. Или, может быть, это свер-

кающее оперением божество поднималось из морских глубин?

Первым заметил фонтан Федалла. Он взял себе за правило в эти лунные ночи взбираться на грот-мачту и стоять там до утра, хотя ни один капитан не рискнул бы ночью спустить вельботы,

будь перед ним даже целое стадо китов. Нетрудно себе представить, с каким беспокойством глядели матросы на непостижимого азиата, в столь неурочный час торчащего в небе, где луна соперничала с блеском его тюрбана.

Много безмолвных ночей провел Федалла на своем посту, не издав ни единого звука, и когда над палубой вдруг раздался его голос, спавшие матросы разом вскочили на ноги, словно крылатый дух, опустившись на снасти, призвал к себе смертную команду. «Фонтан на горизонте!» Пушечный выстрел не поверг бы китобоев в такой трепет; но не страх владел ими, нет, скорее — радость. Ибо неурочный этот крик был насыщен таким безумным счастьем, что любой матрос готов был тут же начать погоню за одиноким странником, плывшим под лунным сиянием.

Припадая на одну ногу, Ахав быстро прошел по палубе, приказывая поставить брамсели и бом-брамсели и раздернуть лисели. Свежий бриз наполнил все это множество парусов. С дозорным на каждой мачте корабль будто летел по воздуху. Но хотя взоры всех словно стрелы пронзали пространство, серебристый фонтан в эту ночь больше не показался. Каждый мог поклясться, что видел его однажды, но во второй раз его не

увидел никто.

Прошло несколько ночей, и полночный фонтан был уже почти забыт, когда вдруг, в тот же безмолвный ночной час над палубой снова раздался тот же возглас; и опять каждый видел фонтан, и опять, лишь только паруса были поставлены, он исчез, словно и не появлялся на горизонте. Ночь за ночью он возникал перед нами, теперь уж никого не побуждая к действию, а вызывая лишь всеобщее изумление. Загадочно вспыхивая при свете луны или звезд, он сразу же исчезал, чтобы затем через двое, трое суток появиться вновь, словно маня и маня нас куда-то.

Суеверные матросы стали говорить, что этот серебристый фонтан может принадлежать только одному киту во всем океане, и кит этот — Моби Дик. И постепенно появление на горизонте загадочного лунного призрака стало внушать всей команде смертельный ужас, потому что казалось, что призрак этот вероломно заманивает в какие-то дальние моря, где коварное чудовище в конце концов набросится на нас и растерзает среди обломков корабля. Подозрения эти, смутные, но зловещие, были особенно остры по контрасту с ясной погодой, и в голубой безмятежности неба, в ласковом покачивании на кротких волнах тихих морей нам виделись дьявольские чары, как бы усыпляющие нашу бдительность.

Но вскоре мы повернули на восток, к мысу Доброй Надежды. Здесь выли буйные ветры и мощные волны швыряли и раскачивали наше судно. Оно кренилось под яростными шквалами, злобно таранило пенистые валы, и дожди серебряных брызг окатывали палубу. Какие-то странные рыбы и неведомые морские чудовища сновали в воде возле самого борта. Черные загадочные птицы кружились за кормой. Каждое утро они унизывали снасти, и как ни старались мы криками согнать их, они не двигались с места,

будто считали наше судно брошенным людьми и покинутым на волю ветра, а потому самым подходящим насестом для таких бездомных существ, как они. А темный океан все вздымался и опускался без отдыха, без перерыва, словно это душа всей земли

страдала и мучилась, терзаемая нечистой совестью и без-жалостным раскаянием.

Мы приближались к мысу Доброй Надежды. Доброй Надежды?.. А не больше подходит этому мысу его прежнее название: мыс Бурь?.. Увлеченные в эти воды коварной тишиной, так долго нас окружавшей, мы очутились теперь как бы в гигантском котле, где грешные души в образах птиц и рыб осуждены вечно биться среди кипения и клокотания волн.

Но и здесь, в этом адском мраке без единого проблеска на горизонте, по временам появлялся все тот же призрачный белоснежный фонтан, который все так же властно заманивал нас.

Среди этого черного смятения стихий Ахав, почти непрерывно находившийся на палубе, был еще более мрачен и молчалив, чем обычно. Во время шторма, когда паруса убраны, а на палубе и в трюмах все, что может передвигаться, надежно закреплено, матросам остается лишь в бездей-

ствии ожидать конца бури. Крепко ухватившись рукой за ванту, Ахав долгие часы простаивал лицом к ветру; от порывов ледяного ветра и снега ресницы его едва не смерзались. Тяжелые валы с грохотом перекатывались через палубу. Каждый матрос, чтобы ему легче было бороться с волнами, обернул себя вокруг пояса линем, прикрепленным к фальшборту, и раскачивался в этой^свободной петле. Так наш молчаливый корабль день за днем мчался и мчался куда-то сквозь разгул и неистовство осатаневшего моря. И дни были похожи на ночи, а ночи были похожи на дни, потому что ночами люди так же раскачивались в своих петлях, безмолвно вглядываясь в пляшущий океан. И так же твердо сжав губы стоял под натиском бури Ахав. Даже когда тело его нуждалось в отдыхе, он не искал этого отдыха на койке. Старбек не мог забыть, как однажды, спустившись в каюту, он увидел капитана, который сидел за столом очень прямо, с откинутой назад головой, не сняв вымокших плаща и шляпы. Перед ним лежала карта морских течений; в руке был зажат фонарь; глаза закрыты. Но даже сквозь опущенные веки они, казалось, смотрели на стрелку капитанского компаса, укрепленного между бимсами на потолке каюты. «Страшный

старик! — подумал Старбек. — Даже во сне его взор неизменно устремлен к цели».

Глава тридцать седьмая
Встреча с «Альбатросом»

У островов Крозе, к юго-востоку от мыса Доброй Надежды, мы повстречали парусник, который звался «Альбатросом». Он медленно приближался к нам, и, стоя на верхушке фок-мачты я мог хорошо разглядеть это замечательное для новичка зрелище; китобоец, уже нескол» ко лет находившийся в плавании.

Корпус его был выбелен волнами, точно скелет моржа, выброшенный на песок. Потоки красноватой ржавчины прочерчивали светящиеся мертвенной белизной борта, а рангоут и снасти напоминали покрытые инеем ветви старого дуба. На судне были поставлены только нижние паруса. Обросшие бородами дозорные, стоявшие на трех его мачтах, казались одетыми в звериные шкуры, так за четыре года была изодрана и заплатана их одежда. Стоя в прибитых к мачтам железных кольцах, они раскачивались над бездонной пучиной и хотя, проходя у нас за кормой, «Альбатрос» настолько приблизился к «Пекоду», что мы, шестеро моряков, повисших в воздухе,

могли бы перепрыгнуть с мачт одного корабля на мачты другого, эти несчастные не сказали ни слова нашим дозорным, уныло разглядывая нас в молчании-

— Эхой, на корабле! Не видали Белого Кита? — услышал я снизу голос Ахава.

Но лишь только этот вопрос долетел до слуха капитана «Альбатроса», который стоял, перегнувшись через фальшборт, с рупором в руках, как рупор выскользнул и полетел за борт. Напрасно капитан что-то кричал в ответ Ахаву» сильный ветер относил его слова в сторону. Между тем расстояние между кораблями все увеличивалось. Матросы «Пекода» в молчании отметили про себя зловещую неудачу, постигшую нас при первой же попытке справиться о Моби Дике. Ахав мгновение колебался, потом, по-видимому» определив, что «Альбатрос» приписан к порту Нантакета и на‘ правляется домой, снова поднес рупор к губам и прокРичал:

— Эхой, на корабле! Я — «Пекод», иду вокруг света! Передавайте, пусть пишут в Тихий океан! А если через три года в это время я не вернусь, то пусть…

В это время стайка маленьких безобидных рыбок, давно уже сопровождавших «Пекод», сле-

дуя своим непостижимым законам, беспокойно трепеща плавниками, кинулась прочь от нас и быстро пристроилась к «Альбатросу». Увидев это, Ахав не закончил своей речи. В прошлом он, конечно, не раз наблюдал подобные маневры маленьких спутников, но теперь каждая мелочь казалась ему исполненной глубокого смысла.

— Бежите от меня? — пробормотал он, глядя в воду. В голосе его была такая мрачная, такая безнадежная скорбь, какой он еще никогда не выказывал. И, обернувшись к руле-вому, который держал судно в ветре, чтобы замедлить его ход, он вдруг вскричал с отчаянной яростью:

— Руль к ветру! Курс вокруг света! Так держать!

Вокруг света! Этих слов достаточно, чтобы вызвать волнение и гордость. Но куда ведет кругосветное плавание? Сквозь бесчисленные опасности оно ведет нас, по существу, назад, туда, откуда мы идем, и что оставили мы за кормой, то ожидает нас и впереди.

Когда бы наш мир был бесконечной плоской равниной и, отправляясь на восток, мы открывали бы все новые и новые земли и находили бы зрелища все сладостнее и заманчивее, вот тогда в нашем плавании был бы толк. Но, пресле-

дуя безумную мечту или пускаясь в гибельную погоню за демоническим призраком, мы путешествуем по кругу и в лучшем случае лишь возвращаемся к прежней гавани, а в худшем — получаем пробоину в днище и идем ко дну.

Глава тридцать восьмая
Повесть о Стилкилте и Рэдни

Район мыса Доброй Надежды напоминает в некотором роде перекресток больших дорог, где можно встретить больше кораблей, чем в каком-либо другом месте.

Только что скрылся на горизонте «Альбатрос», как мы увидели другое судно, китобоец «Таун-хо». В этом названии воскрешен старинный клич, которым в прежние времена дозорные оповещали команду о появлении кита.

Поскольку шторм в это время утих, «Пекод» и «Таун-хо», как это принято китобоями всего мира, обменялись приветствиями, легли в дрейф, и часть команды «Таун-хо», во главе с капитаном, поднялась на борт «Пекода», а часть команды «Пекода», во главе со старшим помощником, под-нялась на борт «Таун-хо».

Во время этих дружеских встреч мы услышали немало нового о Моби Дике, но больше всего поразила меня одна история, в которой Белый Кит словно служил оружием высшего суда, исполнителем божьего приговора.

Когда «Таун-хо» промышлял в экваториальных водах, как-то, откачивая, как положено, из трюма воду, матросы заметили, что воды в трюме набралось гораздо больше, чем обычно. Было высказано предположение, что меч-рыба повредила обшивку. Капитан приказал поставить все паруса и взять курс к ближайшему порту, чтобы там встать на ремонт.

Путь предстоял не близкий, и все же капитан был спокоен, уверенный, что судно благополучно достигнет гавани, ибо прекрасные помпы работали исправно, а тридцать шесть матросов могли без особых усилий, сменяя друг друга, выкачивать воду из трюма, будь даже течь в два раза больше. Так что «Таун-хо» несомненно добрался бы до порта без всяких неприятностей, если бы властная грубость Рэдни, старшего помощника капитана, не вызвала жестокой мстительности матроса Стилкилта, отчаянного парня из Буффало.

Однажды Стилкилт вместе с другими матросами работал у помпы. Это был высокий белокурый красавец с благородным профилем и золотистой бородой. Рэдни же был уродлив, как мул, и так же упрям и злопамятен. Он терпеть не мог Стилкилта, и тот знал это.

И вот Рэдни подошел к насосам. Стилкилт не подал виду, что заметил его и, как ни в чем не бывало, продолжал зубоскалить.

— Ну и хлещет, ребята! — болтал он. — Этак, пожалуй, через день-два все мы пойдем ко дну. Ну да ничего, не про-падем. Уж Рэдни позаботится о нас. В такого красавчика сразу влюбятся все рыбы, от кильки до акулы. Говорят, что у него дома стены увешаны зеркалами, и он глядится в них с утра до вечера.

— Эй вы, бродяги! — заорал Рэдни. — Поменьше болтайте, а не то отведаете моего кулака.

Он остался невдалеке, и матросы трудились на совесть.

Вскоре послышалось их тяжелое хриплое дыхание, свидетельствующее о высшем напряжении сил.

Наконец, вместе с остальными задыхаясь от усталости, Стилкилт отошел от насоса и присел на шпиль, отирая со лба пот. В этот самый момент Рэдни направился к нему неторопливым шагом человека, исполненного чувства собственного значения, и надменно приказал взять метлу и вымести палубу, а заодно уж и убрать лопатой следы, оставленные свиньей, которую кто-то выпустил из клетки.

Палуба на китобойце подметается регулярно каждый вечер, и только свирепый шторм может воспрепятствовать выполнению этой работы. Известны случаи, когда приборка производилась на кораблях, буквально идущих ко дну. Но с давних пор орудовать метлой на всех судах предоставляется юнгам. Таковы незыблемые морские традиции. К тому же следует сказать, что на помпах «Таун-хо» работали самые здоровые и сильные матросы, и атлетически сложенный Стилкилт неизменно назначался старшим среди них, что освобождало его от выполнения всяких мелких поручений, которые может выполнить менее сильный и опытный моряк.

Я говорю об этом так подробно для того, чтобы читатель ясно представил себе, что приказ Стилкилту был отдан с несомненной целью оскорбить его; с таким же успехом Рэдни мог плюнуть ему в лицо. Это поймет всякий, кто хоть раз ходил в плавание на китобойце. Понимал это и Стилкилт. Но, поглядев в горящие злобой глаза помощника и заметив, что там одна на другую громоздятся бочки пороха и к ним уже пробирается пламя зажженного фитиля, Стилкилт не захотел распалять и так уже разгневанного человека и спокойно ответил, что мести палубу не

будет. Не проронив ни слова по поводу лопаты, он лишь молча указал на трех матросов, которые не работали у помп и целый день слонялись без дела. В ответ на это Рэдни, изрыгая проклятия, высокомерно потребовал немедленного исполнения приказа и, подойдя вплотную к сидевшему Стилкилту, взмахнул над его головой тяжелым купорным молотом, который он выхватил из стоявшей неподалеку бочки.

— Я отказываюсь подчиниться вам, мистер Рэдни, — сказал Стилкилт вставая. — И советую бросить молот, а не то будет плохо.

Но Рэдни не внял голосу разума и с невыносимыми про-

клятиями подступил вплотную к матросу, потрясая молотом в каком-нибудь дюйме от его лица. Но через минуту его нижняя челюсть была свернута могучим ударом, и Рэдни упал, плюя кровью, как издыхающий кит.

Не успел еще вопль пострадавшего донестись до шканцев, как другие помощники капитана окружили Стилкилта и, навалившись на него, скрутили ему руки, заткнули кляпом рот, проволокли по всему кораблю и, точно освежеванную тушу, подвесили на рею, где он и провисел до утра.

На рассвете капитан созвал всю команду и объявил, что в назидание другим он решил подвергнуть Стилкилта публичной порке. Хорошо обдумав все случившееся, он понял, что обязан поступить так во имя дисциплины. Обернувшись к Стилкилту, все еще висевшему на рее, он спросил у него:

— Может быть, ты что-нибудь хочешь сказать в свое оправдание?

— Вот что я вам скажу, а вы об этом хорошенько поду-майте, — хрипло ответил Стилкилт, — если вы ко мне хоть прикоснетесь, то я вас убью.

— Да ну? Смотри, как ты меня напугал! — засмеялся ка-питан и занес веревку для удара.

— Лучше не троньте, — процедил сквозь зубы Стилкилт.

— Я только выполню свой долг! — капитан замахнулся, но в этот момент Стилкилт прошептал ему что-то такое, чего никто, кроме капитана, не расслышал, и, к всеобщему изумлению, капитан вдруг отпрянул в сторону, быстро прошелся несколько раз по палубе и, отбросив веревку, сказал:

— Я не стану тебя бить. Отпустите его. Развяжите. Слышите?

Ни я и никто во всем мире не знает, что шепнул

Стилкилт капитану, и, может быть, этим дело и кончилось бы, если бы на палубе не появился Рэдни.

Он вышел с забинтованной головой — челюсть его была в таком состоянии, что он едва мог приоткрыть рот, но, не-смотря на это, он внятно пробормотал, что охотно исполнит то, что должен был исполнить капитан. И с этими словами взял веревку и приблизился к своему врагу.

Стилкилт все еще висел связанный.

— Трус! — прохрипел он в лицо Рэдни.

— Допустим, — ответил Рэдни, — и все же ты свое получишь! — Он взмахнул веревкой, но снова неразличимый для окружающих шепот остановил занесенную руку. Рэдни застыл на секунду, но затем, не колеблясь, исполнил свое намерение и отстегал Стилкилта.

После этого матроса развязали, все разошлись по своим местам, и вскоре скрежет насосов вновь огласил палубу.

Но Стилкилт поклялся жестоко отомстить человеку, оскорбившему его до глубины души. Он был в вахте Рэдни, а этот обреченный имел не подобающую моряку привычку ночью присаживаться спиной к шлюпке, висевшей за бортом, и дремать в такой позе. Между шлюпкой и бортом

был просвет, вполне достаточный для того, чтобы человек провалился в кипящие волны. Вот на этом-то обстоятельстве главным образом и построил Стилкилт зловещий план своей мести.

Все свободное время он, сидя в кубрике на своей койке, старательно плел из бечевки какую-то сетку.

— Что это такое ты делаешь? — как-то спросил его один из матросов.

— А как по-твоему? На что это похоже?

— Похоже на сетку для мяча.

— Да, пожалуй! — согласился Стилкилт, — только мячик у меня будет не резиновый… Но вот бечевка вся вышла, не найдется ли у тебя?

Но у того бечевки не было.

Тогда Стилкилт встал и направился к трапу:

— Придется попросить у старика Рэда.

— Просить у него? — воскликнул матрос.

— А почему бы и нет? Думаешь, он мне откажет? Ведь я же для него и стараюсь.

Стилкилт подошел к Рэдни и глядя ему прямо в глаза, по-просил бечевку, чтобы починить свою койку. Просьба его была исполнена. А на следующий вечер, укладывая на койку свой бушлат вместо подушки, Стилкилт подобрал с пола выпавшее из кармана небольшое железное ядро в

веревочной сетке. Ровно через двадцать четыре часа Стилкилту предстояло встать у румпеля, недалеко от человека, имевшего привычку дремать над открытой могилой. Роковой момент приближался, и алчущий мести Стилкилт уже представлял себе, как скованный судорогой труп полетит за борт.

Но не Стилкилту судьба уготовила стать мстителем. И все же, хотя он и не стал мстителем, но был отомщен, как будто само небо взяло на себя исполнение его кровавой мести.

На другой день, в разгар уборки палубы, какой-то матрос подошел к борту, чтобы набрать ведро воды, и вдруг заорал во всю глотку:

— Кит! Кит!

Боже, что это был за кит! Это был Моби Дик!

Все пришли в чрезвычайное волнение. Не устрашенные ужасными легендами о Моби Дике, китобои загорелись же-ланием догнать и одолеть это прославленное чудовище и с вожделением глядели на белоснежную тушу устрашающей красоты, сиявшую в лучах восходящего солнца, словно живой опал в прекрасной оправе утренней морской голубизны.

Да, странная судьба была назначена героям этой драмы. Стилкилт был загребным в вельботе

старшего помощника. Он должен был следить за линем и по команде Рэдни травить линь или выбирать слабину. Стилкилт неистово греб и кричал от азарта, заглушая своим голосом восторженные крики других, и вскоре в Моби Дика вонзился гарпун, а Рэдни с острогой в руках вскочил на ноги.

Стилкилт торопливо выбирал линь, втягивал вельбот прямо в слепящую белую пену, сливавшуюся с белыми боками Моби Дика. Внезапно шлюпка остановилась, словно наскочила на подводную скалу, резко накренилась, и Рэдни вылетел на скользящую спину кашалота. Шлюпка сразу же выровнялась и была отброшена волной, а Рэдни упал в воду по другую сторону кита. Он барахтался в кипящей пене, и некоторое время сквозь завесу брызг было видно, как он пытается скрыться от глаз чудовища. Но Белый Кит яростно рванулся к нему, схватил его своими смертоносными челюстями, на мгновение поднял голову из воды, затем нырнул и скрылся в пучине.

Некоторое время Моби Дика не было видно, потом он всплыл в отдалении, и в его пасти можно было различить клочья красной шерстяной фуфайки Рэдни. Вельботы с «Таун-хо» снова помчались в погоню, но догнать Белого Кита не

могли и вскоре совсем потеряли его из виду.

Глава тридцать девятая
Гарпунный линь

Гарпунщик, потерявший свой гарпун, так же беспомощен, как стрелок из лука, растерявший все свои стрелы. Для того чтобы не рисковать своим оружием, гарпунщик прикрепил его к вельботу прочным тросом. Трос этот называется гарпунным линем и, в случае удачного броска, связывает охотников с их жертвой.

Раненый кит бешено мчится, увлекая за собой вельбот с китобоями. Когда изнемогающее от боли и утомления животное начинает терять силы, охотники, выбирая линь, приближаются к своей жертве и наносят ей решающий удар острогой.

В длину линь, предназначенный для охоты на кашалотов, имеет около двухсот морских саженей. Толщина его — всего лишь две трети дюйма, однако он может выдержать нагрузку, примерно равную трем тоннам.

Помещается линь на корме вельбота, в специальной деревянной кадке, куда его укладывают тугой и плотной спи-ралью. Любой самый крошечный узелок или случайная петелька на

раскручивающемся лине может привести к тому, что кто-нибудь из членов экипажа лишится ноги или руки. Поэтому укладка линя выполняется с величайшей тщательностью. Иной гарпунщик не жалеет для этого дела всего утра, подвешивая линь высоко над палубой и спуская его в кадку через блок, дабы предотвратить всякую возможность порчи или скручивания троса. И когда, наконец, снаряженную кадку устанавливают на вельботе и покрывают сверху куском крашеного брезента, то вид у нее такой свежий и праздничный, будто это свадебный пирог, приготовленный моряками в подарок кашалоту.

Оба конца линя выпускают из кадки наружу. Нижний конец поднимается со дна вдоль стенки и свободно свешивается через край кадки. А верхний конец, к которому привязан гарпун, заводят за лагрет на корме и между двумя рядами гребцов протягивают на нос; здесь небольшим фестоном он свисает над водой, затем несколькими петлями его укладывают на носу, а остаток протягивают вдоль борта к корме, опять-таки между гребцами, причем гребцы даже задевают его руками и рукоятками весел. Короче говоря, гарпунный линь оплетает лодку во всех направлениях, и ни один гребец не может избежать его

рискованных объятий.

Казалось бы, кто усидит спокойно среди путаницы этих смертельных извивов, готовых в любой, никому неведомый миг — в тот миг, когда будет заброшен гарпун — мгновенно ожить, словно полчища свившихся молний? Но привычка — удивительная вещь! Чего только не сделает привычка! И за своим обеденным столом вы не услышите таких находчивых ответов, таких великолепных острот, такого искреннего смеха, как в вельботе, преследующем кита, где шесть человек, как бы связанные одной веревкой, как бы стянутые одной петлей, несутся прямо смерти в глотку.

А впрочем, кто из нас не рожден с петлей на шее? Но если ты философ, то и в мчащемся по волнам вельботе, опутанном смертоносным тросом, ты испытаешь не больше страха, чем сидя вечерком у домашнего камелька, где возле тебя не убийственный гарпун, а всего лишь мирная кочерга.

Глава сороковая
Спрут

От островов Крозе мы повернули на северо-восток и вскоре очутились среди обширных лугов планктона — мелких плавучих водорослей, составляющих основную пищу гренландского кита.

Гренландские, или, как их еще называют, обыкновенные киты не представляли соблазна для «Пекода»: мы охотились только на кашалотов, ибо только в теле кашалота имеется ценнейшее вещество — спермацет. Поэтому мы спокойно рассматривали черные туши, не-торопливо проплывавшие за бортом. Они паслись здесь, как коровы на пастбище, всасывая вместе с водой желтоватый планктон.

Громадные поля планктона колыхались на волнах, словно поля золотистой пшеницы. Несколько дней мы медленно пробирались через эти океанские пастбища, держа курс к острову Ява. Легкий бриз гнал нас вперед, и три высокие мачты «Пекода» мирно покачивались над лугами планктона, словно три стройные пальмы посреди

желтой пустыни.

И по-прежнему, время от времени, в лунные ночи, на серебристом горизонте появлялся и звал за собой одинокий фонтан.

Но однажды ясным синим утром, когда почти сверхъестественная тишина разлилась над водой, когда длинный сверкающий на волне солнечный луч казался золотым пальцем, сомкнувшим уста океана, дабы хранить его тайну, а скользящие волны тихо шептались о чем-то, в этом мертвенном покое чернокожий Дэггу, стоявший дозорным на мачте, заметил в море странное зрелище.

Громадная белая масса поднялась на поверхности океана и, всплывая все выше и выше, раздуваясь на лазурных волнах, сверкала, как спустившийся с гор ледник. Так продолжалось минуту, не больше, затем белый призрак стал также медленно погружаться в воду и вскоре исчез, чтобы через минуту или две снова начать свое медлительное сверкающее появление.

Дэггу пристально всматривался в видение. Вот оно исчезло, вот снова стало вспухать над водой. И тогда пронзи-тельный крик черного гарпунщика мгновенно поднял на ноги всю команду:

— Вон! Вот он! Всплывает! Смотрите! Белый Кит! Белый Кит!

Матросы ринулись к реям и повисли на них, всматриваясь в синюю даль. Освещенный лучами яркого солнца, Ахав с непокрытой головой стоял у бушприта, и его неистовый взгляд тоже был устремлен туда, куда указывала рука застывшего на месте Дэггу.

То ли серебристый фонтан, манивший за собой в лунные ночи, так повлиял на Ахава, что теперь он во всякое мгновение был готов к встрече с Моби Диком, то ли собственное нетерпение обмануло его, но едва лишь белоснежная масса снова стала вспухать над водой, как Ахав приказал спускать вельботы.

Четыре шлюпки устремились к добыче. На передней шел сам Ахав. Между тем призрак снова опустился под воду. Мы осушили весла и стали ждать его появления. И он не обманул нас, он появился на том же самом месте, и, забыв о Моби Дике, мы замерли в своих неподвижных лодках, пораженные удивительнейшим зрелищем, которое когда-либо открывал океан людям. Перед нами появилась огромная бесформенная масса, мерцавшая розоватыми переливами; бесчисленные длинные щупальца отходили от нее во все стороны, непрестанно извиваясь и скручиваясь, точно змеи; они слепо шарили по воде, готовые

схватить каждую злополучную рыбешку, которая окажется поблизости. Ни начала у нее не было, ни конца, ни верха, ни низа, ни переда, ни зада, никаких признаков чувств или инстинктов, словно это сама жизнь, бесформенная, бессмысленная, бесчувственная покачивалась на поверхности океана.

Когда с негромким, хлюпающим звуком чудовище снова погрузилось в пучину, Старбек, не отводя глаз от кипящего водоворота, воскликнул:

— Уж лучше бы мне встретиться с Моби Диком, чем увидеть тебя, проклятый призрак!

— Что это было, сэр? — спросил Фласк.

— Спрут. Гигантский спрут. Не многим, видевшим его, довелось вернуться домой и рассказать об этой встрече.

Ахав не вымолвил ни слова. Он повел свой вельбот обратно к кораблю; остальные молча последовали за ним.

Суеверные китоловы всегда окрашивают встречу с этим морским чудовищем в самые зловещие тона. Моряки считают спрута величайшим из обитателей океана, но он так редко всплывает из глубин на поверхность, что об его природе и внешнем облике существуют самые смутные

представле
ния. И все же его считают единственной пищей кашалота. Ведь в то время как все другие породы китов кормятся на поверхности моря, предоставляя человеку возможность на-блюдать за тем, как они едят, только кашалот, или, как его иной раз называют, спермацетовый кит, добывает себе про-питание где-то в неизведанных глубинах океана, так что китоловам приходится лишь догадываться, из чего это питание состоит. Между тем настигаемый охотниками кашалот не-редко изрыгает из пасти нечто, похожее по виду на куски щупальцев спрута, иные из которых достигают двадцати — тридцати футов в длину. Предполагается, что чудище, кото-рому эти щупальца принадлежали, цеплялось ими за дно, а кашалот, в отличие от всех своих собратьев, для того и снабжен зубами, чтобы отдирать добычу от дна.

Глава сорок первая
Стабб убивает кашалота

Если для Старбека появление спрута было зловещим предзнаменованием, то Квикег придавал этой встрече совсем иное значение.

— Когда твоя увидела спрут, — сказал он, проводя оселком по лезвию своего гарпуна, — тогда скоро жди кашалота.

Следующий день был особенно тихим и душным, и матросы лениво валялись на палубе, борясь с дремотой, навеваемой знойной морской пустыней. Ту часть Индийского океана, которую мы теперь проходили, китоловы справедливо считают наиболее унылой и скучной, потому что здесь куда реже, чем в других местах, можно встретить кувыркающихся дельфинов, летающих рыб и других жизнерадостных обитателей моря.

Я стоял на верхушке фок-мачты, прислонившись спиной к провисшим вантам; стоял, полусонный и беспомощный, перед властной дремотой, праздно раскачиваясь вместе с мачтой над океаном. Сон все больше и больше овладевал

мной. Я еще успел заметить, что двое других дозорных — на гроте и бизани — уже мирно спят, и в следующую минуту мы все трое безжизненно раскачивались иад палубой, а внизу, под нами, сладко похрапывал, клюя носом над румпелем, рулевой. И не только на палубе все спали, но и за бортом; сами волны, казалось, сонливо кивали праздными гребешками, и сонный восток, склонившись над застывшим океаном, опустил голову на плечо запада, и сладко дремало повисшее над ними солнце.

Но вдруг словно пузырьки всплыли перед моими опу-щенными веками; руки судорожно стиснули поручни, и ка-кая-то неведомая милосердная сила спасла меня от падения вниз. Я вздрогнул и вернулся к жизни. И сразу же увидел: меньше чем в сорока саженях от подветренного борта, свер-кая широкой, точно днище перевернутого фрегата, лосня-щейся черной спиной, плыл громадный кашалот. Он лениво развалился на воде, неторопливо пуская фонтаны, и больше всего походил на дородного лежебоку, покуривающего трубочку после обеда. Но увы, мой бедный лежебока! Эта трубочка будет последней, которую тебе суждено выкурить! Словно по взмаху волшебного жезла, уснувший корабль пробудился.

— Готовь вельботы! — приказал Ахав.

Неожиданный шум на корабле, очевидно, встревожил кита, и раньше, чем вельботы были спущены на воду, он величе-ственно развернулся и неторопливо поплыл прочь, держась с достоинством, будто он вовсе нас не заметил. И все же капитан Ахав приказал разговаривать шепотом и грести с осторожностью. Тихо, но энергично работали мы короткими гребками — легкий ветерок был слишком слаб, чтобы напол-нить паруса — и наши вельботы скользили по воде бесшумно, как привидения. Но вдруг чудовище взмахнуло гигантским хвостом, и, словно утес, проглоченный землетрясением, кашалот исчез в пучине океана.

Стабб не спеша достал трубку и, чиркнув спичкой о шер-шавую ладонь, принялся раскуривать свою носогрейку, ожидая новой встречи с противником. И тот не заставил себя долго ждать. Всплыв на поверхность, он оказался прямо перед дымящейся трубкой, предоставив курильщику счастливую возможность стать героем сражения.

— Гони его, гони, ребятушки! — закричал Стабб, и слова из его глотки вырывались вместе с табачным дымом. — Только не спешите, мальчики,

времени у нас вагон, но и не отста-вайте, крошечки мои, не отставайте… Вот так, вот так… Спокойнее, спокойнее, петочки… Но все-таки подстегните его как следует. А ну, Тэштиго, гребни-ка разок посильнее. Гони его, Тэш, сыночек мой, гони его в хвост и гриву! Под-нажмите все вместе, детки мои! Гоните его, гоните! Не дайте ему передохнуть, преследуйте его, как тысяча чертей! Вот так, так, мальчики, чтобы все мертвецы перевернулись в своих могилах. А ну, дружнее, еще дружнее, дьявол вас побери!..

— У-ух! Уа-уух! — заорал в ответ краснокожий Тэштиго, издавая древний боевой клич индейцев, и в неистовстве так рванул веслом, что все гребцы полетели со своих мест.

Его свирепые вопли сопровождались не менее дикими возгласами с других вельботов.

— Ки-ии! Ки-ии! — тянул Дэггу, раскачиваясь взад и вперед на своей банке, точно запертый в клетке тигр.

— Каа-ла! Каа-ла! — завывал Квикег, причмокивая губами, точно он высасывал кровь из куска свежего мяса.

Так, гонимые воплями и веслами, вельботы резали водную гладь, Стабб по-прежнему возглавлял погоню, подбадривая гребцов и не переставая

дымить своей трубкой. Надрываясь, из последних сил жали матросы на весла, пока, наконец, не раздался желанный приказ:

— Вставай, Тэштиго! Дай ему!

Тэштиго метнул гарпун.

Весла вспенили воду; в тот же миг что-то горячее со сви-стом заскользило по рукам и запястьям. Это был линь. Секундой раньше Стабб успел еще раз обвести его вокруг лаг- рета, и теперь над бешено крутящимися петлями поднимался голубой дымок, сливавшийся с табачным дымом Стаббовой трубки. Но прежде чем свиться кольцами вокруг лагрета, жгучий линь пробегал меж ладонями Стабба, ко^рый случайно обронил брезентовые рукавицы, и потому ладони его были обнажены, и горячий линь скользил меж ними точно остро отточенный клинок.

— Смочи линь, смочи его! — заорал Стабб гребцу, сидев-шему возле кадки, и тот, сорвав с головы шапку, зачерпнул ею воды из-за борта. Линь еще раз обернули вокруг лагрета и закрепили. Теперь вельбот мчался на буксире среди клокочущей пены, а Тэштиго и Стабб поменялись местами — Тэштиго прошел на корму, а Стабб на нос.

Туго натянутый над лодкой линь вибрировал словно струна. Теперь у шлюпки как бы два киля

— один резал воду, другой — воздух. Каскады брызг взлетали из-под носа, нескончаемый водоворот ревел за кормой, и стоило кому- нибудь из матросов пошевелить хотя бы мизинцем, как дрожащее, стонущее суденышко ложилось бортом на воду. Так мчались китоловы, вцепившись в банки, чтобы не оказаться за бортом. Казалось, что они пересекли уже всю Атлантику и весь Тихий океан, когда выбившийся из сил кит стал понемногу сбавлять скорость.

— Выбирай! Выбирай! — заорал Стабб, и все гребцы, повернувшись лицом к носу лодки и ухватившись за линь, стали подтягивать к киту все еще стремительно мчащийся вельбот. Скоро они поравнялись с чудовищем, и Стабб, покрепче упершись коленом в брус, прикрепленный на носу лодки, принялся наносить кашалоту удары острогой.

Стремительные, как горные речки, потоки крови стекали с боков гигантской туши. Раненый кашалот плыл теперь не среди морских волн, а среди собственной крови, которая бурлила и пенилась вокруг него. Уходящее солнце играло на поверхности багровых волн, бросая кровавый отсвет на лица матросов. А возбужденный охотой Стабб, неистово дымя своей трубкой, снова и

снова вытаскивал на борт острогу, выпрямлял ее, постукивая лезвием о борт, и заново пускал в ход.

— Подгребай! Подгребай! — кричал он, когда ярость умирающего кашалота стала ослабевать. — Подгребай ближе! — и вельбот подошел вплотную к своей измученной жертве. Тогда, перегнувшись за борт, Стабб медленно погрузил длинное лезвие остроги в тело кита и принялся постепенно загонять его все глубже и осторожно поворачивать в разные стороны, будто нащупывая проглоченные чудовищем золотые часы, которые он опасался разбить прежде, чем они будут извлечены на поверхность. Но этими золотыми часами была сама жизнь морского исполина. И Стабб добрался до нее! Выйдя из предсмертного оцепенения, кашалот вдруг стал неистово биться, взбивая кровавую пену и окружив себя непроницаемой стеной кипящих брызг. Едва избежав гибели, лодка вслепую выбралась из этих клокочущих кровавых сумерек на свет божий.

Но вот буря, поднятая умирающим, улеглась. Бока его медленно вздымались и опадали, дыхало прерывисто сужалось и расширялось, и вдруг фонтан густой багровой крови взметнулся высоко

в настороженно-притаившийся воздух, и, падая вниз, кровь заструилась по неподвижному телу.

— Он умер, мистер Стабб, — сказал Дэггу.

— Да, обе трубки догорели до дна, — согласился Стабб и, вынув изо рта свою трубку, выбил из нее пепел и минуту стоял неподвижно, устремив взгляд на свою добычу, которая безжизненно колыхалась на воде.

Глава сорок вторая
По поводу метания гарпуна

Несколько слов об эпизоде, упомянутом в предыдущей главе.

Согласно установившемуся обычаю, на корме отвалившего от судна вельбота в качестве временного рулевого сидит его командир, впо-следствии поражающий кита острогой, а гарпунщик, берущий кита на линь, размещается на противоположном конце шлюпки, то есть на носу, и работает передним веслом, которое и называется гарпунерским.

Для того чтобы вонзить гарпун в тело кита, нужна рука сильная и твердая. Между тем гарпунщику, какой бы долгой и изнурительной ни была погоня, приходится вовсю налегать на свое весло, чтобы подать остальным матросам пример сверхчеловеческой энергии, к тому же издавая при этом неустрашимые громогласные возгласы, — а каково орать во все горло в то время, когда тело напряжено, а мышцы чуть ли не лопаются от натуги, — может представить себе лишь тот, кто сам хоть раз проделывал это. Я, например, не

в состоянии усердно вопить и отважно трудиться в одно и то же время.

И вот, среди хрипа и воплей, изнуренный гарпунщик, сидящий спиной к движению, вдруг слышит взволнованный крик: «Встань и дай ему!» Теперь он должен поднять из воды свое весло, закрепить его, затем обернуться, достать из развилки гарпун, и, собрав остаток сил, стоя метнуть его в кита. Не удивительно, что из пятидесяти заброшенных гарпунов едва ли пять успешно достигают цели; не удивительно, что на головы незадачливых гарпунщиков так часто обрушиваются проклятия и ругань; не удивительно, что порой у гарпунщика в лодке лопаются кровеносные сосуды; не удиви-тельно, что иной китобоец, проплавав четыре года, возвращается в порт, не добыв и четырех бочек жира; не удивительно, что многие судовладельцы считают китобойный промысел убыточным делом — ведь успех всего плавания зависит от гарпунщика, а измотав его за время погони до полного изнеможения, разумно ли ждать, что в решающий миг у него хватит сил?

Так вот я утверждаю, что не после тяжких трудов должен гарпунщик браться за оружие, а после полного отдыха — тогда и работа его будет

успешной.

Глава сорок третья
Ужин Стабба и проповедь кока

Своего кита Стабб убил довольно далеко от корабля. Был штиль; впрягшись цугом, три вельбота медленно потащили добычу к «Пекоду». И вот несколько часов мы, восемнадцать мужчин, своими тридцатью шестью руками и ста восемьюдесятью пальцами, медленно, с тяжким усилием волочили тяжелую тушу по морю, а она, казалось, вовсе не двигалась, так была огромна и тяжела. На великом канале Хэнь-Хо, или как там его называют, четверо или пятеро китайцев тянут бечевой тяжело груженную джонку со скоростью мили в час, а мы свою гигантскую баржу тащили втрое медленнее, словно она была доверху загружена свинцовыми чушками.

Стемнело, но фонари на грот-мачте «Пекода» указывали нам путь. Подойдя ближе, мы увидели Ахава с фонарем в руке. Равнодушно поглядев на китовую тушу, он отдал несколько обычных распоряжений, затем передал фонарь одному из матросов и спустился в свою каюту, откуда больше не появлялся до утра.

Хотя во время охоты капитан Ахав выказал свойственную ему энергию, но теперь, увидев добычу, он почувствовал ка-кое-то смутное недовольство, будто эта безжизненная туша напомнила ему о том, что Моби Дик еще жив и разгуливает на свободе и что даже тысячи убитых китов ни на йоту не приблизят ту минуту, когда свершится его великая, безумная цель.

Скоро по звукам, раздавшимся на палубе «Пекода», можно было подумать, что команда готовится бросить якорь прямо посреди океана: тяжелые цепи с лязгом и грохотом тащили по палубе и спускали за борт. Но бряцающие эти узы готовились не для корабля, а для гигантской туши. Пришвартованная головой к корме, а хвостом к носу корабля, она покачивалась рядом с «Пекодом», и в ночной мгле и судно и мертвый кит походила на двух громадных волов под общим ярмом, один из которых лег, а другой еще стоит.

В то время как мрачный Ахав сохранял (по крайней мере, пока был на палубе) абсолютное спокойствие, воодушевленный победой Стабб проявлял признаки несвойственного ему возбуждения, впрочем вполне веселого и добро-душного. Он так непривычно суетился, что уравновешенный Старбек, его непосредственный начальник,

молча уступил ему на время свои права, предоставив в одиночку заправлять всеми делами. Вскоре обнаружилось еще одно дополнительное обстоятельство, приведшее Стабба в столь редкостное состояние: он был большим любителем поесть, и оказалось, что для него нет вкуснее блюда, чем бифштекс из китового мяса.

— Я не лягу спать, пока не съем бифштекса, — сказал он. — Эй, Дэггу, лезь за борт и вырежь мне славный кусок из филейной части!

Здесь уместно заметить, что среди жителей Нантакета можно встретить немало почитателей упомянутой Стаббом части китовой туши — то есть сужающейся ее оконечности, переходящей в хвост.

К полуночи бифштекс был вырезан и зажарен, и при свете двух спермацетовых фонарей Стабб решительно приступил к своему ужину, стоя у шпиля, точно у буфетной стойки. Но нельзя сказать, что он ужинал в одиночестве. Тысячи акул, кружась вокруг мертвого исполина, пировали в этот час вместе со Стаббом, жадно вгрызаясь в жирную тушу. Спящие в кубрике матросы вздрагивали от каждого удара акульего хвоста, нанесенного по корпусу всего в нескольких дюймах от сердца спящего.

Хотя среди ужасов морского сражения акулы всегда тут как тут, и точно голодные псы вокруг стола, на котором режут сырое мясо, со страстной жадностью взирают на палубы, готовые разорвать любого человека, упавшего или брошенного за борт, все же нет случая, когда акулы собрались бы в столь бесчисленном количестве и в столь славном рас-положении духа, как вокруг мертвого кашалота, пришвартованного к китобойцу посреди ночного океана.

Но Стабб пока что не обращал внимания на чавканье пирующих вместе с ним акул, как они не обращали внимания на причмокивание его лоснившихся от жира губ.

— Эй, кок! Кок! Где ты там, Баранья Плешь? — вдруг за-кричал он, пошире расставляя ноги как бы для того, чтобы создать своему ужину более прочную основу, и одновременно вонзая вилку в бифштекс, словно острогу в кита. — Кок! Эй, кок! Плыви сюда.

Старый негр, не слишком ликуя по поводу того, что его подняли с теплой постели в столь неурочное время суток, тяжело ковыляя, тащился с камбуза. У него было что-то неладно с коленными чашечками, которые ему не удавалось содержать в таком же блестящем состоянии, как всю осталь-

ную посуду на корабле. Баранья Плешь, как все его называли, шаркал и волочил ноги, опираясь на кочергу, и, дохромав до шпиля, остановился по другую сторону Стаббовой стойки, опершись о свою печную трость, согнув старческую поясницу и выставив вперед то ухо, которым он слышал лучше.

— Кок! — сказал Стабб, поддев на вилку и проглотив кусок красноватого мяса, — тебе не кажется, Баранья Плешь, что этот бифштекс пережарен, а? И ты слишком долго бил его, он стал чересчур мягким. Разве я не говорил тебе, что китовый бифштекс должен быть жестким и сыроватым? Вон там за бортом акулы, разве они едят мягкое и пережаренное мясо? Ну, и скандалят же они там! Пойди-ка, поговори с ни- ни, Баранья Плешь, скажи, что никто не помешает им пировать, если только они будут вести себя потише, а то, черт меня побери, даже собственного голоса не услышать. Поди, Баранья Плешь, передай им мои слова. Возьми фонарь и отправляйся. Прочти-ка им проповедь.

Мрачно взяв фонарь, старый негр заковылял к борту. Там он опустил фонарь к воде, как бы для того, чтобы хорошенько разглядеть свою паству, и, перегнувшись через борт, зашамкал, обра-

щаясь к акулам, меж тем как Стабб незаметно подкрался к нему сзади.

— Шлюшайте, братцы, миштер Штабб прикажал, чтоб вы прекратили этот шертов шум. Шлышите? Вы што, с ума шошли? Перештаньте чавкать, шертовы дети! Можете набить швое брюхо хоть по шамые иллюминаторы, но только, шерт ваш вожми, прекратите эту швалку.

— Ну, какой ты проповедник? — Стабб хлопнул кока по плечу. — Какого дьявола ты все чертыхаешься и чертыхаешься, черт тебя побери? Разве так произносят проповеди!

— Ну так проповедуйте шами, шэр, — ответил кок и хотел отойти от борта.

— Нет, нет, Баранья Плешь, давай дальше.

— Итак, вожлюбленные братья…

— Вот, вот, — одобрил Стабб, — проповедовать надо ласково, убедительно, — может, тогда подействует.

Кок продолжал:

— Хоть вы ошень прошорливы, но я шкажу вам, братья мои, што это обшорство, эта шадношть… А ну, коншайте хлопать хвоштами! Кому говорю? Да разве што-нибудь ушлышишь в таком шертовом шуме?

— Кок! — вскричал Стабб, хватая его за шиво-

рот. — Кон-чай чертыхаться! Говори с ними как джентльмен.

Проповедь продолжалась:

— Жа ваше обжорштво я, братья мои, ваш не ошень виню— это вина природы и тут уж нишего не поделаешь. Но природу надо шебе подшинять — вот в шем шоль! Конешно, вы акулы; но ешли вы вожмете шебя в руки, то иж акул вы жделаетесь ангелами, ибо вше ангелы ни што иное, как акулы, вжавшие шебя в руки. Так поштарайтесь же, братья мои, вешти шебя прилично и не шпеша угощайтесь этим китом, не вырывайте кушки ижо рта швоего ближнего…

— Славно сказано, Баранья Плешь! — вскричал Стабб. — Вот это по-христиански! Давай дальше.

— Нет шмышла говорить дальше, миштер Штабб, — ответил ему кок. — Эти проклятые жлодеи вше равно рвут кушки друг у друга. Они не ушлышат ни шлова, пока не набьют шебе брюхо, а брюхо у них бездонное, миштер Штабб, а когда они набьют брюхо, то вше равно не штанут шлушать, потому что тогда они опуштятся на дно и там жашнут.

— Ей-богу, Баранья Плешь, я того же мнения. Так что переходи к благословению и вернемся к моему ужину.

Тогда кок простер руки над сборищем рыб и пронзительным голосом закричал:

— Проклятые братья! Шкандальте, как можете, вовеки веков! Набивайте швои вонючие желудки, пока не лопнете ко вшем шертям!

— А теперь, кок, — сказал Стабб, возобновляя свою трапезу у шпиля, — стань там, где ты стоял раньше, вон там, против меня, и слушай меня внимательно.

— Шлюшаю, — согласился Баранья Плешь и встал против Стабба, опираясь на кочергу.

— Так вот, — произнес Стабб, небрежно орудуя вил-кой, — теперь я намерен вернуться к вопросу о бифштексе. Прежде всего, сколько тебе лет?

— Какое кашательство это имеет к бифштексу? — раздраженно отозвался старик.

— Молчать! Сколько, спрашиваю, тебе лет?

— Говорят, что под девяношто, — мрачно прошамкал тот.

— И столько прожив на свете, ты не научился жарить ки-товый бифштекс? — воскликнул Стабб, пережевывая мясо.

— Шерт меня вожьми, ешли я буду еще вам штряпать, — сердито проворчал кок, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Вернись, Баранья Плешь, вернись назад. По-

пробуй сам этот бифштекс и скажи мне, можно ли его есть? — и он с удовольствием проглотил мясо.

Негр взял кусок бифштекса и, едва слышно прочмокав морщинистыми губами, пробурчал:

— Шамый хороший бифштекс, какой мне шлушалось попробовать. Шочный, вкушный.

— Кок! — произнес Стабб, — ты в церковь ходишь?

— Проходил мимо однашды.

— Как? Ты проходил вблизи святой церкви и после этого осмеливаешься так жутко врать! Куда ты думаешь попасть, кок?

— В поштель, и пошкорее! — ответил тот.

— Нет, ты попадешь в ад, Баранья Плешь, — сказал Стабб, проглатывая остатки бифштекса. — Твой бифштекс был так плох, что я постарался уничтожить его как можно скорее. Ты меня слушаешь? Так вот, на будущее запомни, как надо готовить: ты берешь мясо в одну руку, а другой рукой издали показываешь ему раскаленный уголек; после этого кладешь бифштекс на тарелку и несешь его мне. Понял? А завтра, братец, когда мы станем разделывать тушу, не сочти трудом отрезать кончики грудных плавников — они очень вкусны в соленом виде. Что же касается

хвостовых плавников, то их концы следует замариновать. Все, можешь идти.

Но едва кок отошел на несколько шагов, как Стабб снова его окликнул:

— Постой! Вот еще что! На завтрак приготовь мне кито-вые биточки. Не забудешь? Ну, тогда плыви прочь! Хелло! Стоп! Надо кланяться, когда уходишь.

— Ох, лучше бы, шерт побери, кит приготовил иш тебя биточки, шертова акула! — бормотал себе под нос старик, ковыляя к своей койке.

Глава сорок четвертая
Избиение акул

Когда после долгой и утомительной охоты удается забить и пришвартовать к борту кашалота, то обычно не сразу приступают к разделке туши, ибо работа эта большая и трудная, а убирают паруса, кладут под ветер руль, и все до единого отправляются спать. За порядком следят только двое матросов, которые сменяются каждый час.

Но в экваториальных водах Тихого океана поступать так нельзя, потому что к убитому кашалоту со всех сторон сплываются такие полчища акул, что от кита за ночь остается один лишь скелет. Однако невероятную прожорливость акул можно несколько поунять, энергично орудуя в воде фленшерными лопатами, предназначенными для разделки туши. Впрочем, эта процедура иногда не только не унимает акул, но придает им еще больше нахальства. Однако в нашем случае этого не произошло, хотя акул за бортом было такое множество, что океан вокруг «Пекода» был похож на громадный кусок гнилого сыра, в котором кишат извивающиеся черви.

Закончив ужин, Стабб назначил Квикега с одним из матросов в первую вахту. Подвесив за бортом разделочные люльки и пристроив над водой три фонаря, бросавшие длинные лучи света на помутневшие волны, вахтенные принялись фленшерными лопатами убивать акул, направо и налево на-нося сильные удары по их черепам (единственное уязвимое

место акулы). Грабители пришли в немалое возбуждение. Но в пенном клокочущем хаосе, в этом клубке хищников, похожем на клубок змей, охотникам не всегда удавалось попасть в цель, и тогда обнаруживалась вся невероятная кровожадность этих тварей. Злобно щелкая челюстями, они не только набрасывались на выпавшие внутренности раненых сородичей, но даже, изогнувшись наподобие лука, пожирали и свои собственные потроха, так что одна и та же акула могла по нескольку раз проглатывать свои кишки, которые тут же снова вываливались из зияющей раны. Но и это было еще не все. Опасность представляли собой даже трупы этих обжор, будто какая-то скрытая жизненная сила оставалась в костях хищника даже после того, как жизнь самой акулы давно уже покинула ее. Одна из этих тварей, которую убили и вытащили

на палубу, чтобы содрать с нее шкуру, едва не оторвала руку бедняге Квикегу, когда он пытался захлопнуть мертвую крышку ее убийственной челюсти.

— Какая бог творил акулу? — воскликнул дикарь, тряся рукой и морщась от боли. — Эта была скверная бог, проклятая бог, такая бог надо тоже убить.

Глава сорок пятая
Разделка туши

На следующее утро на свет появились громадные разделочные тали, среди которых бросалась в глаза связка выкрашенных в зеленый цвет блоков, таких тяжелых, что поднять их одному человеку было не под силу. Эта виноградная гроздь была подтянута под трос грот- мачты и прочно закреплена у грот-марса, в самом надежном месте над палубой. Затем стальной трос, пропущенный через зеленые лабиринты блоков, был подведен к лебедке, а еще один громадный блок закачался прямо над тушей. К нему был подвешен массивный гак — крюк, весом, наверное, этак фунтов в сто.

И вот, повиснув на люльках за бортом, Старбек и Стабб, вооружившись длинными фленшерными лопатами, принялись вырубать в китовой туше здоровенную дыру, чтобы было за что зацепить гак. После того как дыра была вырублена, вокруг нее широким полукругом проделали канавку. Гак зацепил тушу, матросы, столпившиеся на палубе, с дружной песней налегли на руко-

ятки лебедки. Корабль начал крениться набок, каждый гвоздь в его корпусе ожил, а все судно за-трепетало, кивая небу перепуганными мачтами. Все больше и больше наклонялся корабль к кашалоту, пока не раздался резкий треск, будто разорвалась материя, и с громким плеском корабль выпрямился, отшатнувшись от туши. Из-за борта показался победительный крюк, волочивший за собой ленту китового сала.

Надо сказать, что у кита нет кожи, а заменяет ее сало, которое заключает в себе кашалота точно так же, как кожура заключает в себе апельсин. Поэтому и сдирают сало с кита спиралью, как корку с апельсина, одной непрерывной полосой, отчего туша медленно вращается, будто разматывается в воде.

Подхваченная крюком полоса сала подтягивается все выше, и выше, пока верхний ее конец не коснется верхушки грот-мачты, и оттуда, с этой поднебесной высоты, эта чудовищно кровоточащая лента опускается через главный люк в просторное помещение, которое называется ворванной камерой. Там эта лента укладывается кольцами, как змея. А на палубе кипит работа: крутится лебедка, звенят натянутые тросы, корпус корабля трещит от натуги, и в воде все

разматывается и разматывается гигантская туша кашалота.

Глава сорок шестая
Похороны

— Отдать цепи! Освободить тушу!

Огромные тали сделали свое дело. Ободранная белая туша обезглавленного кита мерцает в воде, точно мраморная гробница. Хотя с нее и снят весь слой жира, она все еще кажется громадной. Все дальше и дальше относит ее от «Пекода». Вода вокруг нее бурлит и пенится от ненасытных акул, а воздух темнеет от крыльев прожорливых птиц, чьи клювы впиваются в мертвого кашалота, точно бесчисленные кинжалы. Огромный белый обезглавленный призрак покачивается в волнах, и с каждой минутой в воде прибавляется акул, а в воздухе — птиц. И все нарастает их убийственное неистовство.

Еще много часов видна с палубы «Пекода» эта отвратительная картина. Под мирной лазурью безоблачного неба, в прекрасном лоне океана, овеваемая веселым ветерком, все дальше и дальше плывет громадная масса смерти, пока не затеряется в безбрежном просторе.

Глава сорок седьмая
Архангел Гавриил с «Иеровоама»

Штиль сменился ветром, и почти сразу же на горизонте появился корабль. Он шел под всеми парусами. В подзорную трубу можно было разглядеть вельботы на его палубе и дозорных на мачтах. Это был китобоец «Иеровоам» из Нантакета.

Приблизившись к «Пекоду», корабль замедлил ход и спустил шлюпку. Она быстро шла к нам по крутой волне, но, когда Старбек приказал приготовить штормтрап, чтобы прибывший с визитом капитан «Иеровоама» мог подняться на борт, тот замахал из шлюпки рукой, давая понять, что трап не потребуется. Оказалось, что на борту «Иеровоама» свирепствует какая-то эпидемия и капитан китобойца мистер Мэйхью опасается занести заразу на «Пекод», хотя сам он и вся команда его шлюпки пока еще здоровы.

Однако это не помешало нашему общению. Умело работая веслами, гребцы с «Иеровоама» держали шлюпку в нескольких футах от нашего борта, и когда набежавшей волной ее выносило

вперед, они двумя-тремя искусными гребками мгновенно возвращали ее на место. Маневры эти неоднократно прерывали беседу двух капитанов, но было одно обстоятельство, мешавшее этой беседе еще больше.

В шлюпке находился матрос, который своей необычной

внешностью выделялся даже среди китобоев, а уж они-то все как один фигуры исключительно своеобразные. Это был невысокий и тщедушный, довольно молодой человек с веснушками на лице и густой шапкой нечесаных русых волос. Он был облачен в длиннополый сюртук. В глазах его неугасимым огнем пылало безумие.

Как только на «Пекоде» его разглядели, Стабб воскликнул:

— Это он! Тот самый долгополый шут. Мне рассказывали о нем матросы с «Таун-хо».

И Стабб вспомнил странную историю, которую он услышал на «Таун-хо», когда был там в гостях во время встречи в океане.

Вот эта история:

Нечесаный молодчик, сидевший рядом с капитаном «Иеровоама», был воспитан сектой трясунов, среди которых считался кем-то вроде пророка, так как не раз дурачил их, спускаясь

на их тайные собрания прямо с небес, правда, при помощи чердачной лестницы. Однажды он приехал в Нантакет, где с хитростью, нередко свойственной безумцам, прикинулся вполне здоровым человеком и нанялся матросом на «Иеровоам», уходивший в китобойный рейс. Его безумие обнаружилось, как только судно вышло в море и берега исчезли из виду. Он объявил команде, что он — архангел Гавриил, наместник бога в Океании и единственный властитель всех островов. Великая серьезность, с коей он все это утверждал, отчаянная игра его незасыпающей фантазии, пугающие знаки глубокого безумия — все это в глазах невежественных и суеверных моряков делало сумасшедшего почти святым. Его боялись и почитали. Толку от него на корабле было немного, работать он соглашался лишь тогда, когда ему самому вздумается, и капитан, нисколько ему не веривший, рад был бы избавиться от пророка.

Но безумец, проведавший о том, что его собираются высадить в ближайшем порту, провозгласил, что если капитан выполнит свое намерение, то он, архангел Гавриил, наместник бога и властитель всех островов, проклянет корабль со всей командой и обречет его на страшную гибель в

океанской пучине. На матросов эта угроза произвела такое впечатление, что они всем миром отправились на шканцы и заявили капитану, что если он высадит архангела

Гавриила, то ни один матрос не останется на борту «Иеровоама».

Что бы ни вытворял теперь безумец, все сходило ему с рук. Он ни в грош не ставил ни капитана, ни его помощников, а когда на судне разразилась эпидемия, заявил, что только он один может ее прекратить, если, конечно, вся команда будет ему беспрекословно подчиняться.

Матросы, люди большей частью недалекие, раболепство-вали перед ним и воздавали ему почести, как истинному божеству.

Вся эта чудовищная история может показаться невероятной, и тем не менее она истинна. Просто поразительно, до какой степени фанатику и безумцу удается иной раз одурачить такое множество людей. Но вернемся к разговору двух капитанов.

— Я не боюсь эпидемии, мой друг, — сказал капитан Ахав капитану Мэхью, стоявшему на корме своей шлюпки. — Подымитесь на палубу.

Но не успел Мэхью ответить, как длиннополый безумец, вскочив на ноги, закричал Ахаву:

— Одумайся! Берегись желтой лихорадки и черной чумы!

— Постой, архангел, — робко обратился к нему капитан Мэхью, — я хочу сказать, что…

Но в этот момент волна подняла шлюпку и бросила ее далеко вперед, заглушив шипением пены слова капитана.

— Не встречался ли вам Белый Кит? — спросил Ахав, когда шлюпка вернулась на место.

Не успел Мэхью ответить, как его вновь перебил сума-сшедший:

— Подумай, подумай о своей жизни! Берегись ужасного хвоста!

— Я прошу тебя, архангел, чтобы ты… — начал было Мэхью, но снова шлюпку бросило вперед и, пока гребцы возвращали ее на прежнее расстояние, его слов не было слышно.

Все же капитану Мэхью удалось, хотя и с немалыми трудностями из-за волн и архангела Гавриила, поведать Ахаву зловещую историю своей встречи с Моби Диком.

Оказалось, что о существовании Моби Дика команда

«Иеровоама» узнала только в море, повстречав другое китобойное судно. Выслушав рассказ моряков, длиннополый безумец торжественно

предостерег капитана Мэхью от схватки с Белым Китом, уверяя, что этот легендарный кит — не более, не менее, как воплощение божества, которому поклоняется секта трясунов. Однако год или два спустя до-зорные «Иеровоама» заметили в море Моби Дика, и старший помощник капитана мистер Мэйси загорелся желанием сразиться с этим чудовищем. Несмотря на угрозы сума-сшедшего, капитан не стал возражать против этой охоты; и Мэйси, уговорив еще пятерых матросов, сел с ними в вельбот и отвалил от борта. После изнурительной погони ему удалось взять кашалота на линь, и вот уже, стоя на носу вельбота, Мэйси приготовился вонзить в него острогу. Но в эту минуту безумец, взобравшись на самую верхушку грот-мачты, завопил во весь голос, посылая проклятия тому нечестивцу, который вонзит острогу в его божество. Мэйси уже занес острогу, когда огромное чудовище внезапно поднялось из воды, и несчастный офицер, полный жизни и охотничьего азарта, был подброшен высоко в воздух и, описав немалую дугу, погрузился в пучину на расстоянии пятидесяти ярдов от своего вельбота. Ни единая щепка не откололась от лодки, не пострадал ни один матрос, только старший помощник капитана отважный Мэйси

навеки был погребен в океане.

С корабля отлично видели все, что произошло. Безумец, взобравшийся на мачту, пронзительными воплями заставил перепуганных матросов прекратить охоту и вернуться на корабль.

Эта прискорбная история еще больше укрепила власть сумасшедшего над экипажем «Иеровоама». Теперь матросам казалось, что он наделен пророческим даром и может предсказывать будущее, и хотя на самом деле его бредовые речи были туманны и бессмысленны, но что бы ни случалось на корабле, все толковалось так, будто было уже обещано Гавриилом.

Закончив свою повесть, капитан «Иеровоама» спросил, уж не намерен ли и Ахав, если ему случится встретить Моби Дика, вступить с ним в бой? Ахав ответил, что намерен. Тогда в шлюпке вновь взвился Гавриил и, вперив в старика безумный взор, неистово закричал, указывая пальцем в глубину океана:

— Подумай о нечестивце, который покоится там, на дне! Берегись его судьбы!

Ахав ничего не ответил ему, а обратился к Мэхью:

— Капитан, я вспомнил о нашей почте. Там, если не ошибаюсь, есть письмо для одного из

ваших офицеров. Старбек, поищи письмо.

Каждый китобоец, отправляясь в промысловый рейс, забирает с собой письма для других китобойцев, которые уже находятся в плавании. Будут ли доставлены эти письма, или нет, зависит от чистой случайности — то ли встретятся корабли в одном из четырех океанов, то ли пути их нигде не пересекутся.

Конечно, большая часть писем так и не доходит до адресатов, а если некоторые все же и достигают цели, то лишь через два, три, а то и четыре года после того, как были на-писаны.

Старбек вернулся с письмом. Оно было измято, отсырело, покрылось пятнами зеленой плесени. Если бы старуха-смерть стала почтальоном, то, наверное, она разносила бы только такие письма. Адрес на конверте почти стерся.

— Мистеру Хар… да, мистеру Харри… почерк будто женский — держу пари, что пишет супруга… — бормотал, разбирая адрес, Ахав. — Так, значит, мистеру Харри Мэй… си… Мэйси! Да он уж на дне, бедняга!

— Ну что ж, — вздохнув, сказал Мэхью, — давай его сюда.

Ахав взял из рук Старбека длинную рукоятку для флен- шерной лопаты, расщепил ножом ее

конец и сунул в щель письмо, чтобы передать его таким образом на шлюпку. Но безумный Гавриил закричал:

— Нет, нет! Оставь себе! Ты скоро встретишься с Мэйси. Сам передашь ему письмо на том свете.

— Чтоб ты подавился своими проклятиями! — взревел Ахав. — Капитан Мэхью, принимайте письмо!

Шлюпка приблизилась к борту «Пекода», и письмо, точно по волшебству, ткнулось прямо в жадные руки безумца. Он тотчас схватил его, поднял со дна вельбота большой нож и, наколов на лезвие письмо, бросил нож на палубу «Пекода».

В тот же миг гребцы взмахнули веслами, и шлюпка стремительно понеслась прочь.

Глава сорок восьмая
Презренная добыча и разговор двух командиров

Здесь необходимо сообщить, что еще до разделки китовой туши ее обезглавливают. Отделение головы кашалота — это, можно считать, анатомический подвиг, которым опытные китовые хирурги весьма гордятся — и не без основания.

Заметьте, что у кита нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало шею. Больше того: в том месте, где голова его соединяется с телом, он как раз толще всего. Не забывайте также и о том, что наш хирург вынужден оперировать своего больного, расположившись на высоте восьми или десяти футов от него в то время, как сам больной почти целиком упрятан под мутными волнами неспокойного, а часто даже весьма бурного моря. Учтите к тому же, что, работая в столь неблагоприятных условиях, он должен резать вслепую, и, погрузив лезвие в китовую плоть, не имея возможности хотя бы разок заглянуть в глубину разреза, который все время затягивается, искусно минуя прилежащие органы, отделить позвоноч-

ный столб кита в той самой критической точке, где он соединяется с черепом. Ну, так не достойна ли удивления Стаббова похвальба, будто он может обезглавить кашалота за десять минут?

Итак, грандиозная голова, составляющая чуть ли не треть всего объема чудовища, висит на талях за бортом «Пекода», наполовину погруженная в родную стихию. Оставим ее на время висеть там, ибо у нас накопилось достаточно других забот, и лучшее, что можно сделать сейчас для головы — это молить небо, чтобы выдержали тали.

За прошедшую ночь и половину следующего дня «Пе- код» постепенно отнесло в воды, где, судя по многочисленным желтым пятнам планктона, должны были водиться гренландские киты. И хотя к охоте на этих жалких тварей команда питала единодушное презрение, и к тому же «Пекод» вовсе не предназначался для такой охоты, и возле островов Крозе миновал множество гренландских китов, не спустив ни разу вельбота, все же теперь, когда был только что забит и обезглавлен кашалот, удивленной команде объявили, что в этот день, если представится возможность, будет предпринята охота на гренландского кита.

Ждать пришлось недолго. С подветренной стороны были замечены высокие фонтаны, и два

вельбота, Стабба и Фласка, пустились в погоню. Отгребая все дальше и дальше, они наконец исчезли из поля зрения мачтовых дозорных. Но вот вдалеке бурно вспенилось море, и скоро сверху на палубе было передано, что, по всей вероятности, один из вельботов загарпунил кита.

Прошло некоторое время, и на волнах снова появились оба вельбота, увлекаемые китом, мчащимся прямо к «Пе- коду». Чудовище неслось с такой скоростью, будто намеревалось протаранить обшивку корабля. Но, приблизившись к борту, оно вдруг исчезло из виду, словно нырнуло под киль. «Руби! Руби!» — закричали с палубы, потому что вельботы, казалось, вот-вот врежутся в борт. Но в бочонках было еще вдоволь линя, к тому же и кит погружался не слишком энергично, и, вытравив концы подлиннее, матросы принялись выгребать изо всех сил, стараясь обойти корабль с носа. В течение нескольких минут положение оставалось критическим, но вот судно вздрогнуло, стоявшие на палубе ощутили быстрый, как молния, толчок, и, царапнув днище, натянутый линь с гуденьем вылетел из воды перед носом «Пекода», рассыпая соленые брызги, сверкающие, точно осколки стекла. Кит всплыл и, волоча за собой вельботы, стал описывать широкие круги,

центром которых все время оставался «Пекод». Впрочем, измученное животное скоро замедлило ход, и вельботы все приближались к нему, пока, наконец, не подошли почти вплотную, и тогда Стабб и Фласк с обеих сторон заработали своими острогами. А полчища акул, прежде круживших возле мертвого кашалота, устремились на запах свежей крови.

Но вот кит выпустил последний фонтан темной крови, страшно дернулся и, перевернувшись на спину, испустил дух.

Пока команды обоих вельботов готовились к буксировке туши, между их командирами произошел такой разговор:

— Ума не приложу, для чего нашему старику понадобилась эта трухлятина, — сказал Стабб, исполнившись отвра-щения при мысли о том, что ему придется возиться с такой презренной добычей.

— Эта тухлятина? — отозвался Фласк. — А разве ты не слышал, что корабль, у которого хоть раз по правому борту висела голова кашалота, а по левому — голова гренландского кита, что такой корабль никогда не потонет?

— Почему?

— Черт его знает почему, только я слышал, как

об этом говорил тот разбойник в тюрбане, Федалла. А уж ему, видно, известна вся чертовщина на свете. Ох, Стабб, сдается мне, что не доведет нас до добра эта чертовщина. Не нравится мне что-то этот тип. Ох, не нравится. Ты замечал, как хищно торчит в его пасти единственный клык?

— Ну, вот еще! Стану я глядеть ему в пасть! Но если как-нибудь темной ночью я встречу его у борта, а поблизости никого не окажется, то уж, наверно, не удержусь, отправлю его туда, — и Стабб обеими руками указал вниз, в океанскую глубь. — По-моему, Фласк, этот Федалла — переодетый дьявол. Ты веришь, что он был спрятан в трюме? Ерунда! Говорю тебе, он дьявол. А хвост, должно быть, прячет. В карман запихивает.

— Интересно, зачем он понадобился нашему старику?

— Я думаю, что он обделывает со стариком какое-то дельце.

— Дельце? Какое у них может быть дельце?

— Видишь ли, ведь старик-то слегка не в себе, ну дьявол и решил его окрутить: мол, ты отдай мне свою крещеную душу, а я тебе за это дам убить Моби Дика.

— Здорово! Это уж ты хватил, Стабб! Как же он его окрутит?

— Не скажи, Фласк! Дьявол хитер и коварен, уж ты поверь мне. Слыхал ты, как однажды он явился на военный корабль, одет с иголочки, хвост подвернул, одним словом — джентльмен джентльменом. Появляется прямо в адмиральской каюте, ну, адмирал и спрашивает, чего ему надобно. А дьявол копытом щелк и говорит: «Мне нужен матрос Джон». «Зачем?» — спрашивает адмирал. «А уж это не твоего ума дело! — орет дьявол. — Нужен, и все тут!» «Ладно, — отвечает адмирал. — Позвать сюда Джона». И вот тебе мое святое слово, что и часу не прошло, как Джон скончался от азиатской холеры. Не веришь? Проглотить мне этого кита, ежели я вру! Постой, уж, кажется, все кончили. Ну, тогда за весла, матросы! Потащили голубчика к кораблю.

— Пожалуй, что я и сам слышал что-то подобное, — задумчиво проговорил Фласк, когда оба вельбота медленно поволокли тушу убитого кита к кораблю. — А ты уверен, Стабб, что этот… наш-то… что он тот же самый дьявол, что приходил к адмиралу?

— А ты уверен, Фласк, что я тот же самый китобой, который убил вместе с тобой этого кита, а? Или ты не знаешь, что дьявол живет вечно? А может быть, ты слышал, что дьявол уже умер?

— А сколько, по-твоему, лет этому Федалле?

— Видишь грот-мачту? Пусть она будет единицей; теперь возьми все обручи от бочек, какие найдутся у нас в трюме, и приставь их к мачте вместо нулей — так вот, эта цифра не измерит даже младенческих лет Федаллы.

— Но сознайся, Стабб, ведь это ты прихвастнул насчет того, что скинешь его за борт. Если он бессмертный, так какой смысл пихать его за борт?

— По крайней мере, выкупается хорошенько.

— Но ведь он приползет обратно.

— Ну так можно его снова выкупать, а там еще разок.

— А ну как ему придет в голову выкупать тебя, Стабб? Что тогда, а?

— Пусть только попробует; я ему таких фонарей понаставлю, что он не посмеет явиться даже на нижнюю палубу, не говоря уж об адмиральской каюте.

— Так ты думаешь, Стабб, что он хочет, чтобы Ахав продал ему свою душу?

— Да, Фласк, только будь спокоен, я теперь с него глаз не спущу, и если замечу что-нибудь подозрительное, то сразу схвачу его за шкирку и скажу: «Эй, ты, вельзевул! Смотри у меня!» А ежели он станет изворачиваться, то вот тебе мое

святое слово, я выхвачу у него из кармана хвост, суну его в лебедку да и начну крутить-наворачивать, пока не вырву с корнем. Вот так!

— А что ты сделаешь с хвостом?

— С хвостом? Продам на кнут какому-нибудь пастуху, когда вернемся домой. На что он мне?

— И ты все это всерьез, Стабб?

— Ну, всерьез или не всерьез, а вот мы и дома.

С палубы раздался приказ швартовать кита по левому борту, где уже были приготовлены для него цепи.

— Ну что я тебе говорил? — сказал Фласк. — Скоро голова этого кита закачается на талях прямо против каша- лотовой.

Дальнейшие события подтвердили правоту Фласка. И если прежде «Пекод» резко кренился на правый борт под тяжестью головы кашалота, то теперь, уравновешенный второй головой, он выровнялся и тихо поплыл дальше, сильно напоминая мула, груженного двумя тяжелыми корзинами.

Глава сорок девятая
Такова жизнь, мой друг!

Голова кашалота, которая, как уже говорилось, составляет около трети всего объема гигантского животного; эта голова, великая прочность которой позволяет владыке вод пробивать лбом корабельные корпуса; эта голова, которую Стабб так аккуратно отделил от принадлежавшего ей тела, — чудовищная эта голова, как громадная бочка, почти целиком наполнена ценнейшим, нежнейшим и ароматнейшим из веществ — спермацетом.

И вот эту громадную бочку, правда, еще не раскупоренную, поднимают над водой с помощью огромных талей и подвешивают за бортом. Тогда Тэштиго, ловкий, как кошка, карабкается на мачту. Распрямившись во весь рост, он идет по рее и останавливается прямо над этой закупоренной бочкой. Он прихватил с собой легкую снасть, состоящую из одного блока и тонкого троса, и, укрепив блок на рее, спускается по тросу на голову кашалота, висящую над водой. Он тщательно выбирает у себя под ногами участок, наиболее

подходящий для вскрытия бочки, работая внимательно и осторожно, словно искатель клада.

Наконец место выбрано, бочка вскрыта, к тросу, точно к шесту колодезного журавля, подвязана прочная бадья. Тэштиго, одной рукой держась за снасть, упирается длинным шестом в днище бадьи, погружая ее в открытый резервуар, потом издает короткое гортанное восклицание, и по этому знаку матросы на палубе натягивают трос, а бадья поднимается, вся покрытая белой пеной, точно подойник, полный парного молока. Отяжелевший сосуд осторожно опускают вниз, сильные руки подхватывают его и переливают спермацет в огромный чан. Так повторяется много раз, пока кашалотовая бочка не будет вычерпана до дна. Все сильнее и сильнее налегает на шест Тэштиго, все глубже и глубже погружается бадья, и вот уже двадцатифутовый шест целиком скрывается в спермацетовом колодце, и не один чан уже наполнен до верху благоухающей массой.

Скоро спермацет, извлеченный из головы кашалота, стал застывать, и тогда Старбек посадил меня и других матросов вокруг большого чана и велел разминать застывающие комки. Это было на редкость приятное и ароматное занятие. Погрузив в спермацет руки, я почувствовал, что моя

кожа становится мягкой, нежной и эластичной, а пальцы — будто стали они в десять раз гибче, чем прежде, — могут даже извиваться и скручиваться, как угри.

Нет ничего прелестнее, чем после тяжелой работы за лебедкой и опасностей китовой охоты усесться на палубе под синим небом возле чана со спермацетом, погрузить руки в волшебную полужидкую массу и вдыхать чистейший аромат фиалок. Омывая руки в спермацете, как бы омываешь и душу, освобождая ее от всякой злобы, обиды и недовольства.

О, если бы я мог разминать спермацет вечно! Но китолова после разделки туши ждет еще много других неотложных дел, и одно из важнейших — это необходимость разрубить на части ленты китового сала, чтобы потом отправить их в салотопку.

На американских китобойцах салотопки устроены прямо на палубе, между фок-мачтой и грот-мачтой. Массивная печь каменной кладки, вопреки всем противопожарным правилам, мирно соседствует с сухими досками палубы и пенькой канатов. Салотопка прикрыта сверху крышкой, под которой находятся два гигантских котла. Их всегда содержат в необычайной чи-

стоте и чистят мыльным камнем с песком, так что они обычно сверкают, как серебряные чаши. Прямо под котлами устроены топки, которые разжигают стружками, а затем огонь и жар в них поддерживают тем жиром, что остается в ошметках уже вытопленного сала. Вся эта дьявольская кухня смердит так отвратительно, будто здесь на адском огне поджаривают грешников.

К полуночи огонь в топках пылал вовсю. Иногда огненные языки вырывались наружу, озаряя зловещим светом мачты и снасти «Пекода», идущего под всеми парусами в непроглядном ночном мраке; тогда мне, стоявшему в эту ночь на вахте у румпеля, казалось, что я правлю каким-то огнедышащим драконом. Адские тени кочегаров метались возле раскрытых глоток печи. Гарпунщики, как черти в аду, вздымали большими вилами куски китового сала и швыряли их в кипящие котлы, а вытопленные ошметки выхватывали из варева и бросали в топку. Пламя разбрызгивало искры и, улизнув из топок, пыталось ухватить за ноги адских кочегаров и поваров. Клубы смрадного дыма валили в ночное небо. С каждым всплеском океанской волны в котлах плескалась клокочущая похлебка, и кипящее сало разбрызгивалось по палубе. С за-

копченными лицами, спутанными бородами и сверкающими зубами сидели матросы у огня, рассказывая друг другу всякие бесовские истории и покатываясь от хохота. Неровное пламя освещало их то ярче, то слабее, тени — то длинные, то короткие — метались вокруг. Дикий хохот смешивался с воем ветра и стонами судна, зарывавшегося в волны беснующегося моря, и мне казалось, что это встают передо мной во мраке картины преисподней с чертями и грешниками, или те картины, которые возникают в истерзанной, мрачной и фанатической душе нашего безумного капитана…

Вот мы и рассказали о том, как дозорный с верхушки мачты замечает кашалота, как преследуют добычу китоловы в вельботах и, настигнув, загарпунивают, а затем убивают острогой; мы рассказали о том, как тушу пришвартовывают к борту, обезглавливают, а затем распеленывают, освобождая от сальных покровов; как вычерпывают спермацет и разминают его в чанах; как загружают котлы китовым салом, и там оно превращается в масло.

Этим маслом наполняют большие бочки; матросы теперь превращаются в бочаров — стучат молотки по железным ободьям, и бочки, одну

к другой, устанавливают рядами на палубе. Но волны швыряют корабль, ни с чем не считаясь, и бывает, что бочка сорвется со своего места и начнет перекатываться от борта к борту, все сокрушая на своем пути, пока ее не поймают и не водворят на место.

Но вот забита последняя втулка, раскрываются на палубе люки, разверзая трюм, и одну за другой опускают бочки с драгоценным маслом в самые недра «Пекода». После этого крышки люков накрепко задраивают, словно

замуровывают подполье. Дело сделано, и все принимаются за наведение чистоты. Спермацет обладает замечательным очистительным свойством. Кроме того, после сжигания всяких остатков из золы приготавливают крепкий щелок, ко-торым можно отмыть любое пятно. Проходит день-другой, и китобоец не узнать: еще недавно он был весь испачкан кровью и жиром, заставлен бочками, завален канатами, покрыт копотью, а теперь все надраено и начищено, люди помылись, переоделись и выходят на белоснежную палубу словно разнаряженные женихи; прогуливаются парочками и группами; миролюбиво беседуют, облокотившись о поручни. Но не дремлют на верхушках мачт дозорные, присталь-

но вглядываются они вдаль. И вот, через день или два, а то, случается, и через час после того, как закончена уборка, снова слышится сверху знакомый клич: «Фонтан на горизон

те!» И вот — опять все начинается сначала: сумасшедшая гонка в вельботе, тяжкая работа у лебедок, кровоточащие полосы китового сала, нестерпимый жар смрадного пламени… Но, друзья мои, такова и вся жизнь. Ибо, едва мы после мучительных трудов извлечем себе в награду хоть малую крупицу радости и только-только успеем насладиться ею, как снова уж слышим знакомый клич: «Фонтан на горизонте!»

Глава пятидесятая
Встреча с «Благоухающей розой»

Однажды, когда «Пекод» тихо скользил по туманному и сонному полуденному морю, носы на палубе забили тревогу раньше, чем глаза на мачтах обнаружили ее причину. С моря доносился какой-то странный и весьма неприятный запах.

— Бьюсь об заклад, — сказал Стабб, — что где-то поблизости болтается здоровенный покойник.

Туман вскоре рассеялся, и недалеко от себя мы увидели судно со свернутыми парусами — верный признак того, что к борту этого судна пришвартован подбитый кит. Мы подошли ближе, и незнакомец поднял французский флаг. Густое облако крылатых хищников сопровождало корабль; пронзительно крича, они стремительно падали вниз и спустя секунду снова взмывали в воздух, оставаясь поблизости от корабля; было ясно, что кит, пришвартованный к борту французского китобойца, — вспученный, как говорят рыбаки, то есть кит, который одиноко скончался в море и уже довольно давно носится по волнам. Легко себе представить, сколь отвратительный

запах исходит от подобной массы. Иным этот смрад кажется настолько нестерпимым, что никакая алчность не заставит их возиться с такой добычей, тем более, что жир такого кита ценится очень низко. И все же настоящий опытный китолов, знающий свое дело, никогда не станет воротить нос от вспученного кита по причинам, о которых вы узнаете несколько дальше.

Подойдя еще ближе к французскому китобойцу, мы заметили, что у его борта пришвартован не один кит, а два, причем второй экземпляр — еще более ароматный букетик, чем первый. Он, бедняга, был настолько истощен, словно умер от какой-то чудовищной дистрофии или несварения желудка, оставив после себя труп, в котором не больше жира, чем в сосновом полене.

— Вот это рыбка! — хохотал Стабб, стоя на палубе «Пекода», — настоящая вобла, не правда ли? Говорили мне, что французы не бог весть какие китоловы, что иной раз за целый рейс они натопят столько жира, что им даже не осветить капитанской каюты, но этот месье, видать, доволен и тем, что ему удастся поскоблить китовые косточки. Да, уж это охотник, ничего не скажешь! Я из трех наших мачт берусь натопить больше жира, чем он натопит из двух своих дохлятин…

А впрочем, здесь может оказаться кое- что поценнее китового жира — серая амбра, вот что может здесь быть. Пожалуй, стоит попробовать, попытка, как говорят, не пытка…

В это время ветерок, слабо надувавший паруса, скис окончательно, наступил полный штиль, и «Пекод» остановился вблизи французского корабля. Делать было нечего— оставалось только ждать ветра, волей-неволей дыша отвратительным ароматом, исходящим от вспученных туш.

Стабб вышел из капитанской каюты, кликнул свою команду и, спустив на воду вельбот, направился к французу.

Огибая нос чужеземного судна, он заметил, что в соответствии с изысканным французским вкусом, верхней части форштевня искусной резьбой была придана форма склоненного стебля, увенчанного прекрасным цветком. Стебель был выкрашен зеленой краской и утыкан, наподобие шипов, медными шпильками, а цветок нежно-розового цвета явно изображал розу. На борту корабля большими золочеными буквами было написано: «Благоухающая роза» — таково было поэтическое имя этого благоухающего корабля.

— Что верно, то верно, — сказал Стабб, прочитав на-звание, — благоухает эта роза так, что не дай

бог! Не мешало бы ей благоухать не так сильно.

Чтобы завязать разговор с теми, кто был на палубе, Стаббу пришлось подплыть вплотную к одному из вспученных китов и вести беседу, зажимая пальцами нос.

— Эй, вы, на «Благоухающей розе»! — закричал он, не разжимая пальцев. — Есть среди ваших благоухающих цветочков кто-нибудь, кто говорит по-английски?

— Есть, — отозвался с палубы человек, оказавшийся впоследствии старшим помощником капитана.

— В таком случае, не видел ли ты, благоухающий цветочек, Белого Кита?

— Какого кита?

— Белого! Белого кашалота — Моби Дика! Видели вы его или нет?

— Никогда даже не слышал о таком ките. Ты говоришь, он белый?

— Ну ладно, — сказал Стабб, — прощай покуда! — и, помахав рукой, он вернулся к «Пекоду», где его поджидал Ахав.

Стабб сложил ладони рупором и прокричал: «Нет, сэр! О Белом Ките они ничего не знают!» Ахав, услышав это, молча ушел в свою каюту, а Стабб вновь повернул вельбот к французскому

судну.

Француз, с которым он только что говорил, теперь спустился за борт и, подвязав себе под нос что-то вроде мешка, работал фленшерной лопатой.

— Что это у тебя с носом? — поинтересовался Стабб, — сломан, что ли? Или ты боишься его потерять?

— Хотел бы я, чтобы он был сломан, а еще лучше, чтобы его не было у меня совсем, — раздраженно отвечал француз, которому работа над вспученной тушей, по-видимому, была не по вкусу.

— А ты-то что за свой держишься?

— Да так просто, — ответил Стабб весело, — он у меня приставной, его надо придерживать. Хороший денек сегодня, верно? Воздух — ну прямо как в саду! А ты что, хочешь набрать еще один букетик благоухающих роз?

— Какого дьявола тебе здесь надо? — взревел француз, неожиданно придя в ярость.

— О, зачем так горячиться! Тебе, я вижу, и так жарко. Хорошо бы на время работы обложить этих рыбешек льдом, не правда ли? Но шутки в сторону, друг; скажи, ты знаешь, что пытаться вытопить из такого кита хоть каплю жира, все

равно что черпать воду решетом?

— Я-то знаю это не хуже тебя, — ответил француз, — вот только капитан мне не верит; он у нас впервые в плавании— раньше был фабрикантом туалетного мыла. Ты подымись на палубу, может, он хоть тебя послушает, а то я скоро и сам сдохну от этой вони.

— Ради тебя, мой любезный друг, я сделаю все, — ответил Стабб и поднялся на борт.

Странное зрелище предстало перед его глазами. Матросы в красных вязаных беретах с кисточками готовили к спуску большие тали; настроение у них было далеко не радужное. Носы у всех торчали кверху, точно маленькие флагштоки. То один, то другой из матросов неожиданно бросал работу и по вантам карабкался на мачту, глотнуть свежего воздуха. Иные, обмакнув паклю в деготь, то и дело подносили ее к носам. Другие, обломав свои трубки по самые чашечки, без удержу дымили, непрерывно заполняя ноздри табачным дымом.

Приметив все это, Стабб приступил к исполнению своего плана; обратившись к старшему помощнику капитана, он завел с ним дружескую беседу, в ходе которой тот признался в своей ненависти к невежде-капитану. Продолжая осторожно выспрашивать, Стабб выяснил также, что

ни о какой амбре старший помощник и не подозревает. Тогда и Стабб не стал распространяться на сей счет, хотя во всем остальном был вполне откровенен с французом, и они вдвоем вскоре придумали, как им убедить капитана бросить вспученные туши и не мучить свою команду, задыхающуюся от вони.

По этому плану старший помощник, выступая в роли переводчика, должен был говорить капитану все, что захочет, выдавая свои слова за перевод Стаббовых речей, а сам Стабб мог тем временем нести любую околесицу, какая придет ему в голову.

В это время капитан французского корабля появился в дверях каюты. Это был смуглолицый человечек, небольшого роста и несколько хлюпкий для такого дела, как охота на китов.

Недостаток роста и мужественности он попытался возместить огромными усами и бакенбардами. На нем был красный бархатный жилет и часы с брелоками. Помощник учтиво представил Стабба этому господину, не знающему ни слова по-английски, и тут же предложил свои услуги в качестве пе-реводчика.

— С чего начнем? — спросил он у Стабба.

— Что ж, — проговорил Стабб, разглядывая

жилет, часы и брелоки, — для начала скажи ему, что он одет как попугай.

— Он говорит, мсье, — обратился к капитану перевод-чик, — что как раз вчера его корабль встретил судно, на котором капитан, старший помощник и шестеро матросов умерли от лихорадки, подхваченной от вспученного кита.

Услышав это, капитан вздрогнул и пожелал узнать по-дробности печального происшествия.

— Что скажете дальше? — спросил переводчик у Стабба.

— Раз он так благосклонно выслушал мои первые слова, — ответил Стабб, — то теперь ты можешь ему сказать, что такой мартышке, как он, надо не китобойцем командовать, а лазать по деревьям, как обыкновенной обезьяне.

— Он клянется, мсье, — перевел капитану слова Стабба переводчик, — что если мы дорожим своей жизнью, то должны как можно скорее отделаться от обоих китов, иначе на корабле вспыхнет эпидемия, которая не пощадит никого.

Услышав это, капитан тут же громко приказал перерубить тросы и баграми отпихнуть от борта вонючие туши.

— Что скажешь дальше? — спросил у Стабба переводчик, когда приказ капитана был исполнен.

— Дальше?.. Дай подумать… Дальше я скажу, — про-должал Стабб, — что такого дуралея я не взял бы и в ночные сторожа.

— Он говорит, мсье, — перевел помощник его слова, — что был счастлив оказать нам эту услугу.

Капитан заверил Стабба, что чрезвычайно благодарен ему и пригласил его распить в капитанской каюте бутылочку бордо.

— Скажи ему, — ответил Стабб, — что я никогда не пью с теми, кого надуваю.

— Он говорит, мсье, — сказал помощник, — что очень вам благодарен, но пить вино ему не позволяет его благо-честие, и к тому же он говорит, что если вы, мсье, хотите еще хоть раз в жизни отведать вина, то поскорей спустите вельботы и оттащите корабль подальше от китовых туш.

В это время Стабб уже спустился в свой вельбот и крикнул помощнику капитана, что у него в лодке есть длинный канат, так что он может, пожалуй, зацепить того дистрофика, который особенно воняет, и оттащить его от судна. И вот, пока четыре французских вельбота буксировали корабль в одну сторону, услужливый Стабб буксировал кита в другую.

Между тем поднялся ветерок и «Благоухающая

роза», подобрав вельботы, распустила все паруса и пошла своим курсом.

Схватив фленшерную лопату, Стабб взобрался на вы-ступающую из воды вонючую массу и принялся вгрызаться в нее позади бокового плавника. Со стороны можно было подумать, что в мертвомките он решил выкопать себе погреб. Когда лопата наконец стукнулась о высохшие китовые ребра, звук был такой, точно она наткнулась на старинные черепки. Матросы в вельботе с нетерпением кладоискателей следили за своим командиром, подбадривая его громкими возгласами.

Бесчисленные крылатые могильщики все кружились и кружились в воздухе, с отвратительным криком сражаясь друг с другом за каждый кусок падали. Стабб уже был готов прекратить поиски, не в силах выносить ужасную вонь, как вдруг среди нестерпимого смрада, из самой сердцевины гниющей язвы поднялась тонкая струйка замечательного благоухания, которая пробивалась сквозь толщу дурного запаха, совершенно не смешиваясь с ним, как, бывает, река, вливаясь в море, еще долго течет, не смешиваясь с морской водой.

— Нашел! Нашел! — ликовал Стабб, нащупав

что-то острием лопаты в глубине вспученной туши.

Отбросив лопату, он запустил в дыру обе руки и извлек на свет полную пригоршню чего-то маслянистого и ароматного.

Это, друзья мои, и была серая амбра, за одну унцию которой любой аптекарь охотно заплатит золотую гинею.

Без серой амбры не обходится ни один парфюмер, ее кладут в кадильницы, подмешивают к ароматическим свечам, к пудре и помадам; турки употребляют ее как ароматическую приправу к мясным блюдам, а также совершая паломничество в Мекку, несут ее в качестве ценнейшего дара к гробу господню; некоторые виноделы опускают крупицы амбры в красное вино.

И кто бы мог подумать, что самое благоуханное в мире вещество находят в вонючих кишках больного кита? Но это далеко не единственный случай в природе, когда прекрасное и чистое произрастает в гнилом и мерзком.

Глава пятьдесят первая
Покинутый

Через несколько дней после встречи с «Благоухающей розой» произошло весьма значительное событие в жизни самого незначительного из членов нашего экипажа; событие это, в высшей степени прискорбное, было как бы еще одним предзнаменованием несчастий, ожидающих наш бесшабашный корабль.

Мы уже упоминали о негритенке, по имени Пиппин, которого все звали сокращенно — Пип. Бедняга Пип! Вы, несомненно, помните, как в одну мрачную драматическую ночь он бил на баке в свой тамбурин и взывал к большому белому богу.

С виду Пип и Пончик составляли прекрасную пару — ну, точно два одинаковых пони — черный и белый — запряженные в одну упряжку великой чудачкой, которую зовут Жизнь. Но незадачливый Пончик был вял и глуповат, тогда как мягкосердечный Пип был славным, подвижным и веселым мальчуганом, истинным сыном своего добродушного, сообразительного и веселого чер-

ного народа, способного предаваться радости и наслаждениям, как ни одна другая раса на земле. По справедливости календарь негров должен был бы состоять из трехсот шестидесяти пяти праздничных дней.

Пип любил жизнь со всеми ее неприхотливыми радостями. Он наслаждался зрелищем сверкающего под солнцем океана и блеском звезд в ночном небе. И в нем самом был какой-то ослепительный блеск. Только в жуткой обстановке на корабле, в этой разбойничьей трясине, в которой непонятно почему оказался Пип, его блеск временно померк. Но под конец жизни он вспыхнул с особенной яркостью, разгорелся безумным огнем, и в этом зловещем освещении душа маленького негритенка стала еще прекраснее, чем в те звездные вечера, когда в своем родном Коннектикуте он весело плясал на зеленой полянке с тамбурином в руке.

Случилось так, что, буксируя кита, хранившего в своих вспученных недрах серую амбру, один из гребцов растянул себе руку и на время вышел из строя. Его место в вельботе занял маленький Пип, хотя до этого он никогда не принимал непосредственного участия в охоте.

Вскоре вельбот Стабба с Пипом на борту уже

гнался за кашалотом. Пип очень нервничал и волновался, но, на его счастье, в тот первый раз дело не дошло до слишком близкого знакомства с китом, и Пип, в общем-то, прошел это испытание, не проявив особой трусости, хотя и особой смелости он тоже не проявил.

В следующий раз вельбот Стабба настиг кашалота, и тот, почувствовав в своем теле смертоносный гарпун, ударил хвостом по днищу лодки, и удар этот пришелся как раз под той банкой, на которой сидел бедняга Пип. От неожиданного толчка объятый ужасом мальчик с веслом в руках выпрыгнул из лодки. Падая, он зацепился за ослабленный линь, который опутал его грудь и шею. В следующее мгновение кит рванулся вперед и натянувшийся линь прижал Пипа к борту вельбота.

Объятый охотничьим азартом, Тэштиго, схватив тяжелый нож, занес его над натянутым линем и, полуобернувшись к Стаббу, прорычал: «Рубить?» А посиневшее лицо задыхающегося Пипа красноречиво молило: «Руби скорее! Руби!»

— Руби, черт бы его побрал! — рявкнул Стабб.

Так был спасен Пип и потерян кит.

Когда негритенок забрался в лодку, Стабб стал его отчитывать. Суть его поучений заключалась

примерно в следующем: «Никогда, Пип, не прыгай из лодки, кроме тех случаев, когда…» Дальше пошло такое обширное перечисление случаев, когда следует прыгать из лодки, что Стабб, спохватившись, сказал: «Одним словом, никогда не прыгай из лодки, кроме тех случаев, когда лучше всего из нее выпрыгнуть!» Но, догадавшись, что такое наставление может побудить Пипа еще много раз в будущем повторить свой рискованный прыжок, он вдруг прекратил свои поучения, заключив речь такими словами: «Короче говоря, Пип, в другой раз, что бы ни случилось, сиди в лодке, а не то, вот тебе мое святое слово, я не стану тебя подбирать, мы не можем из-за твоих капризов терять добычу. Кашалот, дружок, стоит в тридцать раз дороже, чем ты. Помни об этом и никогда больше не прыгай из вельбота».

Но наши поступки не всегда зависят от наших желаний. И Пип снова выпрыгнул из лодки, причем произошло это при точно таких же обстоятельствах, как и в первый раз. Только теперь Пип не запутался в лине, и когда вельбот помчался за китом, Пип остался в океане. Увы! Стабб сдержал свое слово. А погода в этот день была такая солнечная, тихая, ясная! Лазурное море, усыпанное золотыми бликами, ласково нежилось

род безоблачным небом. Только черная курчавая голова Пипа то показывалась, то исчезала на этой гладкой лазури, расцвеченной солнцем.

Не шелохнулась спина непреклонного Стабба, когда Пип оказался за бортом. Никто из матросов не бросил весла, не повернул головы. А кит летел, как на крыльях, и вельбот мчался за ним. Пип остался далеко позади, один в безбрежном океане. Он повернул свое черное лицо к солнцу, но солнце на небе было так же одиноко, как и он.

Держаться на воде во время штиля не трудно, но нестерпимо безнадежное ужасное одиночество! Глубокая сосредоточенность в самом себе посреди необъятной мертвой и равнодушной стихии — боже мой! Как описать это чувство? Вы замечали, что моряки, купаясь в открытом море, всегда жмутся поближе к своему кораблю и не решаются отплывать от него подальше?

Но неужели Стабб действительно решил бросить бедного негритенка на произвол судьбы? Нет, во всяком случае, он не хотел этого делать. Два вельбота шли вслед за ним, и он знал, что Пипа увидят и подберут, хотя, по правде говоря, отчаянные китобои не очень-то склонны заботиться о трусах и ротозеях, попавших в беду.

Но случилось так, что вельботы Старбека и

Фласка неожиданно увидели другое стадо китов. Не заметив Пипа, они переменили курс и пустились в погоню. А Стабб в это время был уже далеко; увлеченный охотой, он забыл и думать о Пипе. Горизонт вокруг несчастного негритенка стал все расширяться и расширяться, и вскоре уже во всех направлениях ему видна была только гладкая поверхность океана, на которой ничто не напоминало о том, что здесь еще недавно были люди.

Совершенно случайно Пипа спас в конце концов сам «Пекод». Но с этих пор бедняга Пип стал дурачком; по крайней мере, так считали все. Высокомерный океан отказался принять его маленькое черное тело, но зато поглотил его огромную светлую душу. Океан поглотил ее, но она продолжала жить. Она, может быть, опустилась в самые

заповедные океанские глубины, где тени первозданного мира скользят в туманной мгле, а бесчисленный суетливый народец, прозванный кораллами, неустанно возводит искусные постройки своей гигантской подводной державы. Маленький Пип рассказывал матросам о том, что видела его душа на дне океана, под синими морскими сводами, где еще никто не бывал. По-

тому-то матросы и решили, что он свихнулся. Но кто знает, что чувствовал мальчик, когда остался в океане совсем один, брошенный на произвол судьбы? И, может быть, то, что произошло с негритенком, открыло ему мир более мудрый и истинный, чем тот, который видим мы.

Во всяком случае, не станем осуждать Стабба слишком строго. Такие происшествия, как с маленьким Пипом, в ки-тобойном деле случаются нередко. Прочитав эту книгу, вы узнаете, что и со мной приключилось нечто подобное.

Глава пятьдесят вторая
Рассказ однорукого капитана

— Эхой! На корабле! Не встречался тебе Белый Кит? — крикнул Ахав, когда за кормой у нас проходил английский китобоец. Прижав к губам рупор, старик стоял в своем вельботе, подвешенном на шканцах, так что его костяная нога была отлично видна капитану английского судна, который небрежно развалился на носу своего вельбота. Это был добродушного вида загорелый и крепкий моряк лет шестидесяти или около того, одетый в просторную куртку. Один рукав его куртки был пуст и развевался за спиной, точно вымпел на корме корабля. — Не видал ты Моби Дика? — спрашивал у него Ахав.

— А это видишь? — ответил англичанин и поднял над головой искусственную руку, сработанную из белой кашалотовой кости. Рука оканчивалась деревянной головкой, похожей на молоток.

— Вельбот! — взревел Ахав. — Вельбот на воду!

Не прошло и минуты, как вельбот Ахава подошел к борту английского корабля. Но тут

возникло непредвиденное затруднение. Взволнованный Ахав совершенно забыл, что с тех пор, как он остался без ноги, ему еще ни разу не приходилось подниматься на борт чужого судна. На «Пекоде» для этой цели было сделано весьма хитроумное устройство— без него одноногий Ахав не мог бы взобраться из шлюпки даже на борт собственного корабля. И теперь, когда волны то поднимали его шлюпку к самому фальшборту английского корабля, то опускали чуть ли не до самого киля, Ахав почувствовал себя беспомощным и жалким.

Я уже говорил, что всякое неудобство, хотя бы косвенно связанное с постигшим Ахава несчастьем, неизменно вызывало у него вспышки неистовой ярости. А в этом случае его раздражение еще усиливалось из-за любезности двух английских офицеров, которые, склонившись за борт, спускали ему сверху весьма красиво разукрашенный веревочный трап — им, видимо, и в голову не приходило, что одноногому калеке он ни к чему. Но английский капитан понял все с первого взгляда и приказал спустить за борт большие разделочные тали. Матросы выполнили его приказание, Ахав уселся верхом на крюк, и таким образом был благополучно поднят на борт

и опущен на шпиль.

Английский капитан приблизился к нему, дружески протягивая свою костяную руку, а навстречу ей Ахав протянул свою костяную ногу и сказал:

— Так, так, дружище! Тряхнем костями — вот рука, которая никогда не дрогнет, и нога, которая никогда не побежит! Скрестим костяные клинки! Давно ли ты видел Белого Кита? Где это было?

— На экваторе, — ответил англичанин, — в прошлом году.

— Его работа? — спросил Ахав, указав на костяную руку англичанина.

— Его, — ответил тот. — А твоя нога?

— Тоже, — сказал Ахав. — Давай рассказывай скорей, как это случилось.

— Я тогда впервые попал на экватор, — начал англичанин, — а о БеломКите ничего не слышал. Однажды нам повстречалось стадо кашалотов — голов пять или шесть. Мы спустили вельботы и погнались за ними. Мне удалось одного загарпунить. Это был не кит, а прямо циркач, так и скакал вокруг нас. Так что я приказал своим ребятам сидеть смирно, а не то мигом пошли бы ко дну. И как раз в это время вдруг всплывает здоровенный кашалот — башка и горб белые, как

молоко, а сам весь в морщинах и трещинах.

— Это он! — вскричал Ахав. — Клянусь дьяволом, это он!

— А возле плавника у него торчат гарпуны.

— Так, так, это мои гарпуны!

— Ну вот, всплывает этот седой прадедушка, кидается в самую середину стада и начинает бешено грызть линь.

— Понятно, — опять перебил Ахав, — хотел перекусить твой линь и освободить дружка, попавшего в беду. Старый трюк!

— Уж не знаю, как это получилось, — продолжал однорукий капитан, — только линь запутался у него в зубах, зацепился там за что-то; а мы этого не знали, и стали выбирать линь, чтобы поскорей прикончить загарпуненного кита, пока его не освободил этот зубатый защитник. Но вдруг — трах! И вместо нашего кита, который был на лине, мы натыкаемся прямо на белый горб, а наш преспокойно уплывает. Ну, раз такое дело, я решаю прикончить белобрысого— тем более, что такого огромного, такого прекрасного кашалота я еще в жизни не видел. А он весь так и кипит от ярости. Ну, думаю, этот чертов линь того и гляди оборвется или вырвет зуб, за который он зацепился, ведь ребята у меня в лодке сущие дьяволы!

Одного линя, думаю, для такого деда мало, надо бы подцепить его и на второй. Я перескакиваю в лодку моего старшего помощника, которая шла борт о борт с моей, и, схватив гарпун, бросаю его в этого белого дьявола. Но, боже ты мой! В тот же самый миг я совершенно ослеп, ну совершенно ничего не вижу, потому что кругом только черная пена, а высоко над нами навис громадный хвост. В темноте я нащупываю второй гарпун, чтобы метнуть его в элодея, но в этот момент хвост рушится на нас и разрубает вельбот пополам, да так разрубает, что обе половины — в щепки. Все мы, конечно, в воде. Чтобы не попасть под новый удар исполинского хвоста, я хватаюсь за рукоятку своего гарпуна, торчащего # боку кашалота, но тут волна относит меня в сторону, а кит камнем уходит под воду. И вот тогда-то второй гарпун, привязанный к линю, вонзился мне в руку, вот сюда, пониже плеча. Как я тогда не пошел ко дну? — сам не понимаю. Ну, а остальное вам доскажет вот этот джентльмен. Познакомьтесь, капитан, — доктор Кляп, наш судовой врач... — и однорукий капитан обратился к доктору: — Ну, Кляп, валяй дальше, как все было.

Джентльмен, столь фамильярно приглашенный принять участие в беседе, все это время стоял

неподалеку; ничто в его внешности не говорило о его благородной профессии. У него было добродушное круглое лицо. Одет он был в выцветшую синюю блузу и заплатанные штаны. Он вежливо поклонился Ахаву и поспешил исполнить просьбу своего капитана.

— Рана была ужасная, — начал он, — я посоветовал ка-питану Бумеру прежде всего направить нашего Сэмми…

— «Самуэль Эндерби» — так зовут мой корабль, — пояснил Ахаву однорукий капитан и обратился к доктору: — Ну, валяй дальше.

— Итак, значит, он направил нашего Сэмми на север, чтобы поскорее убраться подальше от этого чертова эква-тора, где нечем дышать от жары. Ну, а я делал все, что мог: все ночи напролет сидел возле него, меняя повязки.

— Уж это, что и говорить, — перебил доктора капитан, — сидел и пил вместе со мной ром. И каждую ночь напивался так, что вместо руки бинтовал мне ногу. Ах ты, старый мошенник! Это ты-то сидел со мной ночи напролет? Да ты валялся пьяный под столом, пока я сам, одной рукой не взваливал тебя на койку. Ну, плети дальше и знай, что я охотнее сдохну от твоего вранья, чем позову другого врача.

— Должен вам заметить, уважаемый сэр, — обратился доктор Кляп к Ахаву, — что мой друг, капитан Бумер, любит иногда пошутить, но шутки эти совершенно безосновательны, так как, да будет вам известно, я в недавнем прошлом был священником и являюсь сторонником абсолютной трезвенности. Должен вас уверить, что я никогда не пью…

— Воды! — закончил за него однорукий капитан. — Это верно, воду он никогда не пьет, боится, что от воды его хватит удар. Я подозреваю, что он просто болен водобоязнью. Но, продолжай, продолжай, великий трезвенник. Ты про руку рассказывай.

— Я и рассказываю, — спокойно ответил доктор. — Когда вы, мистер Бумер, перебили меня своим остроумным замечанием, я как раз говорил о том, что, несмотря на все мои старания, рана делалась с каждым днем все хуже и хуже. По правде говоря, сэр, — обратился он к Ахаву, — это была самая ужасная из всех открытых ран, когда-либо встречавшихся в медицинской практике: в длину она превышала два фута, я сам измерил ее лотлинем. Рука стала чернеть — я знал, чем это грозит, и ампутировал ее. Но к этой костяшке я не имею никакого отношения: я тут ни при чем.

Это он сам себе смастерил, а плотнику приказал насадить на эту дубинку молоток, чтобы удобнее было вышибать мозги из подчиненных. Надо вам сказать, сэр, что на мистера Бумера иногда такое находит. Однажды он попробовал своей костяной дубинкой крепость и моего черепа. Видите эту впадину, сэр? — сняв шляпу, доктор Кляп обнажил у себя на черепе углубление размером с бильярдный шар, нисколько, впрочем, не похожее на шрам или зажившую рану. — Так вот, мистер Бумер может вам рассказать, откуда у меня эта дырка.

— Понятия не имею, откуда она у тебя, — сказал капитан, — об этом надо расспросить твою матушку, она, наверное, так и родила тебя с дыркой в башке. Ну и мошенник ты, Кляп! Ну и болтун! Интересно, найдется ли на свете такой кляп, чтобы заткнуть глотку этому Кляпу?.. Когда ты помрешь, негодяй, я суну тебя в бочку с рассолом — такой экземпляр стоит сберечь для потомков.

— А что стало с Белым Китом? — нетерпеливо спросил Ахав.

— Он скрылся, — ответил однорукий капитан, — но тогда я еще даже не догадывался, что это знаменитый Белый Кит; только потом, много позже я услышал о Моби Дике и понял, что это он

сыграл со мной такую шутку.

— И больше ты его не встречал?

— Встречал дважды.

— Но загарпунить не удавалось?

— И не пытался. Разве мало того, что он отнял у меня одну руку? Не думаю, чтобы он мне отдал ее обратно, а что я стану делать, если он отнимет у меня и вторую?

— Кстати, известно ли джентльменам, — вмешался доктор, — что пищеварительные органы кита устроены таким образом, что он не может переварить даже куриной котлетки. Так что я не думаю, что он сожрал вашу руку, мистер Бумер, и вашу ногу, мистер Ахав. Скорее всего, ему надо было только припугнуть вас. Но с ним вполне могла случиться такая же история, как с одним моим пациентом, факиром с острова Цейлон. Этот факир глотал ножи и шпаги, и неплохо себе этим зарабатывал, но в один прекрасный день он случайно проглотил свой перочинный ножик и на целый год испортил себе желудок. Только когда я дал ему лошадиную дозу рвотного, ножик стал выходить из него по кусочкам, сначала одно лезвие, потом штопор, потом шило, а потом уж и второе лезвие. Так что, мистер Бумер, не исключено, что ваша правая рука еще цела в

желудке Моби Дика, и если вы отдадите этому обжоре свою левую руку, то, может быть, сумеете пристойно похоронить правую. Для этого только надо поймать Моби Дика и сговориться с ним.

— Ну нет, благодарю покорно, — сказал капитан Бумер. — Пусть он подавится той рукой, а другую я, пожалуй, оставлю при себе. И вообще, хватит с меня Белых Китов, видеть их больше не желаю. Убить Моби Дика, конечно, большая честь, да и спермацета в нем, наверно, столько, что можно набить целый трюм, но я предпочитаю держаться от него подальше. А вы, капитан? — и он поглядел на костяную ногу Ахава.

— Возможно, возможно, — пробормотал Ахав. — Дер-жаться подальше?.. Это легко сказать, а вот как заставить себя держаться подальше? Он притягивает, словно магнит, этот дьявол в образе кита, это исчадие ада, это белое чудовище! Когда ты видел его в последний раз? Когда, скажи скорее! Каким курсом он шел? Ну, говори же! — Ахав спрашивал с таким видом, что доктор Кляп, взглянув на него, закричал:

— Скорее термометр! У джентльмена жар! Его кровь на точке кипения, а от пульса дрожит палуба, — и, выхватив из кармана ланцет, он потянулся к руке Ахава, чтобы пустить ему кровь.

— Прочь! — крикнул Ахав, отшвырнув его в сторону. — Гребцы, по местам! Каким курсом он шел?

— О, господи! — воскликнул Бумер, к которому был об-ращен последний вопрос. — Что с вами, сэр? Он шел, по- моему, на восток... — и прошептал Федалле: — Ваш капитан помешан, да?

Но Федалла ничего ему не ответил, скользнул за борт и, усевшись в вельбот, взялся за рулевое колесо. Ахав подтянул к себе тали и приказал английским матросам опу

скать их. В следующую минуту он уже стоял на корме вельбота, который мчался к «Пекоду».

Тщетно окликал его англичанин. Ахав стоял к нему спиной, оборотив окаменевшее лицо к своему кораблю, как будто и не слышал его голоса.

Глава пятьдесят третья
Старый плотник делает новую ногу

Стремительность, с которой Ахав покинул палубу английского китобойца, нанесла некоторый урон его собственной персоне. Он с такой силой опустился на свое место в вельботе, что его костяная нога дала трещину. А вернувшись на свой корабль и засунув пятку в опорное отверстие, он слишком резко рванулся к рулевому, который, как ему показалось, недостаточно твердо держал румпель, и ослабленная трещиной нога перекосилась. Хотя со стороны она казалась невредимой. Ахав все же считал, что теперь положиться на нее с полной уверенностью уже нельзя.

Нет ничего удивительного, что, при всей своей фанатической безрассудности, Ахав столь тщательно следил за состоянием костяной ноги. Однажды ночью, незадолго до отплытия «Пекода», его нашли на одной из нантакетских улиц лежащим на земле без чувств: каким-то странным и необъяснимым образом его искусственная нога так подвернулась, что, подобно колу, вон-

зилась в тело и чуть не пронзила его насквозь. И вот когда он лежал в бреду, в его полубезумное сознание прокралась мысль, что неудачи, которые преследуют его теперь, — это прямое следствие того громадного несчастья, которое он перенес прежде. Он был уверен, что как болотный гад и сладчайший певец благоуханных садов с одинаковой неизбежностью производят на свет себе подобных, так и несчастье, пользуясь каждой возможностью, продолжает свой род, производя на свет все новые и новые неприятности и неудачи.

Так что перекос костяной ноги он рассматривал тоже как одно из последствий зловещей встречи с Моби Диком, и, не желая, чтобы Белый Кит лишний раз восторжествовал над ним, Ахав вызвал к себе плотника и приказал ему безотлагательно приступить к изготовлению новой ноги; а Старбеку было велено предоставить в распоряжение плотника все запасы китовой кости, а если потребуется, то и любые костяные изделия, имеющиеся на корабле, дабы плотник мог выбрать самый надежный и прочный материал.

Новую ногу приказано было сделать к утру, вместе со всей необходимой оснасткой. Поэтому из трюма был извлечен долго бездействовавший горн, и корабельный кузнец сразу же принялся

ковать необходимые железные детали.

Но о плотнике мне хочется сказать особо.

Если с Сатурна или с другой планеты вы вздумаете разглядывать в подзорную трубу одного отдельно взятого человека, живущего на земле, то этот человек предстанет перед вами, как чудо природы, отличное от всех других живых существ Земли. Но если вы станете разглядывать все человечество в целом, то оно окажется лишь сборищем не отличимых друг от друга оловянных солдатиков. И хотя наш корабельный плотник нисколько не похож на того от-влеченного человека, которого можно было бы считать величественным чудом природы, он не был также и не отличимым от других оловянным солдатиком; и потому он появляется теперь на нашей сцене своей собственной персоной, не похожей ни на вас, ни на меня.

Подобно всем корабельным плотникам, и особенно тем из них, кто плавает на китобойных судах, он знал многие ремесла и был совершенно незаменим, когда на корабле возникала надобность в каком-нибудь особом приспособлении, требующем смекалки и изобретательности. Не говоря уже о том, что никто лучше его не мог починить поврежденный вельбот или погнутую

рею, выправить лопасть весла, врезать новый иллюминатор или установить под планширом парочку дополнительных нагелей, он был к тому же отличным мастером и во всяких других делах, не имеющих непосредственного отношения к плотницкому делу, и был готов помочь любому члену экипажа, которому взбредет в голову какая-либо практическая идея или просто прихоть.

Единственной сценой, на которой наш плотник разыгрывал все свои разнообразные роли, был простой верстак с деревянными и металлическими тисками разных размеров. Во все дни, кроме тех, когда к борту «Пекода» был пришвартован подбитый кит, этот верстак, крепко принайтовленный к задней стенке салотопки, перегораживал палубу.

Дел у плотника было всегда по горло. Положим, заедает блок — плотник живо зажмет в тиски ось и обточит ее. Или поймают матросы красивую птицу, залетевшую с берега — плотник сделает для нее из китового уса роскошную клетку. Гребец растянул себе руку — кто поможет? Плотник поможет: мигом состряпает какую-то целительную примочку. Захотелось как-то Стаббу, чтобы лопасти его весел были разрисованы звездами — плотник тут как тут: зажал весла в тиски и

намалевал на них целые созвездия. Взбрело на ум кому-то из матросов пощеголять серьгой, сделанной из акульего зуба, — плотник продырявил ему ухо. Другого мучает зуб — плотник и тут не растеряется: достанет клещи и, похлопав ладонью по верстаку, велит больному садиться, а, чтобы бедняга не дергался, еще зажмет его челюсть в большие деревянные тиски, и через минуту — зуба как не бывало. Словом, наш плотник умел все.

Казалось бы, такая сноровка и разносторонние таланты плотника должны свидетельствовать о необычайной живости его ума. Но это было не так, ибо ничто так не бросалось в глаза, как его безжизненная тупость; безжизненная потому, что она как бы смыкалась со всеобъемлющей тупостью мертвой природы, которая хотя и движется беспрестанно в космосе, но все же извечно замкнута и погружена в покой и с одинаковым терпением сносит постройку мерзкого кабака или священного храма. Но временами, однако, сквозь эту нечеловеческую тупость плотника прорывались вспышки какого-то нелепого доисторического веселья, не лишенного первозданного юмора, который, наверно, помогал коротать вечерние часы в пещерах у костров людям каменного века, одетым в лохматые шкуры.

А веселье и юмор, как бы ни были они грубы и допотопны, свидетельствовали о том, что если даже наш плотник и не имел обычной человеческой души, то все же было в нем нечто, что ее заменяло. Что это было такое — капелька столярного клея или горсточка опилок — я вам сказать не могу, но что-то все же в нем пребывало уже больше шести-десяти лет, и именно это нехитрое жизненное вещество побуждало его постоянно бормотать себе под нос нечто невнятное и маловразумительное.

...И вот — ночь, палуба. Плотник стоит у верстака и при свете двух фонарей сосредоточенно опиливает костяшку, придавая ей форму ноги. Кость крепко зажата в большие тиски. На верстаке лежат кожаные ремни, войлок, заклепки и всевозможные инструменты. Невдалеке от верстака работает у горна кузнец, зловеще освещенный в ночном мраке красными отсветами раскаленных углей.

Плотник бормочет про себя:

— Проклятая кость и проклятый напильник! Кости не

мешало бы быть помягче, а напильнику — потверже. Но в жизни всегда бывает наоборот. Идиотская это затея: делать из старой челюсти

новую ногу. — Он обращается к кузнецу: — Эй ты, старая кочерга, пошевеливайся, да подавай сюда наконечник и скобу с винтом, у меня для них уже все готово Хорошо еще, что не надо делать ко

ленную чашечку, а то пришлось бы мне стать и гончаром. А берцовую кость сделать — пара пустяков, я ему такую берцовую кость сделаю, что сам господь бог не сделал бы лучше. Эх, будь у меня побольше времени, так я бы такую ножку смастерил, что самая модная леди отдала бы за нее свою собственную. Только боюсь, не коротковата ли будет. Надо бы примерить. Да вот, кстати, он и сам вылез из каюты.

Ахав подходит к плотнику.

— Ну как, трудно было господу богу мастерить человека?

— Ерунда, — отвечает плотник, — я бы смастерил не хуже его. Разрешите, сэр, примерить вашу ножку.

— Что ж, примеряй, не в первый раз. Вот так! Внуши-тельные у тебя тиски, плотник. Ну-ка, испробуем их силу. Так, так — крепко держат!

— Осторожнее, сэр! Они ломают кости.

— Ничего, это мне нравится. В этом хлипком и ненадежном мире приятно почувствовать чью-то крепкую хватку. А как дела у кузнеца, чем он там

занимается?

— Он кует скобу для вашей ноги, сэр!

— Скобу, говоришь? Это значит, мускулы. Так, так. А как ты думаешь, мог бы он отковать пару стальных ключиц и лопаток, да еще ребра? Я бы тогда заказал вам обоим изготовить мне помощника, по моим чертежам. Роста он должен быть футов пятьдесят, не меньше. Грудь чтоб была, как наковальня. Руки толщиной в три фута у запястья, и крепкие, как цепи. А сердца не надо. Да, еще, чуть не забыл: череп чтоб медный, а в нем с килограмм отличнейших мозгов. Чтобы он мог перехитрить любое самое коварное чудовище. А сердце ему ни к чему, сердце ему будет только мешать… Послушай, плотник, ты ведь считаешься мастером своего дела, хорошим мастером, верно? Ну так скажи, хорошо ли это будет, если, нацепив ту костяную ногу, которую ты мне делаешь, я стану ощущать эту ногу, как свою собственную, будто она из мяса, мышц и сухожилий?

— А что ж, сэр! Я слышал от людей, что, потеряв ногу, человек все же чувствует ее, и его нет-нет да и кольнет, будто все у него на месте. Могу я спросить вас, сэр, так ли это на самом деле?

— Так, плотник, так. В своей костяной ноге я ощущаю то же биение жизни, которое ты чувству-

ешь в своей настоящей ноге. Удивительно, а?

— Очень удивительно, сэр. Наверное, в ней что-нибудь не так сделано.

— Молчи, плотник, запомни: размышлять — занятие не для болванов. Если я до сих пор чувствую боль в ноге, которой давно уже нет, то, значит, и душа моя будет испытывать адские мучения, когда тело уже рассыплется прахом. Ты скоро кончишь?

— Думаю, через час, сэр.

— Давай допиливай и принесешь ее ко мне в каюту.

Ахав уходит. Плотник бормочет невнятно:

— Ну и ну! Правильно говорит Стабб, что он какой-то чудной. Чудной, и все! Лучше о нем не скажешь. А что это он говорил про свою душу? И что его костяшка болит, врет, не может этого быть. А впрочем?.. Обычно человеку на весь век хватает одной пары ног, конечно, если их беречь, как хороший хозяин бережет своих лошадей. Но наш Ахав не таков! Он своих ног не жалеет. Одну уже насмерть загнал, другую покорежил, боюсь, что и третья скопытится. Эй, кочерга! Готовы у тебя болты? Пора кончать. Ай да нога получилась! Ну, прямо как живая, даже еще лучше.

Глава пятьдесят четвертая
Ахав и Старбек

На следующее утро матросы как обычно откачивали воду из трюма и в струе, которая лилась из помпы, заметили масло; очевидно, несколько бочек с маслом дали течь. Старбек спустился в каюту, чтобы доложить капитану об этом неприятном событии.

«Пекод» шел теперь на северо-восток, приближаясь к Формозе и островам Баши, между которыми лежит один из тропических выходов из китайских вод в Тихий океан. Старбек застал Ахава сидящим перед развернутыми картами.

Он сидел спиной к двери, уперев новую ногу в привинченную к полу ножку стола, и был весь погружен в изучение карт.

— Кто? — спросил он не оборачиваясь, услышав за спиной шаги. — Прочь! Вон отсюда!

— Это я, — сказал Старбек. — Потекли бочки с маслом. Нужно вскрыть трюм и поднять все бочки наверх, чтобы осмотреть их.

— Что? — воскликнул Ахав. — Теперь, когда мы подошли к берегам Японии, застрять здесь на

неделю, чтобы заткнуть щели в старых колодах?

— Иначе, сэр, мы за один день можем потерять больше масла, чем добудем его за целый год.

— Мы добудем его! Он от нас не уйдет!

— Я говорю о масле, сэр.

— А я говорю не о масле. Убирайся прочь! Пусть течет. Я сам кругом протекаю, я сам весь в щелях, и все же я не останавливаюсь, чтобы залатать свои дыры. Да и как их разыщешь в глубоком мраке моего трюма? А если и разыщешь, то разве залатаешь их в свирепом шторме нашей жизни? Прочь, Старбек! Я не стану вскрывать трюмы.

— А что скажут владельцы, сэр?

— Пусть владельцы стоят в Нантакете на берегу и вопят во всю глотку. Какое мне до них дело? Владельцы! Владельцы! Вечно ты мне напоминаешь про них, будто они — моя совесть. Уходи, Старбек!

— Капитан Ахав, — произнес помощник, шагнув вперед с вызовом, странно почтительным и осторожным. — Я не стану осуждать вас, но если бы вы были более молодым и счастливым, то…

— Ты смеешь, негодяй, грозить мне? Вон отсюда!

— Нет, сэр, погодите, прошу вас. Постарайтесь понять меня; неужто мы так никогда и не поймем

друг друга, капитан?

Ахав вскочил и, схватив в руки заряженный мушкет, на-правил его на Старбека.

— Один бог — владыка земли, и один я — владыка «Пе- кода», — воскликнул он. — Убирайся вон, мерзавец!

Глаза Старбека вспыхнули так же, как и его щеки, будто нацеленный на него мушкет и впрямь опалил его огнем. Но, подавив свои чувства, Старбек тихо отступил и, задержав-шись на мгновение в дверях, сказал:

— Ты сломил, но не оскорбил меня, капитан! И все- таки поберегись! Не меня, Старбека, нет, но себя поберегись, старик, самого себя.

— Он весь кипит от смелости, и все же подчиняется мне, — пробормотал Ахав, когда Старбек ушел. — Как это он сказал? Что я должен остерегаться самого себя, что Ахаву угрожает Ахав?.. Ну что ж, в этом что-то есть!

Капитан наморщил лоб и стал угрюмо и тяжело ходить по тесной каюте, не замечая, что опирается на мушкет, как на трость. Но вот чело его разгладилось и, поставив оружие на место, он поднялся на палубу.

— Ты хороший человек, Старбек, — негромко сказал он своему помощнику; затем, возвысив

голос, приказал матросам: — Убрать брамсели! Фор и брюйс-марсели на рифы! Грот-марсель обрасопить! Вскрыть трюм и перебрать груз!

Нет смысла гадать, что побудило Ахава исполнить просьбу Старбека.

Может быть, вспышка благородства, а может, и простое благоразумие.

Но так или иначе, а корабль лег в дрейф, трюм был вскрыт и все бочки проверены.

Глава пятьдесят пятая
Квикег в своем гробу

Когда вскрыли трюм, оказалось, что бочки, опущенные в последнюю очередь, целы и невредимы и, стало быть, утечку масла следует искать под ними. Воспользовавшись тихой погодой, мы проникали все глубже и глубже в брюхо «Пекода», извлекая тяжелые бочки из дремотного мрака прямо к сияющему полдню.

Вот в эти-то дни мой закадычный друг Квикег и схватил жестокую лихорадку, едва не отправившую его к праотцам.

Надо сказать, что обязанности гарпунщика на китобойце довольно разнообразны. Он должен не только сражаться с разъяренным китом, но выполнять и всякую другую трудную, хотя и совсем не героическую, работу. Вот и теперь Квикегу пришлось спуститься в трюм и целыми днями потеть и надрываться в этом заплесневелом подземелье, ворочая там тяжелые бочки.

Бедняга Квикег! Нагнувшись над люком и заглянув в на-половину выпотрошенные недра нашего корабля, я видел там вольнолюбивого царского

сына, который в одних полосатых кальсонах ползал в полумраке, среди сырости и слизи, точно зеленая пятнистая ящерица на дне колодца.

Вот там-то он и подхватил простуду, которая перешла в ужасную лихорадку, уложившую его на койку в преддверии смерти. Он таял прямо на глазах: прошло несколько дней, и от могучего Квикега остались лишь кости да татуировка. Он начисто высох, скулы его заострились, и только глаза становились все больше и больше, и какое-то странное мягкое свечение исходило из них, когда он спокойно и внимательно смотрел на окружавших. Благоговейный трепет охватывал всякого, кто подходил к слабеющему Квикегу и присаживался на край его койки.

Уже ни один человек на «Пекоде» не верил в выздоровление Квикега, а что думал об этом он сам, убедительно показывает его просьба.

Однажды в сумерках он подозвал к себе одного матроса и, взяв его за руку, сказал, что содрогается от мысли, что его похоронят согласно морскому обычаю, завернув в парусину и как падаль швырнув в море прожорливым акулам. Он попросил сделать ему небольшую пирогу и, по обычаю его родины, положить его после смерти в эту пирогу и пустить ее свободно плыть по волнам, к дале-

ким звездным архипелагам, ибо он твердо верил, что земной океан где-то сливается с небесным, и все звезды, которые мы видим в небе, это далекие-далекие острова и архипелаги.

Об этой просьбе доложили на шканцы. Плотнику тотчас было приказано исполнить желание Квикега. На борту «Пе- кода» нашлось несколько старых досок темного погребального цвета, и из них плотник и решил сделать для Квикега плавучий гроб.

Не мешкая, он взял линейку, отправился в кубрик и акку-ратно снял с умирающего мерку, причем всякий раз, пере-двигая линейку, делал мелом пометки на темной коже Квикега.

Когда в гроб Квикега был забит последний гвоздь, плотник поднял его на одно плечо, а крышку на другое, и пошел на бак, полагая, что Квикег уже готов и можно его укладывать.

Но матросы стали с насмешками гнать его прочь, говоря, что он слишком поторопился.

Услышав со своей койки эти пререкания, Квикег, ко все-общему ужасу, велел немедля принести гроб и поставить его возле койки.

Приподнявшись на локте, он внимательно осмотрел свое будущее жилище, затем велел подать ему гарпун и, отделив деревянную рукоятку,

бережно уложил в гроб стальное лезвие вместе с одним из весел Старбекова вельбота.

Потом попросил, чтобы туда же бросили десятка два морских сухарей, в головах поставили флягу с пресной водой, а вместо подушки положили кусок свернутой парусины.

Когда все это было сделано, Квикег пожелал, чтобы его перенесли в его последнее пристанище, говоря, что хочет лично проверить, достаточно ли удобно ему будет там после смерти. Несколько минут он лежал в своем гробу без движения, затем велел достать из мешка маленького черного бога Йоджо, которого поставил себе на грудь, после чего скрестил руки и приказал закрыть гроб («Задраить люк», как он выразился). Крышку закрыли, несколько секунд в гробу было тихо, потом оттуда раздался глухой голос: «Хорошая гроб, удобная, можно обратно на койка».

Но не успели еще Квикега вынуть из гроба, как таившийся неподалеку Пип с тамбурином в руке прокрался поближе и, всхлипывая, опустился на колени.

— Кула ты собрался плыть, Квикег? — сказал он. — Куда увезет тебя эта пирога? Может быть, ты случайно окажешься у берегов моей милой родины? Не выполнишь ли ты тогда моей просьбы?

Разыщи там мальчика, по имени Пип. Он раньше служил на китобойце «Пекод», но уже давно куда-то скрылся. Я думаю, что сейчас он там, на Антильских островах, где растут водяные лилии и всегда шумит прибой. Если ты встретишь там маленького Пипа, то утешь его. Он, наверное, горько плачет. Ведь он потерял свой тамбурин. Я нашел его здесь. Вот он. Риг-а-диг, диг-диг… Ты выполнишь мою просьбу, Квикег, да? Ну, теперь умирай, я буду отбивать тебе похоронный марш… Риг-а-диг, диг-диг… Умирает герой Квикег, умирает славный герой Квикег!.. Риг-а-диг, диг-диг… А Пип умер трусом. Со страху он выпрыгнул из вельбота. Я б ни за что не стал бить в тамбурин на его похоронах, потому что он не был героем, как Квикег, потому что он выпрыгнул из вельбота. Позор ему! Позор!..

Пипа прогнали, а Квикега перенесли на койку. Но теперь, полностью приготовившись к смерти, уложив в свой гроб все необходимое и примерившись к нему, Квикег неожиданно пошел на поправку. Выздоравливал он с невероятной быстротой, и уже два дня спустя грелся на солнышке, удивляя кока своим фантастическим аппетитом, а еще через день, выйдя на палубу, потянулся, зевнул и, вспрыгнув на нос своего вельбота, под-

нял гарпун и объявил, что готов к бою.

А гроб свой превратил в сундук: переложил в него все свои вещи из парусинового мешка и долго украшал крышку непонятными символами и знаками, пытаясь повторить на дерезе замысловатую татуировку своего тела.

Глава пятьдесят шестая
Гарпун Ахава

Мы проскользнули мимо островов Баши и вышли в Тихий океан. Предвидя скорое начало горячей промысловой поры, наш старый кузнец Перт, отковав скобы и болты для ноги Ахава, не убрал в трюм свой горн, а оставил его на палубе возле фок-мачты. К нему теперь то и дело обращались рулевые, гарпунщики, гребцы — каждому нужно было починить, заменить или наладить что-нибудь из обширного китобойного хозяйства. Окружив горн, они ожидали своей очереди, держа в руках фленшерные лопаты, гарпуны, остроги, и ревниво следили за работой перепачканного сажей кузнеца.

Вот с всклокоченной бородой, в переднике из жесткой акульей кожи Перт стоит между горном и наковальней, и удары его тяжелого молота звучат торжественно и неторопливо. К нему подходит мрачный Ахав. Он стоит и смотрит, как кузнец выхватывает из огня раскаленное железо и обрушивает на него молот. Стремительная стая искр разлетается во все стороны.

— Как горячи эти искры, Перт, они отчаянно жгутся; почему же они не обжигают тебя?

— Потому что я весь обожжен, капитан Ахав.

— Что это ты ковал, Перт?

— Перековывал старый гарпун. Он был весь в рубцах и зазубринах.

— И ты можешь снова сделать его гладким и острым?

— Да, сэр, могу.

— Ты, верно, можешь разгладить любой рубец и убрать любую зазубрину, каким бы твердым ни был металл, так, кузнец?

— Да, сэр, могу разгладить все рубцы, кроме одного.

— Взгляни сюда, кузнец, — сказал Ахав и горестно провел ладонью по своему иссеченному морщинами лбу. — Ах, если бы ты мог стереть мои морщины и разгладить этот рубец? С какой радостью я лег бы под самый тяжелый твой молот…

— О нет, сэр! Я сказал, что могу разгладить все рубцы, кроме одного: кроме такого.

— Он врезался мне в самую кость, кузнец. Весь мой череп в рубцах. Их разгладить могу лишь я. И для этого мне нужен такой гарпун, чтобы и тысячи дьяволов не могли его затупить. Можешь

ты выковать такой гарпун?

— Могу, сэр.

— Ну так живей, за дело! Живей! Живей! Я сам буду раздувать тебе пламя.

Скоро гарпун был готов, и оставалось только закалить его. Перт пододвинул к горну кадку с водой.

— Нет, нет, никакой воды! — воскликнул Ахав. — Тут нужна закалка посерьезнее. Тэштиго! Квикег, Дэггу! Сюда, гарпунщики! Согласны дать мне свою кровь, чтобы закалить в ней гарпун для Белого Кита?

И выхватив у Перта клещи, он поднял над головой рас-каленный гарпун.

Гарпунщики молча кивнули. Они выхватили ножи, и горячая кровь заструилась в чашу.

— Крещу тебя не во имя бога, а во имя дьявола! — вскричал Ахав, и смертоносная сталь с шипеньем погрузилась в кровь.

Так закален был гарпун Ахава.

В раструб гарпуна вогнали шест, Ахав взял в руки свое оружие и хмуро зашагал на шканцы. Костяная нога и ореховый шест мертво стучали по доскам палубы.

Глава пятьдесят седьмая Счастливчик «Холостяк» возвращается домой

Теперь мы находились почти в самом центре промыслового района, и охотничий азарт охватил всю команду «Пекода». Матросы целыми сутками не выходили из вельботов, до полного изнеможения преследуя китов. Но результаты охоты пока еще были невелики.

Однажды мы встретили нантакетский китобоец «Холостяк», на котором уже закупорили последнюю бочку масла и задраили переполненный трюм. Празднично разукрасив свой корабль, счаст-ливые китобои возвращались домой.

Это было действительно веселое зрелище. Дозорные на мачтах повязали свои шляпы длинными красными лентами, развевавшимися по ветру. На вантах трепетали флажки и вымпелы. К бушприту хвастливые китобои подвесили громадную челюсть кашалота. Бочки и бочонки со спермацетом были установлены всюду, где только возможно.

Впоследствии мы узнали, что «Холостяку»

сопутствовала редкостная удача, тем более удивительная, что другие китобойцы, промышлявшие в этих же водах, целыми месяцами не могли добыть ни одного кита. А на «Холостяке» не только раздавали запасы говядины и сухарей, чтобы освободить место для спермацета, но еще и выменивали у встречных пустые бочки, и, наполнив их спермацетом, устанавливали в каютах, так как на палубе уже места не было. Говорили даже, что матросы законопатили и просмолили свои сундуки и налили в них спермацет, что стюард заткнул носик кофейника, чтобы хранить в нем спермацет, а кок заполнил спермацетом котел, так что не в чем было варить суп, а гарпунщики налили спермацет в раструбы своих гарпунов, и что вообще на судне спермацетом было заполнено все, кроме карманов капитанских штанов, которые он оставил пустыми, чтобы было куда засовывать руки в минуты особенного самодовольства и благодушия.

Корабль-счастливчик приблизился к мрачному «Пекоду», и мы услышали варварский шум и гулкие удары, а немного спустя разглядели толпу матросов, окруживших огромные котлы салотопки, превращенные в барабаны. На котлы была натянута кожа с брюха черного дельфина,

и весельчаки дружно колотили по ней кулаками, извлекая грохочущие дикарские звуки, под которые на шканцах плясали офицеры и гарпунщики с темнокожими девицами, сбежавшими с Полинезийских островов. Капитан «Холостяка» — властелин и повелитель всего этого веселья — гордо высился на приподнятой части шканцев с бутылкой и стаканом в руках.

Ахав тоже стоял на шканцах своего корабля. И когда корабли поравнялись, один — ликующая благодарность за то, что было, другой — тяжелое предчувствие того, что

будет — то оба капитана олицетворяли глубочайший контраст этой сцены.

— Давай сюда, старик! К нам! Выпьем за удачу! — кричал веселый капитан «Холостяка», потрясая бутылкой.

— Не видел ты Белого Кита? — проскрипел в ответ ему мрачный Ахав.

— Видеть не приходилось, а слышать случалось, да только я в него не верю. Иди сюда!

— Плыви себе! — ответил Ахав. — Что-то больно ты весел. Никто из команды не погиб?

— А, ерунда! Всего лишь двое черномазых! Но что ж ты, старина, стоишь? Иди к нам, у нас весело. Трюмы полны, и мы возвращаемся домой.

— А у меня трюмы пусты и я иду из дому, так что нам не по пути, — еще мрачнее сказал Ахав и крикнул матросам: — На баке! Ставь все паруса! Руль на ветер!

И корабли разошлись. «Холостяк» весело и легко несся к дому, подгоняемый попутным ветром, а «Пекод» шел навстречу ветру, мрачно и упрямо пробиваясь к своей гибели.

Глава пятьдесят восьмая
Ночной разговор

В жизни часто бывает, что стоит нам встретить баловня судьбы, как мы и сами, хотя нам только что смертельно не везло, чувствуем порыв стремительного ветра, который наполняет наши совсем было поникшие паруса. Так, видно, получилось и с «Пекодом». Уже через день после свидания с «Холостяком» было замечено стадо китов и четыре из них убиты, причем одного убил сам Ахав.

Еще до наступления сумерек три подбитых кита были пришвартованы к борту «Пекода», а четвертого ветер отнес так далеко, что до утра его пришлось оставить в море, и команде, добывшей этого кашалота, предстояло провести подле него всю ночь. Это была команда Ахава.

В дыхало мертвого кита воткнули сигнальный шест. Привязанный к нему фонарь бросал тревожные мерцающие блики на черную лоснящуюся спину туши и потемневшие морские волны, которые с тихим плеском омывали мертвого кита, словно береговую скалу уснувшего

острова.

В вельботе Ахава все спали. Только Федалла, сидевший на носу, поджав под себя ноги, следил за хищной игрой акул, кружащихся возле гигантского трупа, то и дело задевая хвостами борта лодки.

Вдруг Ахав вздрогнул и очнулся от дремоты. Прямо против себя во тьме он различил фигуру Федаллы.

— Опять мне снился этот сон, — сказал Ахав.

— Про катафалк? — спросил Федалла. — Ведь я же говорил тебе, старик, что у тебя не будет ни катафалка, ни гроба.

— Я знаю, — ответил Ахав. — Какой катафалк, когда я умру в море!

— Но я говорил тебе, что прежде чем умереть, ты еще увидишь два катафалка, — сказал Федалла. — К одному из них не прикасалась рука столяра. Другой сделан из леса, выросшего в Америке.

— Так, так, — усмехнулся Ахав. — Занятная это будет картина: катафалк с плюмажем плывет по океану, а за ним бегут плакальщицы-волны. Ха! Не скоро мы, должно быть, такое увидим!

— Верь или не верь мне, старик, но ты не умрешь, пока не увидишь этого.

— А ты, Федалла?

— А я отправлюсь впереди тебя твоим лоцманом.

— И чтобы повести меня за собой на тот свет, ты сначала пойдешь туда сам, разузнать дорогу? Так, кажется, ты говорил?

— И еще, старик, запомни вот что, — промолвил Федалла, и глаза его зажглись в темноте, как у кошки. — Лишь петля принесет тебе смерть.

— Ты хочешь сказать, виселица? В таком случае я бес-смертен! — Ахав расхохотался. — Бессмертен на суше и на море!

И оба сразу замолчали, и долго сидели, не произнося ни слова.

Глава пятьдесят девятая
Разбитый квадрант

«Пекод» приближался к экватору. Каждый день незадолго до полудня Ахав с квадрантом в руках забирался на нос своего вельбота, подвешенного на шканцах, готовясь определить наше местонахождение.

Летние дни здесь, вблизи Японии — это ликующее торжество лучезарного света. Ослепительное солнце пылает на раскаленном безоблачном небе, и в этом немеркнущем сиянии мир беспредельно обнажен. Квадрант Ахава был снабжен цветными стеклами, иначе солнечное пламя выжгло бы ему глаза.

Всецело поглощенный ожиданием того момента, когда солнце займет на небе должное положение, капитан сидел в вельботе, слегка покачивающемся в лад с кораблем. А под ним, на палубе, стоял коленопреклоненный Федалла, так же, как и Ахав, устремив лицо к солнцу; только веки его были полуопущены и от этого его лицо казалось лицом мертвеца.

Наконец нужные измерения были сделаны,

на костяной ноге, как на бумаге, произведены расчеты, и местоположение корабля определено.

Ахав снова поднял голову к солнцу.

— Ты великий маяк и искуснейший лоцман, — сказал он. — Ты точно указываешь мне, в какой точке земного шара я нахожусь сегодня. Но можешь ли ты хотя бы примерно указать, где я буду завтра? Или где сейчас находится Моби Дик?

Затем он перевел взгляд на свой квадрант и, задумчиво перебирая его мудреные приспособления, забормотал:

— Дурацкая побрякушка! Люди гордятся тобой, твоей непогрешимой точностью. Но что ты можешь? Ни один инструмент, сделанный рукой человека, никакой научный расчет не предскажут мне моей судьбы. Ничтожная забава капитанов и адмиралов! — И он швырнул квадрант на палубу. — Я не стану больше доверять тебе, прокладывая курс своей жизни. Лаг и компас поведут меня в море и укажут, где я нахожусь.

Незамеченный Ахавом Федалла поднялся с колен и молча скользнул прочь. Матросы, напуганные выходкой капитана, столпились на баке, Ахав увидел их, отшвырнул ногой обломки инструмента и вдруг вскричал:

— К брасам! Руль к ветру! Смена галса!

В тот же миг реи пронеслись над палубой, судно сделало резкий поворот и три высокие мачты грациозно качнулись в воздухе.

Глава шестидесятая
Буря

Только что небо было ясным и безоблачным и ослепительно сверкали мирные воды океана, как вдруг, будто бомба разорвалась над мирным городом, налетел страшнейший из штормов — тайфун. К вечеру с «Пекода» сорвало все паруса, море ревело и бесновалось, небо раскалывалось под ударами молний, и сверкающие вспышки выхватывали из темноты дрожащие голые мачты с обрывками парусины и беспомощный корабль, то вздымающийся на гребни пенистых валов, то падающий между ними в бездну.

Старбек, ухватившись за ванту, стоял на шканцах и всякий раз, как вспыхивала молния, задирал голову кверху, пытаясь разглядеть, какой еще новый урон нанесен перепутанным снастям. Стабб и Фласк командовали матросами, которые подтягивали и закрепляли вельботы. Но усилия их были тщетны. Громадная волна, разбившись о борт кренящегося судна, налетела на вельбот Ахава, подтянутый под самые шлюп-балки, и проломила его днище.

— Плохо дело, мистер Старбек! — крикнул веселый Стабб. — Но море есть море, с ним не поспоришь. Мы с вами развлекаемся по-своему, а оно — по-своему. Верно поется в старой матросской песне (поет):

Эх, веселый нынче шторм,
Размахался кит хвостом.
Волны катят за китом,—
Ай да славный старикан —
Наш бездонный шаловливый океан!
Прямо в небо пена бьет —
Это эль из кружки пьет
Толстый пьяный кашалот,—
Ай да славный старикан —
Наш бездонный шаловливый океан!
Кораблю конец придет —
Кит и глазом не моргнет,
Будет плыть по-прежнему вперед.
Ай да славный старикан —
Наш бездонный шаловливый океан!

— Замолчи, Стабб! — вскричал Старбек. — Достаточно того, что поет тайфун. А ты держи свои песни про себя, я и так знаю, что ты храбрый

человек.

— Кто вам сказал, что я храбрый? Я потому и пою, что хочу заглушить свой страх. И еще вот что я вам скажу, мистер Старбек: есть только один способ заставить меня замолчать — это перерезать мне глотку. Но и тогда я еще спою напоследок.

— Безумец! — воскликнул Старбек, — неужели ты не понимаешь, что все это значит? — Он схватил Стабба за плечо и вытянул руку навстречу урагану. — Смотри! Шторм идет как раз оттуда, куда стремится капитан. Ведь именно сегодня, разбив квадрант, Ахав взял этот курс. Теперь взгляни на его вельбот — ты видишь, где он проломлен? Как раз там, где место капитана. Неужели и этих предзнаменований недостаточно?

Опять сверкнула зловещая молния, и вслед за ней мрак сгустился еще больше. Чей-то голос раздался возле Стар- бека, но новый грозовой залп, грянувший с неба, заглушил его.

— Кто здесь? — спросил Старбек.

— Это я, старый Громобой! — ответил Ахав, ощупью пробираясь вдоль борта.

Одна за другой изломанные пики молний вонзались в воду.

Подобно тому, как на суше ставят на высоких

колокольнях и башнях громоотводы, чтобы отвести в землю удары молний, так и на море некоторые суда несут громоотводы на своих мачтах. В ясную погоду нижние концы громоотводов поднимают на палубу, а во время грозы сбрасывают в воду.

— Громоотводы за борт, живо! — приказал Старбек матросам.

— Не надо! — крикнул Ахав. — Будь что будет! Играем честно: мне не нужно преимущество!

— Взгляните наверх! — воскликнул Старбек. — Огни святого Эльма!

Все три мачты «Пекода» были увенчаны огненными языками, словно три гигантских свечи. Мертвенно бледные огни горели и на концах реев.

В этот момент Стаббу, пытавшемуся спасти свой вельбот, прижало тросом руку.

— К черту эту лодку! Пропади она пропадом! К дьяволу! — заорал он, но вдруг заметил огни, и голос его совершенно переменился. — Святой Эльм! Смилуйся над нами!

Ругань на корабле — дело самое обычное. Моряки поминают и бога и дьявола и в штиль и в бурю. Но никто не отпустит крепкого словца, если Святой Эльм отметил корабль своим огненным

перстом.

Покуда горело на мачтах это мертвенное сияние, на палубе все молчали. Словно околдованные, стояли матросы на баке, теснее прижимаясь друг к другу, и глаза их, освещенные призрачным светом, мерцали, как далекие звезды. Неподвижный Дэггу, огромный черный негр, казался сгустком ночного мрака, застывшим в грозном ожидании чуда. Тэштиго разинул от удивления рот, и акульи зубы его сверкали, будто и они светились в насыщенной электричеством атмосфере. А таинственные знаки, вытатуированные на широкой груди Квикега, озаренные сверхъестественным светом, горели синим пламенем преисподней.

Наконец сияние стало меркнуть, и вскоре весь корабль снова погрузился в непроницаемую ночную мглу. Но не успели люди прийти в себя, как вновь на верхушках мачт увидели белое пламя, еще более таинственное и зловещее, чем прежде.

— Святой Эльм, смилуйся над нами! — опять воскликнул Стабб.

Теперь Ахав стоял у подножия грот-мачты, а возле него опустился на колени Федалла, его неотступный оруженосец.

— Глядите, люди! — сказал Ахав. — Запомните этот божественный свет. Он освещает мне путь к Моби Дику. Подайте мне конец громоотвода. Я хочу почувствовать пульс грозы. Вот так. Теперь наши сердца бьются в унисон.

— Гарпун! Гарпун! — вскричал Старбек. — Взгляни на свой гарпун, старик!

Гарпун Ахава, выкованный Пертом и закаленный в крови гарпунщиков, был накрепко привязан на носу вельбота, разбитого волной. Вода сорвала с него кожаный чехол, и на остром стальном лезвии все увидели дрожащий язычок белого пламени, раздвоенный, точно змеиный язык. Глядя на это пламя, Старбек схватил Ахава за локоть:

— Сам бог против тебя, старик! Это дурное плавание, дурно началось оно и дурно кончится. Вернемся, пока еще не поздно. Этот шторм, грозящий разнести наше судно в щепки, мы обратили бы в попутный ветер, если бы повернули к дому. Вернемся! Посмотри, на востоке, куда мы идем, сплошной мрак, только сверкают молнии, а на западе, там, где остался Нантакет, я вижу свет. Вернемся домой, старик, пока мы все не погибли. Вели брасопить реи!

Ужас Старбека овладел и матросами, слышавшими его слова, и они кинулись к брасам, готовые выполнить при-казание, забыв о том, что наверху не осталось ни клочка парусины. Но, увидев это, Ахав схватил свой пламенеющий гарпун и, взмахнув им, точно факелом, воскликнул, что пронзит первого, кто прикоснется к снастям.

— Мы все связаны одной клятвой, — прого-

ворил он. — Я связан этой клятвой по рукам и ногам. Я поклялся душой и телом, печенью и селезенкой, легкими и сердцем. И если осталась во мне хоть искра страха, я задуваю ее вот так! — И он дунул на огненное острие своего гарпуна и загасил его пламя.

Глава шестьдесят первая
Мушкет

Пока неистовый тайфун играл «Пекодом», нашего кормчего не раз швырял на палубу внезапный рывок костяного румпеля, который хоть и закрепили предохранительными талями, но закрепили не намертво, чтобы оставить ему некоторую подвижность.

В такие свирепые штормы, когда судно, точно мячик, мечется из стороны в сторону под ударами ветра, нередко бывает, что стрелки корабельного компаса вдруг начинают беспорядочно крутиться, словно позабыв, где находятся север, юг, запад и восток. Так случилось и на «Пекоде»: от каждого толчка стрелки начинали вращаться с бешеной скоростью, безостановочно описывая круг за кругом, а такое зрелище смутит и самого опытного рулевого.

Вскоре после полуночи тайфун несколько утих. С от-чаянными усилиями Старбеку и Стаббу удалось срезать трепещущие остатки парусов, которые полетели по ветру, словно перья, вырванные штормом из крыла альбатроса. На их

место были подняты три новых зарифленных паруса, поставили также и штормовой трисель, и вот уже наш корабль снова уверенно резал волны, придерживаясь заданного курса: восток — юго-восток. К тому же притихший ветер стал менять направление и постепенно из встречного превратился в попутный.

— Ого! Попутный ветер! Веселей! О-хей! — запели по-веселевшие матросы, радуясь хоть маленькой удаче, при-шедшей на смену зловещим предзнаменованиям.

Выполняя приказ Ахава, в любое время суток докладывать ему обо всех переменах на палубе, хмурый Старбек неохотно пошел к нему. Прежде чем постучать в дверь капитанской каюты, он невольно задержался перед нею. Висячая лампа, то вспыхивая, то угасая, раскачивалась под

потолком кают-компании, бросая неровные колеблющиеся тени на тонкую дверь капитанской каюты. Здесь, в кают- компании, словно в подземной глубине, изолированной от всего остального корабельного мира, всегда царила гудящая тишина, даже если снаружи неистово ревели стихии. В стойке у передней стенки каюты слегка поблескивали мушкеты.

Старбек был человек прямой и честный, но, ко-

гда он увидел эти мушкеты, в душе его родилась злая мысль. Однако она была так переплетена с другими мыслями, добрыми и чистыми, что даже сам он не сразу распознал ее.

«Однажды он чуть не убил меня, — думал Старбек. — Да, вот из этого мушкета с серебряной чеканкой. Заряжен? Надо проверить. Да, заряжен… это нехорошо… Зачем я стою здесь с мушкетом в руках? Ведь я пришел доложить Ахаву, что ветер стал попутным. Попутный ветер? Но куда он дует? Не туда ли, где ждет нас встреча с Моби Диком? Не туда ли, где все обещает нам гибель?.. Вот это дуло он направил в мою грудь, вот это… Он готов убить меня, готов убить любого, погубить нас всех. Разве я не знаю, что он сумасшедший? Неужели этот помешанный старик увлечет на дно команду целого китобойца?.. Чует мое сердце, что быть беде. Если он и дальше поведет корабль, то станет убийцей тридцати человек, а если… а если… но это значит — совершить преступление. Ха! Он что-то бормочет во сне. Он спит — там, в углу его койка. Спит? Но он жив и скоро проснется. И тогда мне не выстоять против тебя, старик! Ни уговоров, ни убеждений, ни просьб ты не слышишь — ты презираешь все слова; слепое подчинение твоим безумным

приказам — вот что тебе надо… Но нет ли какой-нибудь другой возможности обезвредить его? Может, связать его, запереть и отвезти домой? Какое там! Глупец, кто это замыслит. Если даже удастся связать его, кругом опутать канатами и тросами и приковать цепью к койке, он будет страшнее плененного тигра. Я не мог бы смотреть на него, не вынес бы его воя, я бы и сам сошел с ума. Так что же делать? Разве я стал бы убийцей, если бы был другой выход? Разве господь бог не оправдает меня за то, что я хочу спасти жизнь тридцати человек?.. — Старбек медленно поднимает мушкет, упирает его дулом в дверь. — Вот так, на этой высоте качается койка безумца. Он лежит головой сюда, к двери. Стоит только нажать курок, и Старбек вернется домой, обнимет жену и сынишку. О, Мэри, Мэри! О, мой мальчик! А если я пощажу его, кто знает, в какой бездонной глубине окажется через неделю тело Старбека и тела всех членов экипажа. Так что же делать, научи меня, боже, что делать?»

— Табань! Табань! О, Моби Дик, наконец-то я добрался до твоего сердца!

Эти слова раздались из-за двери. Их выкрикнул забывшийся в тяжелом сне Ахав. Мушкет задрожал в руках Старбека. Мгновение Старбек

боролся с собой, потом поставил оружие на прежнее место и поднялся наверх.

— Он спит слишком крепко, мистер Стабб, я не мог его разбудить. Спустись-ка к нему ты.

Глава шестьдесят вторая
Компас

На следующее утро волнение еще не улеглось. Дул сильный устойчивый ветер, и сам небосвод казался громадным надутым парусом. В ярком утреннем небе горело солнце, посылая на землю пронзительные лучи. Море было подобно чаше кипящего золота.

Ахав молча стоял на шканцах. Всякий раз, когда корабль зарывался носом, он устремлял свой взор на расцвеченные солнцем брызги над бушпритом, и всякий раз, когда корабль садился на корму, он оборачивался назад и глядел, как золотые солнечные лучи сливаются с пенными струями кильватерного следа.

Но вдруг он бросился к румпелю и потребовал, чтобы рулевой назвал ему курс.

— Восток — юго-восток, сэр! — ответил рулевой.

— Врешь! — и Ахав ударил матроса крепко стиснутым кулаком. — Идем на восток, а солнце все утро светит в корму?

На палубе все замерли в недоумении; замечен-

ное Ахавом обстоятельство почему-то ускользнуло от внимания других — быть может, сама очевидность его была тому причиной.

Ахав посмотрел на стрелки компаса и покачнулся. Стоявший с ним рядом Старбек тоже опустил взгляд на компас и — боже мой! — увидел, что обе стрелки указывают курс на восток, между тем как «Пекод» шел прямо на запад. Матросы, находившиеся вблизи, по испуганному взгляду Старбека поняли, что случилось что-то чрезвычайное. Но Ахав, коротко рассмеявшись, воскликнул:

— Ничего страшного! Это случалось и прежде. Ты ведь, наверно, слыхал, Старбек, что сильная гроза иногда пере- магничивает стрелки компаса?

— Да, сэр, слыхал, — хмуро ответил помощник, — только со мной такого еще не бывало.

Надо сказать, что такие случаи действительно иногда бывают на судах в сильную бурю. Притом размагниченная стрелка компаса никогда уже сама по себе не обретает прежней силы, и если грозовые разряды портят на корабле один компас, то испорчены бывают и все остальные, будь они даже врезаны хоть в самый киль. А что значит для корабля оказаться в безбрежном океане без

компаса, легко представит себе каждый, так же, как и ту тревогу, которая при этом охватывает всю команду.

С минуту Ахав стоял неподвижно, потом вытянул руку к солнцу и, проследив за тенью, убедился в том, что стрелки повернуты ровно на 180 градусов. Тогда он приказал вести корабль по перевернутой картушке, и снова неустрашимый и обреченный «Пекод» принял удары встречного ветра, ибо ветер попутный лишь посмеялся над ними.

Глава шестьдесят третья
Лаг

Уже много месяцев длилось последнее плавание несчастного «Пекода», но до сих пор лаг еще ни разу не бывал в употреблении. Деревянная вертушка этого инструмента, предназначенного для определения скорости корабля, вместе с длинным линем, на котором лаг опускается в воду, столь долгое время висели без дела за кормой, что по- степенно от солнца и ветра, от дождя и соленых брызг и пенька и дерево сгнили и пришли в полную негодность.

Но вот однажды Ахав обратил внимание на вертушку и внезапно отдал приказ:

— Лаг за борт!

Подбежали двое матросов. Вместе с Ахавом они перешли на подветренный борт и стали там, где палуба накре-нившегося судна была почти вровень с пенящимися валами. Седоволосый Матиас, уроженец острова Мэн, держал в руках вертушку и разглядывал линь.

— Мне кажется, сэр, — сказал он, — линь ненадежен. Он сгнил, сэр. Слишком долго он висел

под дождем.

— Ничего, старик, выдержит, — ответил Ахав. — Ты тоже немало времени провел под дождем, однако не сгнил. Ну и он выдержит.

— Слушаюсь, сэр! — ответил старый матрос. — Не при моих сединах спорить с капитаном. Как прикажете.

Вертушка полетела в море и скрылась в волнах. Линь натянулся. В руках Матиаса завертелся маховичок со стрел-кой, указывающей скорость судна. И вдруг — ттрах! Линь лопнул. Вертушка осталась в океане.

Ахав горько усмехнулся:

— Сначала я разбиваю квадрант, потом гроза перемагничивает мой компас, а теперь волны разрывают лаг-линь! Плохи дела твои, Ахав! Но ничего, прикажу плотнику сделать новую вертушку, а ты, Матиас, выбери остатки линя, а потом нарастишь новый. А ты, Пип, зачем пришел сюда? Помочь мне?

— Пип? Кого называют Пипом? Пипа здесь нет, он вы-прыгнул из вельбота. Или, может быть, это его ты тянешь из моря, Матиас? Хочешь спасти его? Не надо, брось, брось его, нам не нужны трусишки. Ой, что это там? Его рука показалась из воды! Капитан Ахав! Сэр! Там Пип, он хочет

забраться на корабль!

— Тихо ты, идиотик! — воскликнул старый Матиас, хватая мальчика за плечо. — Убирайся отсюда!

— Не трогай его, старик, — сказал Ахав. — Где ты видишь Пипа, малыш?

— Вон он, сэр! Там, за кормой!

— А сам ты кто, малыш?

— Я мальчик-колокольчик, сэр! Дин-дон, дин-дон. Я ко-рабельный колокольчик. Дин-дон, дин-дон. Я тоже ищу

Пипа, капитан, я бы узнал его с первого взгляда, этого трусишку. Дин-дон, дин-дон.

— Ах ты, бедняга, — сказал Ахав, — дай мне руку. Пока Ахав жив, он не оставит тебя, малыш. Моя каюта пусть будет и твоей каютой. Идем со мной.

— Что это такое? Разве бывает акулья кожа такой мягкой и ласковой? — воскликнул негритенок, поглаживая ладонь Ахава. — Ах, бедный Пип! Если бы кто-нибудь был к нему так добр, он, может быть, остался бы жив. О, сэр! Велите кузнецу склепать эти две руки, мою маленькую черную руку с вашей большой белой рукой. Я не отпущу ее никогда в жизни.

— Ия тоже, малыш, не отпущу твою руку, если

только не увижу, что тяну тебя за собой в мир еще более ужасный, чем этот. Идем же в каюту, маленький. Я держу твою черную ладошку и горжусь этим больше, чем гордился бы рукопожатием императора!

Матиас, выбравший из воды остатки линя, посмотрел им вслед.

— Вот идут двое свихнувшихся, — пробормотал он. — Один свихнулся от силы, другой — от слабости. А вот и конец гнилого линя.

Капитан велел его нарастить. Пожалуй, вернее все-таки взять новый линь. Поговорю-ка я об этом с мистером Старбеком.

Глава шестьдесят четвертая
Спасательный гроб

Мы шли пустынными водами, не встречая ни единого судна. Ровные неизменные пассаты наполняли паруса, невысокие волны монотонно вздымались за бортом. Безлюдное однообразие океана словно готовило нас к событиям бурным и драматическим.

И вот однажды, когда корабль в предрассветной мгле неслышно скользил мимо цепи скалистых островков, ночная вахта, возглавляемая Фласком, вдруг услыхала за бортом такой отчаянный, такой жалобный крик, что матросы, все как один, замерли в оцепенении, не в силах шевельнуться от ужаса. Что это было? Может, и правда, это голоса утопленников, как утверждал седовласый Матиас?

Ахав в это время спал у себя в каюте и ничего не слышал. Когда на рассвете он вышел на палубу и Фласк, не скрывая суеверного страха, рассказал ему о ночном происшествии, добавив, что ночные вопли, раздававшиеся за бортом, безусловно не к добру, Ахав рассмеялся. Он объяснил, что

островки, возле которых проплывал «Пекод», служат прибежищем стадам тюленей, и, очевидно, ночью детеныши тюленей, потерявшие своих матерей, или, может быть, матери, потерявшие детенышей, всплыли возле корабля и некоторое время оставались поблизости, вопя и всхлипывая, как это делают все тюлени, попавшие в беду. Однако такое объяснение не успокоило матросов, потому что многие моряки относятся к тюленям с каким-то суеверным страхом, отчасти вызванным удивительным сходством их умных глаз с глазами людей. Не раз бывало, что выразительную тюленью морду, выглядывающую из воды, принимали за лицо плывущего человека, неизвестно откуда вдруг появившегося в океане.

Дурным предчувствиям матросов в то утро было суждено сбыться, ибо один из дозорных ценой своей жизни подтвердил, что вопли тюленей не к добру. На рассвете этот матрос вылез из койки и, еще не проснувшись как следует, прямым курсом отправился на фок-мачту. Не прошло и минуты, как вдруг раздался его крик, он полетел в море и с легким всплеском скрылся в волнах.

С кормы сейчас же бросили спасательный буй — длинный тонкий бочонок — но из пучины не поднялась рука, чтобы ухватиться за него, а буй

— иссохший и потрескавшийся на солнце, сразу же стал наполняться водой. Сама пересохшая древесина впитывала в себя влагу, и так как буй был обит железными обручами и сколочен гвоздями, то он стал тонуть и пошел ко дну вслед за погибшим матросом, которому мог послужить лишь подушкой, да и то, впрочем, довольно жесткой.

Так был проглочен океаном первый же моряк, взобравшийся на мачту, чтобы увидеть Белого Кита в его собственных владениях. Но тогда это никому не пришло в голову, и команда увидела в случившемся не еще одно предзнаменование дурного будущего, а лишь исполнение дурных предчувствий, связанных с ночными воплями тюленей. И только старый Матиас озабоченно качал седой головой.

Потонувший буй нужно было заменить новым. Заняться этим было поручено Старбеку, однако на корабле не нашлось никакого материала, подходящего для этой цели, и корма «Пекода», наверное, так и осталась бы без спасательного буя, если бы не Квикег, который предложил использовать свой гроб.

— Как, — воскликнул Старбек, — спасательный буй из гроба?

— Да, странная идея, — отозвался Стабб.

— А что ж, — сказал Фласк, — отличный получится буй. Плотник мигом сделает все, что надо.

Принесли гроб, позвали плотника.

— Переделай этот гроб в спасательный буй, — приказал Старбек плотнику. — Ну, чего ты на меня уставился?

— В спасательный буй? — переспросил плотник.

— Да.

— Вот этот гроб?

— Да, этот гроб.

— И крышку забить?

— Да.

— И щели законопатить?

— Да.

— И вы думаете, сэр, что этот гроб сохранит кому- нибудь жизнь?

— Молчать! — прикрикнул Старбек. — Я сказал: оборудовать из гроба спасательный буй — вот и все. Изволь делать!

«Ишь ты, таки зашелся от гнева, — ворчал плотник, когда Старбек ушел. — Ну и работка, что-то не по душе мне она. Спасательный гроб — слыханное ли дело? Вот сделал я ногу капитану Ахаву, так он ее носит, как джентльмен. А сделал гроб этому дикарю Квикегу, так он не пожелал,

видите ли, умереть, изволь теперь превращать гроб в спасательный буй. Ну и ну! Хорошо хоть, что дела-то тут немного— приколотить крышку, законопатить швы, просмолить все как следует да приладить пружину, чтобы она сбрасывала этот спасательный гроб за борт. Ну что ж, начнем помаленьку. Это сколько же у нас на «Пекоде»

всего человек? Что-то забыл. Кажется, тридцать. Стало быть, надо нарезать тридцать линьков по три фута каждый и приделать их вокруг всего гроба. Что б каждому досталось по веревочке. А не то хороша была бы картинка: корабль идет ко дну, а тридцать молодцов дерутся из-за одного гроба!

Глава шестьдесят пятая
Встреча с безутешной «Рахилью»

На следующий день дозорные «Пекода» увидели нантакетский китобоец «Рахиль». Подняв все паруса, он несся прямо на нас. Его реи были усеяны людьми, которые что-то высматривали в море.

— Дурные вести, — пробормотал старый Матиас, разглядывая приближающийся корабль, — он несет нам дурные вести.

Но не успел еще капитан «Рахили», стоявший на шканцах с рупором в руках, окликнуть «Пекод», как Ахав уже задал ему свой неизменный вопрос:

— Не видели Белого Кита?

— Видели, только вчера, — ответил капитан «Рахили», — а вы не видели в море вельбота с людьми?

Ахав, подавив радостный вопль, готовый сорваться с его губ, отрицательно ответил на неожиданный вопрос и уже приказал было матросам доставить его на «Рахиль», чтобы он мог подробнее расспросить о встрече с Белым Китом,

но капитан «Рахили» опередил его и через минуту уже поднимался из своей шлюпки на борт «Пекода».

— Где ты встретил Белого Кита? — бросился навстречу ему Ахав, даже не поздоровавшись. — Расскажи, как это было. Он еще не убит?

Оказалось, что вчера днем, когда три вельбота «Рахили», преследуя небольшое стадо китов, отошли от корабля миль на пять, неподалеку от китобойца вдруг показался из воды белоснежный горб Моби Дика. Тотчас же на воду спустили четвертый, запасный, вельбот, и, поставив парус, он погнался за Моби Диком, уходившим в сторону, противоположную той, где охотились другие вельботы. Через некоторое время дозорный с мачты сообщил, что им, по-видимому, удалось взять Белого Кита на линь. Со своего поста он видел, как вельбот уходил все дальше и дальше, потом на горизонте вскипел белый бурун и все исчезло. Решили, что подбитый кит слишком далеко увлек своих преследователей — это случается довольно часто, — и капитан, хотя и обеспокоился, но не особенно тревожился за судьбу своих матросов. На мачту подняли фонарь, потому что уже стемнело. Пока подбирали те вельботы, которые были вблизи «Рахили», про-

шла половина ночи, и только под утро, поставив все паруса и чуть ли не всю команду посадив на реи в качестве дозорных, китобоец устремился вслед за пропавшим вельботом. Достигнув того места, где его видели в последний раз, спустили на воду лодки, которые обыскали все вокруг; не обнаружив никаких следов, корабль, подняв на борт лодки, снова устремился вперед и через некоторое время опять остановился, и снова спущенные на воду вельботы долго плавали по морю в надежде отыскать хоть какой-нибудь след пропавших. Так продолжалось весь день, и все же ничего найти не удалось.

Поведав эту историю, капитан «Рахили» сказал, что он поспешил к нам потому, что хочет просить помочь ему в поисках пропавшего вельбота.

— Держу пари, — прошептал Стабб Фласку, — что кто- нибудь из команды удрал на этом вельботе, прихватив с собой лучший жилет капитана, а может быть, вдобавок и его часы. Уж больно капитану хочется отыскать этот вельбот. Слыхал ли ты, чтобы два китобойца в разгар сезона рыскали по океану в поисках одного вельбота? Ты только погляди на этого капитана, какой он бледный. Нет, пожалуй, тут дело не обошлось только жилетом и часами, должно быть, у него

стащили еще и...

— Мой сын, мой родной мальчик был на этом вельботе, — воскликнул несчастный капитан «Рахили», — умоляю вас, ради всего святого помогите мне: я зафрахтую ваше судно на сорок восемь часов, я с радостью заплачу вам сколько потребуется, ну прошу вас, не откажите!..

— Сын! — воскликнул Стабб. — Так это своего сына он потерял, вот из-за чего он такой бледный! Да, надо бы помочь бедняге.

— Ему уже не поможешь, — проговорил за спиной Стабба старый Матиас. — Все с того вельбота потонули. Разве мы с вами не слышали, как кричали их души?

Капитан «Рахили» смиренно ждал решения Ахава, но Ахав стоял недвижим и невозмутим.

— Что же вы молчите, капитан? — продолжал умолять его неутешный отец. — У вас и самого есть сын, правда, сейчас он еще мал, но придет время, и он тоже выйдет в море. Помогите мне, капитан Ахав, как я помог бы вам в подобном случае. Да, да. Я вижу, что вы не откажете мне в помощи, что у вас доброе сердце, так давайте же не терять времени. Люди! Бегите к реям, готовьтесь к перемене галса!

— Ни с места! — вскричал Ахав. — Не троньте

брасы! — Затем он произнес медленно и тяжко, словно отливая из стали каждое слово:

— Капитан Гардинер! Я не могу помочь вам. Даже сейчас я непозволительно теряю время. Прощайте, капитан. Надеюсь, бог простит Ахава, а Ахав простит самого себя. Я должен идти прежним курсом, капитан Гардинер, я не могу потерять ни одного часа. Мистер Старбек, позаботьтесь о том, чтобы через три минуты на борту «Пеко- да» не было никого посторонних, затем ложитесь на прежний курс.

Отдав такое приказание, капитан Ахав, ни на кого не глядя, пошел к своей каюте. Капитан Гардинер, пораженный столь категорическим отказом, на минуту оцепенел, потом, беззвучно шевельнув губами, неловко шагнул к борту, спу-стился в шлюпку и вернулся к себе на судно. Корабли разошлись.

Мы еще долго видели, как «Рахиль» поминутно меняла курс, едва заметив на воде малейшее пятнышко. То вправо, то влево устремлялся корабль, паруса то наполнялись ветром, то снова опадали, а реи по-прежнему были усеяны матросами, тревожно разглядывающими океанскую пустыню.

(Ахав направляется к трапу, ведущему на палубу. Пип хватает его за руку и хочет идти за ним.)

Глава шестьдесят шестая
В капитанской каюте

— Не ходи со мной, сынок. Останься здесь. Нельзя тебе повсюду ходить за мной. Жди меня здесь, в каюте, словно ты — капитан. Садись на мой стул, привинченный к полу, и сиди, будто ты и сам к нему привинчен.

— Нет, нет, нет! У вас ведь нет ноги, сэр! Позвольте мне стать вашей ногой, чтобы вы могли на меня опираться.

— О боже! Я видел в этом мире столько подлости, но сейчас опять начинаю верить в сияющую верность человека.

— Мне говорили, сэр, что однажды Стабб покинул в океане Пипа, а ведь Пип был маленький черный мальчик. Но я вас не покину, капитан Ахав, никогда не покину. Я пойду с вами, сэр!

— Нет, мальчик, это невозможно!

— О, мой добрый господин, мой господин!

— Не плачь, не надо, маленький! Ты будешь слушать, как стучит по палубе моя нога, и по стуку узнаешь, где я. Да благословит тебя господь!

(Ахав ушел. Пип делает шаг вперед.)

— Он ушел, а я остался. Совсем один. Хотя бы бедный Пип был здесь со мной. Но его нет. Он утонул. Дин-дон- дон! Дин-дон-дон. Кто видел Пипа? Он где-то здесь. Может, за дверью? Ну-ка, посмотрим. Но капитан не велел мне никуда уходить. Сказал, что этот стул — мой, чтобы я уселся здесь, будто я капитан. Говорят, что адмиралы устраивают у себя в каютах большие приемы. Ха! Сколько эполетов! Здравствуйте, здравствуйте, рад видеть вас у себя в гостях! Как странно, что черный мальчик позвал в гости столько белых мужчин с золотыми эполетами, нашивками и лентами. Мсье, не видели ли вы некоего Пипа? Негритенок, пять футов росту, вид подлый и трусоватый! Выпрыгнул из вельбота. Не видали? Нет? Ну что ж, поднимем стаканы, господа и — позор всем трусам! Тс-с! Слышите? Это стучит костяная нога! О, господин мой, господин! Я не уйду отсюда никогда, если даже подводные скалы пробьют доски обшивки и устрицы приползут мне на колени.

Глава шестьдесят седьмая
Ахав несет вахту

Теперь, когда после продолжительного плавания, обойдя почти все промысловые районы, Ахав наконец загнал своего врага в самый угол; теперь, когда изувеченный капитан вернулся в те места, где некогда потерпел свое болезненное поражение; теперь, когда мы встретили китобоев, только вчера столкнувшихся с самим Моби Диком — теперь никто из нас уж не отваживался взглянуть в безумные глаза Ахава. Но взгляд его, как Полярная звезда в долгую арктическую ночь, был всегда с нами, и мы ощущали его, где бы ни находились и что бы ни делали.

Все замерло и затаилось на «Пекоде» под исступленным взглядом капитана. Не слышно стало шуток; улыбка не появлялась больше ни на одном лице; замолк веселый Стабб, молчали и все остальные. Печаль, радость, надежда, отчаяние — все исчезло, подавленное деспотическим безумием капитана.

Но, как никто из нас не мог смотреть в глаза Ахаву, так сам Ахав не мог смотреть в глаза Фе-

далле. Все более загадочным казался нам этот дьявольский рулевой. По временам его вдруг начинала бить какая-то неистовая дрожь, и, глядя на него, матросы сомневались — да человек ли он? Или, может быть, это лишь трепещущая тень, отброшенная на корабль каким-то невидимым существом? А тень эта была на палубе всегда. Ни днем, ни ночью не спускался Федалла вниз; ни днем, ни ночью не смыкал он глаз. Он мог часами стоять не шелохнувшись. Он никогда не садился, не прислонялся к мачте, не держался за фальшборт— стоял, не ведая усталости, и его тусклые мертвые глаза как будто говорили: «Мы, два стража, никогда не отдыхаем».

В любое время суток, когда бы я ни выходил на палубу, Ахав, как и Федалла, всегда был там — стоял у борта или неровным шагом ходил по палубе от грот-мачты до бизани. Шляпа была низко надвинута на его каменное лицо, борода давно небрита и спутана. Он был похож на корневище большого дерева, вырванного бурей из земли. Уже много

дней и ночей он не спускался в свою каюту, посылая туда других, если ему что-нибудь было нужно.

Так Ахав и Федалла несли свою непрерывную

вахту, и хотя они почти не разговаривали друг с другом, какая-то тайна, казалось, их связывала неразрывными узами. При этом Ахав всегда оставался всемогущим повелителем, а Федалла — рабом; Ахав — мачтой, а Федалла — тенью этой мачты, хотя и были оба под ярмом какого-то невидимого тирана.

Каждое утро, с первым неясным проблеском дневного света, гремел на палубе железный голос капитана: «Дозорные, на мачты!» И весь день, до самых сумерек, каждый час, вместе с боем склянок, раздавался его окрик: «Ну, что, ничего не видно? Глядите зорче, дозорные!»

Но вот уже четыре дня прошло с тех пор, как мы встретили безутешную «Рахиль», а на горизонте все еще не было замечено ни одного фонтана. И безумный старик потерял доверие даже к своим дозорным. Однако свои подозрения он держал при себе. Только однажды сказал Стар- беку:

— Я хочу первым увидеть Белого Кита. Золотой дублон достанется Ахаву.

И своими собственными руками сплел себе корзину. Затем, послав на грот-мачту матроса, он приказал ему закрепить наверху блок, через который был пропущен прочный линь. Один конец линя Ахав привязал к своей корзине, затем

приготовил крепкий нагель, чтобы закреплять за него второй конец, и после этого, держа в руке свободный конец, внимательно оглядел всю команду, медленно переводя взгляд с одного лица на другое; надолго задержался на Дэггу, потом на Квикеге, потом на Тэштиго, быстро миновал Федаллу и уверенно остановился на старшем помощнике.

— Возьми этот конец, Старбек, — сказал Ахав. — Я поручаю его тебе.

И, забравшись в корзину, приказал поднять себя наверх, на грот-мачту. Старбеку предстояло закрепить конец линя и следить за ним. Так делается всякий раз, когда кто-нибудь из экипажа работает на мачте, ибо за нагели у борта крепится такое множество концов, которые отдаются и снова крепятся буквально каждую минуту, а тросы, спускающиеся с мачты, всегда так переплетены и перепутаны, что если кто-нибудь по ошибке отдаст не тот конец, в этом не будет ничего удивительного. А человек с верхушки мачты полетит в море. Так что Ахав, назначив старшего помощника своим телохранителем, поступил в полном согласии с морским обычаем. Странно только, что именно Старбека выбрал он для этой цели, Старбека— единственного, кто когда-то

осмелился хоть как-то возражать ему.

В тот первый день Ахав не пробыл наверху и десяти минут, когда откуда-то вдруг прилетел огромный ястреб, красноклювый и злобный, какие часто в этих широтах летают возле мачтовых дозорных, не доставляя им, однако, особых неприятностей. С отвратительным клекотом ястреб принялся описывать круги, потом взмыл вверх и, по спирали спланировав к «Пекоду», вновь стал кружить возле головы Ахава, опускаясь все ближе и ближе к нему.

Ахав, напряженно следивший за далеким и смутным горизонтом, казалось, вовсе не замечал птицы. И, пожалуй, в другое время никто на корабле не обратил бы на нее особого внимания, если бы всякая мелочь не казалась теперь морякам зловещей и значительной.

— Шляпа! Ваша шляпа, сэр! — вдруг закричал матрос, стоявший на бизани позади Ахава и чуть пониже его. — Шляпа, сэр!

Но уже черное крыло скользнуло по лицу Ахава и в ту же секунду ястреб с криком взметнулся в небо, унося в клюве шляпу Ахава.

Он улетал все дальше и дальше, и все, кто был на палубе, следили за его полетом. Вот крошечная черная точка отделилась от птицы и с огромной высоты полетела в воду. Мгновение спустя исчез

и ястреб.

Глава шестьдесят восьмая
Зловещий «Весельчак»

Неистовый «Пекод» с Квикеговым гробом, покачивавшимся на корме в качестве спасательного буя, по-прежнему шел своим курсом, вы-искивая Моби Дика, когда нам встретился еще один китобоец из Нантакета. Он назывался «Весельчак». Имя этого китобойца было чудовищной насмешкой, ибо, приблизившись к нему, мы увидали, что вся команда «Весельчака» погружена в глубокую печаль.

На шканцах китобойца были устроены большие «ножницы» — так называют тяжелые треноги, составляющие некое подобие козел, на которых устанавливают запасные, неоснащенные или поврежденные вельботы. На «ножницах» «Весельчака» были видны белые изломанные шпангоуты и несколько расщепленных досок — все, что осталось от китобойного вельбота. Эти остатки напоминали оголенный, разваливающийся скелет.

— Видели Белого Кита? — крикнул по своему обыкновению в рупор Ахав.

— Вот смотрите! — ответил с юта изможденный капитан «Весельчака», указывая на разбитый вельбот.

— Белый дьявол убит? — с тревогой спросил Ахав.

— Не выкован еще тот гарпун, который убьет его, — мрачно ответил капитан, печально поглядев на шканцы своего судна, где двое матросов молча зашивали мертвеца в парусиновую койку.

— Не выкован? — вскричал Ахав и выхватил из развилки свой гарпун. — А это ты видел, китобой? Смерть Моби Дика в моих руках. Вот она! Эта сталь закалена

в крови и в сплетенье молний, и скоро я еще раз закалю ее в горячем теле Моби Дика — в самом его сердце!

— Ну что ж, да убережет тебя господь, старик! Ты видишь — я хороню одного из пятерых матросов — еще вчера они были живы, но дожить до сегодняшнего рассвета им не пришлось. Я хороню только одного, потому что четверо других были похоронены заживо. Ты теперь плывешь над их могилой. — Он обернулся к матросам. — Ну как, все готово? Тогда кладите на борт доску и поднимите его. — Он простер над покойником руки: — О боже милосердный! Даруй всем мертвым

воскрешение и вечную жизнь!..

— Брасопить реи! Руль под ветер! Живо! — приказал Ахав.

И хотя «Пекод» внезапно рванулся в сторону, мы все же услышали всплеск упавшего в воду тела, и разлетевшиеся брызги донесли до нас дыхание смерти.

Уходя от скорбящего «Весельчака», мы развернулись к нему кормой, и когда там заметили необычный спасательный буй, висевший у нас над гакабортом, мы услышали насмешливый голос:

— Напрасно, земляки, бежите вы от нашего печального обряда. Ведь, повернувшись к нам кормой, вы показываете нам и свой собственный гроб!

Глава шестьдесят девятая
Глаза Федаллы

Был ясный день, пронизанный светлой прозрачной синевой. Лазурь бескрайнего моря — сливалась с голубизной неба. Мягкий и нежный воздух ласкал поверхность океана, вздымавшегося сильными неторопливыми валами. Мрачный Ахав медленно пересек палубу перегнулся через борт. Все пристальнее вглядывался он в бездонную глубину и все глубже и глубже уходило в воду его отражение. И то ли сладостный соленый аромат океана на какое-то мгновение вызвал в его воспоминаниях дни раннего детства, то ли веселый бриз коснулся его иссеченного морщинами лба своей беспечной ладонью, то ли жестокий мир смягчился наконец над своим упрямым и несчастным сыном, только из-под хмурых бровей Ахава упали в море две скупые слезы, и во всем Тихом океане не было сокровища более редкого, чем две эти едва заметные капли.

Старбек внимательно следил за стариком, он видел, как тот склонился над бортом, и верным сердцем почувствовал безмерное рыданье, вдруг

вырвавшееся из самой глубины жестоко запертой души. Осторожно, чтобы не коснуться капитана и не быть им замеченным, он подошел к борту и встал рядом.

Ахав обернулся.

— Старбек?

— Да, сэр!

— Какой мягкий ветер, Старбек, мягкий ветер и мягкое, ласковое небо. В такой же день, в такую же прекрасную погоду я загарпунил своего первого кита. Мальчишка… мне было восемнадцать лет. Я был гарпунщиком. Сорок… сорок лет тому назад. Сорок лет! Сорок лет промысловых рейсов! Сорок лет нужды и лишений! Сорок лет штормов и тайфунов! Сорок лет в безжалостном море! Это много, Старбек! Сорок лет назад я покинул мирную землю и с тех пор веду битву с океаном. И за все это время я не провел на берегу и трех лет. Подумать только, какую жизнь я прожил! Одинокий самовластец, окруженный глухой стеной подчинения. Раб, заточенный в каюту капитана! Подумать только, что за жизнь! Сорок лет питаться высушенной солониной и заплесневелыми корками, когда на берегу даже последний бедняк ест свежие овощи и теплый хлеб… Вдали от молодой жены… Я обвенчался с нею, когда мне было за

пятьдесят, обвенчался и на следующий день уже отплыл в очередной рейс. Жена? Скорее вдова при живом муже! Да, Старбек, я сделал эту девочку вдовой, женившись на ней… И кем я стал? Сгусток безумия, бешенства; кипящая кровь и пылающий лоб. Так все эти сорок лет преследовал Ахав свою добычу. Человек? Нет, скорее демон. О, глупец, глупец, какой же ты глупец, старый Ахав! К чему вся эта борьба? К чему было надрываться на веслах? К чему все эти гарпуны и остроги? Разве стал от этого Ахав богаче и лучше? Взгляни на меня, Старбек! Прочь, седые космы, прочь с моего лба. Вы лезете в глаза и вызываете слезы, как будто я плачу. Какие они седые, будто растут на пепелище, а не на черепе мужчины. Наверное, я выгляжу очень старым, Старбек, очень, очень старым. Я сам себе кажусь старым, как Адам, согнувшийся под тяжестью веков. Стань ближе, Старбек, дай заглянуть в твои глаза. Это лучше, чем смотреть на море или на небо. Клянусь берегом, Старбек, клянусь пылающим камином, что в твоих глазах я вижу свой дом, далекий дом, и свою жену, и сына. Нет, нет, ты останешься на борту, останешься на корабле, когда безумный Ахав бросится в погоню за Моби Диком. Ты не должен рисковать, Старбек, не должен.

— О, капитан! О, мой капитан! Благородная душа! Ве-ликое сердце! Ну для чего нам гоняться за этой ненавистной тебе тварью? Бежим, бежим отсюда! Прочь из этих гибельных мест! Домой! И у Старбека есть жена и сын. Позволь мне изменить курс. С какой радостью, с каким счастьем, о капитан, мы поплывем обратно в наш славный Нантакет! Там, верно, тоже сейчас ясные, мягкие дни.

— Да, точно такие же. Я люблю их — эти теплые летние дни. Сейчас, наверное, мой мальчик просыпается, садится в своей кроватке и мать рассказывает ему обо мне, старом варваре, который ушел далеко в море, но скоро вернется и снова обнимет своего сыночка.

— Вот так же и моя Мэри! Она обещала, что каждое утро будет выходить с малышом на берег, чтобы он увидел, как появится на горизонте парус его отца. Да, да! Довольно! Мы возвращаемся в Нантакет. Идемте, капитан, проложим обратный курс. Мы скоро увидим наших сыновей. Они нас будут ждать на берегу…

Но Ахав уже не слушал его. Он качнулся, точно умирающая яблоня, уронившая на землю последний ссохшийся плод, и забормотал:

— Что это? Что за безвестная, загадочная сила,

что за жестокий повелитель, что за безжалостный владыка правит мной; заставляет меня вопреки всему человеческому, что есть во мне, мчаться все вперед и вперед, без отдыха, без передышки? Да я ли это? Или кто-то другой поднимает за меня руку и отдает приказ? Но если даже солнце движется по небу не своей волей, если ни одна планета не смеет нарушить властно установленную ей орбиту, то как же может быть, чтобы мое сердце и мой мозг были свободнее, чем солнце или звезды? Поверь мне, мой друг, что я не сам себе поставил ту смертельную задачу, которая до

влеет надо мной, как проклятие. Так уж устроен мир, и пусть не обманывает тебя этот ласковый ветерок и это нежное небо, и сладкий аромат цветущих лугов. Где-то на склонах гор теперь самый сенокос, и утомившиеся косцы, должно быть, уснули сейчас на свежем сене. Уснули? Да, Старбек, раньше или позже каждый должен уснуть навеки. И от этого никуда не денешься.

Но Старбек не слышал этих слов. Он уже отошел прочь. А старик снова, перегнувшись через борт, смотрел в воду. Но вдруг он отшатнулся: из воды прямо в лицо ему глядели немигающие, тусклые и мертвые глаза Федаллы, стоявшего там, где только что стоял Старбек.

Глава семидесятая
Погоня. День первый

В эту ночь Ахав, по своему обыкновению, мрачно и молчаливо шагал по палубе. Вдруг он рванулся к борту, схватился за ванту и, подняв голову, принялся втягивать ноздрями морской воздух, точно смышленый корабельный пес, почуявший невидимый берег. Затем он заявил, что где-то недалеко должен быть кит. Скоро и матросы почувствовали своеобразный запах, который иногда действительно распространяется на много миль вокруг спермацетового кита. Поглядев на флюгер и определив направление ветра, Ахав приказал несколько изменить курс корабля. А лишь только забрезжил рассвет, мы увидели на воде, прямо перед собой, уходящую вдаль широкую и гладкую, словно маслянистую, полосу.

— Дозорных на мачты! — приказал Ахав. — Всех наверх!

Дэггу застучал по палубе дубинкой, и в кубрике раздался такой грохот, что матросы тотчас проснулись и выскочили на палубу с одеждой в руках.

— Что видите? — крикнул Ахав дозорным.

— Ничего, сэр! — послышалось сверху.

— Ставить брамсели и лисели! С кормы и с носа, по обе стороны!

Были поставлены все паруса. Ахав торопливо залез в свою корзину и велел поднимать его на мачту. Но не успели матросы поднять капитана на две трети нужной высоты, как, поглядев в просвет между грот-марселем и брамселем, Ахав испустил нечеловеческий вопль, пронзительный, точно крик морской чайки.

— Фонтан! Фонтан! И горб будто айсберг! Это Моби Дик! Моби Дик!

Взбудораженные его воплем, сразу же подхваченным тремя дозорными, матросы стали карабкаться по вантам, желая своими глазами поскорее увидеть легендарного Белого Кита. Ахав тем временем уже достиг своего обычного поста — чуть повыше других дозорных. Прямо под ногами у него, на салинге брам-стеньги, стоял Тэштиго. С этой высоты им был отлично виден Белый Кит, плывший на расстоянии мили от «Пекода». Он вздымал над волнами свой белоснежный горб и посылал к небу бесшумные серебристые фонтаны, подобные тем, какие много месяцев назад лунными ночами появлялись

на горизонте, увлекая «Пекод» за собой в неизведанные дали.

— Неужели никто из вас не заметил его раньше? — спросил Ахав дозорных.

— Я увидел его почти в ту же секунду, что и вы, сэр! — сказал Тэштиго, — и сразу же подал голос.

— Нет, не в ту же секунду, позже, позже! Дублон мой. Судьба хранила его для меня. Я первый увидел Белого Кита. Никто из вас не заметил его раньше. Глядите — фонтан! Еще один! Ах, какие фонтаны! Сейчас нырнет! Лисели на гитовы! Убрать брамсели! К вельботам! Помни, Старбек, ты оста-ешься на борту и ведешь судно. Эй, на руле! Круче к ветру! Так, так держать! Хвост показал!.. Нет, нет, это только черный бурун. Вельботы готовы? Опускайте меня, мистер Старбек. Быстрее, быстрее! — и Ахав молнией скользнул на палубу.

— Уходит прямо по ветру! — крикнул Стабб. — Уходит, уходит! Но нас он еще не заметил.

— Молчи, молчи! Людей к брасам! Руль на ветер! — приказывал Ахав. — Брасы выбирать! Круче! Круче! Так, хорошо. Вельботы! Вельботы!

Все вельботы, кроме Старбекова, были спущены на воду. На вельботах поставили паруса, бешено заработали весла, и лодки помчались по волнам.

Впереди шел вельбот Ахава.

Бледным, мертвенным блеском горели запавшие глаза Федаллы; в страшной гримасе кривился его рот.

Лодки неслись на полной скорости, но и кит плыл быстро. Все глаже и маслянистее становилась поверхность океана, будто кашалот расстилал за собой ковер, усмиряющий волны. Наконец преследователи приблизились к своей жертве настолько, что им отчетливо стал виден белоснежный горб, стремительно скользящий по воде в окружении кипящей зеленоватой пены. Чуть дальше из воды поднималась мощная морщинистая голова. С тихим мелодичным журчанием плыл Моби Дик, оставляя за собой широкий след. Множество маленьких веселых птичек сопровождало его, задевая крыльями и лапками пенные гребни волн и иногда присаживаясь на расщепленное древко остроги, которое торчало в спине кита, подобно флагштоку на корме фрегата.

Спокойно и легко, наслаждаясь тишиной и безопасностью, плыл кит. Как миролюбиво поводил он мягкими боками, посылая в стороны могучие и широкие волны! Не удивительно, что китобои, обманутые и очарованные этой безмятежностью,

отваживаются на решительное нападение, чтобы через минуту убедиться, что за этим безоблачным штилем скрывается страшная буря. О коварный кит! Скольких бесстрашных охотников погубил ты своим обманчивым спокойствием! И скольких еще погубишь!

Так, погрузив покуда в воду свое могучее тело и скрывая от взоров людей самое ужасное свое орудие — громадную перекошенную смертоносную челюсть, плыл Белый Кит по океанскому лону. Но вот передняя часть его туловища стала медленно подниматься из воды и на мгновение вся громадная беломраморная туша изогнулась в воздухе аркой и, угрожающе взмахнув величественным хвостом, исчезла в океанской пучине. И долго еще над растревоженным океаном кружились в воздухе и кричали птицы, в тоске разыскивая своего пропавшего владыку.

Осушив весла, с полощущимися парусами вельботы за-мерли на месте, ожидая, когда Моби Дик снова появится на поверхности.

Ахав неподвижно стоял на корме своего вельбота, и только его безумные глаза бешено вращались, ощупывая пристальным взглядом поверхность океана.

Ветер окреп, и волны становились все тяже-

лее.

Вдруг птицы, все еще кружившиеся над тем местом, где кит ушел под воду, потянулись одна за другой к вельботу Ахава и стали носиться вокруг него, издавая нетерпеливые и радостные крики. Они видели лучше, чем человек. Ахав перегнулся через борт и стал вглядываться в зеленый мрак бездны. Сначала он разглядел там только белое пятно, размерами не более песца; пятно стремительно росло и приближалось к поверхности, и скоро уже можно было различить два длинных ряда белых сверкающих зубов и хищную скошенную челюсть. Моби Дик всплывал прямо под днищем вельбота, широко разинув пасть, которая зияла в голубоватой тени океана, как мраморный склеп. Широким взмахом кормового весла Ахав отбросил вельбот в сторону, затем, поменявшись местами с Федаллой, встал на носу и, схватив свой гарпун, приказал матросам взяться за весла.

Развернувшись от взмаха кормового весла, вельбот теперь был повернут носом к тому месту, где должен был выплыть Белый Кит. Но тот, точно разгадав намерения Ахава, чуть изменил направление и, всплывая, прошелся своей морщинистой головой прямо по днищу лодки.

Вельбот затрепетал, содрогаясь каждой доской, каждым шпангоутом, когда злобное чудовище, перевернувшись на спину и раскрыв пасть, как нападающая акула, стало втягивать в себя лодку, скрежеща зубами о доски, так что его хищная перекошенная челюсть оказалась над головой Ахава, будто голубоватая перламутровая крыша. Иногда Белый Кит стискивал свои длинные изогнутые зубы и, точно жестокий кот, лениво играющий пойманным мышонком, слегка потряхивал дощатое суденышко. Матросы, толкая друг друга, в панике бросились на корму, где неподвижно стоял Федалла, скрестив на груди руки и без страха глядя перед собой.

Так забавлялся Моби Дик обреченным вельботом, оставаясь при этом совершенно неуязвимым, потому что его белая туша была погружена в воду и недосягаема для китобоев, беспомощно теснившихся в его пасти; команды двух других вельботов, не зная, как помочь гибнущим, с ужасом ожидали страшного исхода этой неравной битвы. И вот тогда разъяренный Ахав, оказавшийся прямо в пасти своего ненавистного врага, голыми руками уперся в голубоватую челюсть у себя над головой, пытаясь разжать смертельные тиски. Но сил у него не хватило, грозный свод над

головой надвинулся ниже, раздался треск, борта проломились, обе челюсти сомкнулись и жуткая пасть захлопнулась, перекусив вельбот пополам. Лодка развалилась на две части, и волны отнесли носовую часть от кормовой, вокруг которой плавали матросы, хватаясь за весла и обломки, чтобы удержаться на воде.

В тот момент, предшествовавший гибели вельбота, когда Ахав, пытаясь ослабить смертельную хватку китовых челю-стей, уперся изо всех сил в голубоватый свод верхней челюсти, вельбот внезапно накренился, и Ахав неожиданно вылетел за борт и лицом вниз упал на воду.

Расправившись с лодкой, Моби Дик поднял над водой свою белую морщинистую голову и, медленно поводя хвостом, оглядывал поле боя сквозь клокочущую пену разыгравшихся волн, шумно бившихся об его изрезанный лоб. Затем, снова опустив голову, он принялся описывать вокруг несчастных китобоев стремительные круги, вспенивая воду быстрыми ударами хвоста, как бы готовясь к новой, еще более ужасной атаке. Вид разбитого вельбота и перепуганных людей приводил его в ярость. Между тем Ахав, едва не захлебнувшись в воронке, оставленной чудовищным ударом беспощадного хвоста, с тру-

дом держался на поверхности. Неподвижными мертвыми глазами смотрел на него с обломков вельбота Федалла. И другие матросы не могли ему помочь, не зная, как им спастись самим. Неповрежденные вельботы, оставаясь невдалеке от кипящего водоворота, не решались приблизиться к нему, так ужасен был вид Белого Кита, описывающего яростные круги на гибельной арене, центром которой была голова старого капитана.

Однако мачтовые дозорные «Пекода» все это время не спускали глаз с вельботов, и теперь, обрасопив реи, корабль быстро приближался к месту катастрофы. Скоро он подошел так близко, что Ахав окликнул его прямо из воды:

— Курс на… — но тут могучий вал захлестнул его, и, только выбравшись на гребень следующего вала, он продолжал: — Курс на кита. Гоните его!

«Лекод» прорвал заколдованный круг и оттеснил Моби Дика от его жертв. Кит мрачно поплыл прочь, а вельботы устремились на помощь потерпевшим крушение.

Ахава втащили в лодку Стабба. Глаза его помутились, в морщинах осела морская соль. Сказалось длительное напря-жение всех сил: старик безвольно опустился на дно вельбота и замер в жалкой позе охотника, затоптанного

буйволом. Глухой, еле слышный стон вырвался из его груди, точно слабый крик, донесшийся со дна глубокого ущелья.

Впрочем, обморок Ахава был краток. Великие сердца за одно мгновение переживают всю ту боль, которая другим, более слабым душам бывает милосердно растянута на многие десятилетия. Ахав очнулся.

— Где мой гарпун? — промолвил он, поднявшись на локте. — Он цел?

— Да, сэр, его ведь не метали, — ответил Стабб, показывая капитану гарпун. — Вот он.

— Положи его рядом со мной, Стабб. Люди все живы?

— Один, два, три, четыре, пять… У вас было пятеро гребцов, и все пятеро здесь.

— Это хорошо. Помоги-ка мне встать, дружище. Так, так. Вон он, я вижу его! Вон! Вон! Уходит по ветру. Ну и фонтан! Руки прочь от меня! Вечные соки жизни снова бурлят в костях Ахава! Ставьте парус. За весла! Руль!

Обычно, когда какой-нибудь вельбот подбирает экипаж разбитой шлюпки, спасенные гребцы присоединяются к своим спасителям и погоня продолжается, как говорят, на двойных веслах. Так поступили и теперь. Но все же умноженная

сила гребцов не могла сравниться с умноженной силой кита— он шел, по-видимому, на тройных плавниках, ясно давая понять, что дальнейшая погоня ни к чему не приведет. Тогда Ахав решил продолжить преследование на «Пекоде». Оба целых вельбота и обломки разбитого были подняты на палубу, и «Пекод», взгромоздив на мачты все паруса, ширококрылый, точно альбатрос, помчался по ветру вслед за Моби Диком. Через положенные промежутки времени кит пускал сверкающие фонтаны, а когда с мачт сообщали, что он нырнул, Ахав засекал время, и лишь только истекали отпущенные кашалоту шестьдесят минут, окликал дозорных: «Ну, чей теперь дублон? Видите вы кита?» И если те отвечали отрицательно, он немедленно приказывал поднять его наверх.

Так прошел день: Ахав то неподвижно сидел в своей корзине, то безостановочно шагал по палубе, окликая дозорных или приказывая матросам подтянуть паруса и развернуть их пошире, чтобы они лучше наполнялись ветром.

И всякий раз, проходя мимо обломков своего вельбота, он мрачно поглядывал на них. Наконец он остановился перед ними и, как порой на сумрачное небо, затянутое облаками, набегает

черная грозовая туча, так на угрюмое чело старика легла новая тень.

Стабб видел, где остановился Ахав, и, желая показать, что дух его не сломлен первым поражением и капитан по- прежнему может полагаться на своего доблестного помощника, подошел к остаткам шлюпки и воскликнул:

— Итак, осел не смог сожрать чертополох — колючки искололи ему пасть. Ха, ха, сэр!

— Кто этот бездушный, что смеется над обломками крушения? — мрачно ответил Ахав. — Ни стон, ни смех не должны звучать перед обломками крушения!

— Да, сэр! — сказал Старбек, подойдя к ним, — печальное зрелище! Быть может, это еще одно предостережение свыше.

— Предостережение? Дай мне словарь — я не знаю такого слова! Когда богам приспичит говорить со мной, пусть говорят честно и прямо, а не намеками и приметами. Подите прочь. Эй, наверху! Вы видите его?

День угасал, и хотя тьма сгущалась, дозорные по-прежнему оставались на мачтах.

— Ничего не видно, сэр! Слишком темно! — раздался голос сверху.

— Каким курсом он шел в последний раз?

— Как и раньше, сэр, прямо по ветру!.

— Хорошо! Ночью он пойдет медленнее. Убрать бом-брамсели и брамсели, мистер Старбек. Мы не должны его обогнать. Может статься, он захочет отдохнуть. На руле! Держать судно в ветре! На мачтах! Спускайтесь вниз!.. Мистер Стабб, пошлите на фок-мачту свежего человека. — Он шагнул к золотой монете, прибитой к мачте. — Люди! Это золото мое, ибо я заслужил его. Но я оставлю его здесь до тех пор, пока Моби Дик не будет убит. Тогда монету получит тот, кто первым заметит Белого Кита в день его смерти. А если и в тот день первым замечу его я, то десятикратная стоимость золотого дублона будет разделена между всеми вами. Все! Расходитесь.

Он повернулся и пошел к трапу, ведущему вниз, в каюту, но спускаться не стал, а остановился у борта и простоял так до самого утра, лишь изредка поднимая голову и вслушиваясь в ночь.

Глава семьдесят первая
Погоня. День второй

Лишь только забрезжил рассвет, как трое матросов сменили одинокого дозорного на фок-мачте «Пекода».

— Ну что видите? — крикнул Ахав, когда немного посветлело.

— Нет, сэр! Ничего не видать.

— Всех наверх! Ставить все паруса! Он идет быстрее, чем я ожидал. Брамсели! Эх, не надо было спускать их на ночь. Но ничего, теперь мы его догоним.

Надо сказать, что во время промысла в южных морях китобои довольно часто предпринимают такую вот настойчивую погоню за одним определенным китом, и погоня эта длится иной раз несколько суток подряд, не прекращаясь и по ночам. Ибо таково удивительное искусство прирожденных мореходов Нантакета, что порой им достаточно лишь издали поглядеть на кита, чтобы довольно точно предсказать не только направление, в котором он будет спасаться от преследователей, но даже и приблизительную

скорость его бегства. Как лоцман, удаляясь от берега, держит в памяти всю линию побережья, чтобы в любое время иметь возможность точно сориентироваться в открытом море и пристать в назначенной гавани, так и опытный китобой безошибочно представляет себе в открытом океане путь невидимого кита. Он буквально читает написанное на воде с той же уверенностью, с какой лоцман читает написанное на карте. И как на земле мы с часами в руках высчитываем движение могучего «кита» на железных рельсах и уверенно заявляем, что он прибудет на такую-то железнодорожную станцию точно в такое-то время, и ни минутой позже, — так и гениальные нантакетские китобои, поглядев на небо, на флюгер, на часы, с такой же уверенностью говорят: «К восьми часам утра этот кашалот пройдет столько-то миль и мы встретимся с ним на таком-то градусе широты и долготы».

«Пекод» мчался по ветру, вспарывая волны, точно пушечное ядро, которое, миновав цель, вспахивает мирное поле.

— Клянусь пенькой и солью! — вскричал Стабб. — Наша палуба так гудит, что у меня сердце готово вылететь через

глотку и будто гарпун помчаться за Белым Ки-

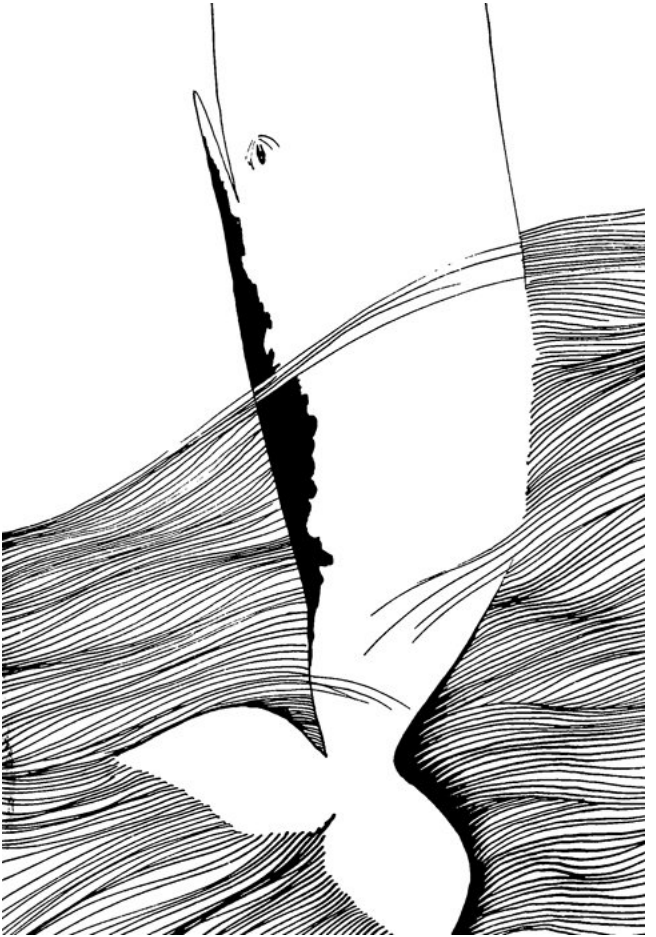
том! Ха, ха, ха! Мы с «Пекодом» бравые ребята! А ну-ка, мальчики, спускайте меня за борт — клянусь всеми заклепками, что я поплыву не хуже вельбота! Ха, ха, ха! Два загребных весла и пара кормовых — ну, чем не шлюпка?

С мачты разнесся голос:

— Фонтан! Фонтан! Прямо по носу!

— Вот, вот! — вопил Стабб. — Я так и знал, что ему не уйти от нас! Напрасно плюешься, братец, ничего тебе не поможет, ведь за тобой гонится сам дьявол! Дуй в свою дудку, надрывай селезенку, все равно Ахав выпустит в море твою кровь, как хозяйка сливает в яму ведро помоев!

Устами Стабба говорил весь экипаж «Пекода», ибо все матросы были охвачены охотничьим азартом, и страсти их кипели и пенились, как забродившее старое вино. Если до этого и оставались у кого-нибудь дурные предчувствия и за-таенные страхи, то теперь эта нечисть разбежалась врассыпную, как зайцы, заслышавшие топот бизона. Все сердца бились в едином ритме, воспламененные первой схваткой и неистовой погоней.



Как самые разные материалы — дуб и клен, сосна и пенька, железо, медь, деготь — соединились, чтобы составить корабль, так и самые разные люди — трусы и храбрецы, святые и безумцы, преступники, романтики и скупердяи — сплавились воедино, чтобы, объединенные могучей волей обреченного Ахава, безудержно стремиться к недостижимой цели.

Снасти ожили. Точно плоды и листья высоких пальм, свисали с мачт руки и ноги, торчали головы и шапки. Вот в воздухе висит матрос — он уцепился за стеньгу одной рукой и в страшном волнении размахивает ногами; а вон другой — прикрыв глаза от слепящего солнца, сидит на самом конце раскачивающейся реи. Ах, как им хочется поскорей увидеть своего убийцу!

— Что же все молчат? — спросил Ахав, когда, после первого крика дозорных, минута протекла в молчании. — Поднимите меня. Вы верно ошиблись: если вы видели один фонтан, то где же последующие?

Так и было. Обманутые собственным нетерпением, дозорные ошиблись и приняли за фонтан какой-то случайный всплеск. Но едва только Ахав поднялся на свой пост, едва успели закрепить его корзину, как новый восторженный вопль трид-

цати луженых глоток грянул со снастей, и опять первым был вопль Ахава. Ибо гораздо ближе вымышленного фонтана, меньше чем в миле от корабля, он увидел самого Моби Дика. Не тихим и безмятежным фонтаном объявил теперь Моби Дик о своем присутствии — всей тушей выскочил он из воды. Бывает, что кашалот, с огромной скоростью всплывая из глубин, вот так выскакивает высоко в воздух, взбивая гору ослепительной пены, которая точно львиная грива свисает с его головы и туловища.

— Выпрыгивает, выпрыгивает! — кричали люди, когда Белый Кит снова и снова взлетал к небесам, сияя белоснежной тушей на фоне голубого неба.

— В последний раз ты прыгаешь к солнцу, белый дьявол! — кричал Ахав. — Настал твой час, близка твоя смерть! Вниз! Все вниз! Пусть только один останется на фок-мачте! Вельботы! Вельботы к спуску!

Матросы, будто позабыв о существовании веревочных лестниц, посыпались на палубу.

— Спускайте! — скомандовал Ахав, как только очутился в запасной шлюпке, которая была оснащена для него еще с вечера. — Спускайте!.. Мистер Старбек, судно в твоем распоряжении.

Держись в стороне от вельботов, но все же не слишком далеко.

На этот раз, словно для того, чтобы нагнать на китобоев побольше страха, Моби Дик не стал ждать нападения, а напал первым. Развернувшись, он устремился навстречу трем вельботам. Ахав вел средний вельбот и, увидев мчащегося на него кита, принял решение встретить его лоб в лоб. Такой маневр применяется нередко, ибо на определенном расстоянии кит своими широко расставленными глазами ничего перед собой не видит. Но пока еще это расстояние достигнуто не было и кит отлично видел все три лодки. Почти мгновенно развив бешеную скорость, он кинулся на них, разинув пасть и нанося хвостом смертельные удары направо и налево. Гарпуны летели в него со всех сторон, но он не обращал на них внимания, как будто поглощенный одной-единственной целью — разнести вельботы в щепки и разбросать обломки по волнам. Однако искусным рулевым удавалось избежать столкновения: лодки безостановочно кружились и маневрировали, точно обученные кони на поле боя, и хотя то и дело оказывались на волосок от гибели, но снова и снова ускользали от противника. И все это время над океаном не смолкал неистовый,

нечеловеческий боевой клич Ахава.

Однако бесконечные маневры вельботов, так же, как и прыжки и броски кита, постепенно так натянули перепутанные лини трех гарпунов, вонзившихся в белую тушу, что теперь лодки, помимо воли их командиров, все ближе и ближе подтягивались к Моби Дику. Между тем он отплыл немного в сторону, как бы готовясь к новой яростной атаке, и вдруг рванулся в самую путаницу тросов, притянул вельботы Стаб- ба и Фласка к своему хвосту, с размаху ударил ими друг о друга и, нырнув, скрылся в кипящем водовороте. И еще долго в растревоженной воде кружились обломки пахучих кедровых досок.

Оба экипажа барахтались в море, хватаясь за бочонки из-под линя, за весла, банки и другие плавучие предметы. Фласк подскакивал на волнах, точно пустая бутылка, и повыше подтягивал ноги, опасаясь прожорливых акул. Стабб вопил что было сил, умоляя кого-нибудь опустить в море ложку и выловить его из этой тарелки на сухой стол или хотя бы на бутерброд. Ахав на своем вельботе кружил среди обломков, подбирая людей. И вдруг этот единственный целый вельбот, не тронутый противником, поднялся отвесно в воздух, как будто само небо притянуло

его к себе на невидимых тросах. Это Белый Кит, стрелой поднявшийся из глубины, ударил его снизу своим широким лбом. Вельбот перевернулся в воздухе, еще раз перевернулся, и еще раз, и наконец рухнул на воду кверху днищем. Ахаву и его команде пришлось выбираться из-под вельбота, как тюлени в часы прилива выбираются из береговых гротов.

Подбросив вельбот Ахава, Моби Дик теперь неподвижно лежал, отвернувшись от своих жертв и слегка поводя хвостом. Но всякий раз, когда сломанное весло или расколотая доска или просто большая щепка касалась его тела, он с раздражением поднимал хвост и сильно ударял им по назойливой деревяшке. И вскоре, словно убедившись в том, что дело сделано на славу, он потянулся и вновь неторопливо поплыл по ветру, как путешественник, отправляющийся в путь после непродолжительного отдыха.

С корабля, как и в первый раз, внимательно следили за ходом сражения. И снова «Пекод» подошел, чтобы спасти тонущих и подобрать обломки лодок, весла, пустые бочонки — все, что еще могло пригодиться. Среди трофеев были погнутые остроги, клубки перепутанных тросов, расщепленные весла и доски, вывихнутые ру-

ки, растянутые кисти, синяки и кровоподтеки, но и на этот раз никто не получил серьезного ранения.

Ахава нашли на большом обломке его лодки — он крепко вцепился в доски и казался не таким измученным, как в прошлый раз.

Но когда его подняли на палубу, люди на мгновение оцепенели, не сводя с него глаз: Старый Громобой, неустрашимый, неистовый Ахав покачнулся и ухватился за плечо Стар- бека, бросившегося ему на помощь. На месте костяной ноги капитана торчал короткий острый обломок.

— Да, Старбек, до чего же приятно опереться на чужое плечо. Жаль, что старый Ахав так редко это делал.

— Ай, ай, ай, — вздохнул плотник, подойдя поближе и рассматривая остатки костяной ноги Ахава. — Ободок не вы-держал, сэр! А ведь отличная была нога.

— Но, надеюсь, что ваши-то кости все целы, сэр? — участливо спросил Стабб.

— Целы? Разбиты в щепки, Стабб. Или ты думаешь, что эта кость была не моей? Да эта мертвая нога была мне дороже живой. Но и с разбитой костью Ахав остался невредим. И все равно ни

кашалоту, ни человеку, ни дьяволу не поколебать старого Ахава. Эй, вы, там, наверху! Какой курс?

— Прямо по ветру, сэр!

— Руль под ветер! Ставить все паруса! Снять запасные вельботы и оснастить их. Мистер Старбек, соберите на палубе экипажи всех вельботов.

— Позвольте прежде подвести вас к поручням, сэр.

— Ох-ох-ох! Как впивается в тело этот обломок. Проклятая судьба! Чтобы у такой несгибаемой души был такой жалкий помощник!

— Что, сэр?

— Это я не о тебе, Старбек. Я имею в виду свое тело. Дай-ка мне какую-нибудь палку, чтобы было обо что опереться. Давай собери матросов. Только я что-то не вижу… О, небо! Не может быть! Где же он?.. Живо, Старбек! Всех наверх!

Опасение капитана подтвердилось. Когда все выстроились на шканцах, Федаллы среди других не оказалось.

— Он, должно быть, запутался в… — начал было Стабб, но Ахав перебил его:

— Ах, что бы ты подавился, проклятый болтун! Ищите его! Ищите всюду — на мачтах, в кубрике, в трюмах…

Но Федаллу не нашли.

— Видать, и вправду, сэр, он запутался в вашем лине, — закончил свою мысль Стабб. — Мне показалось, что я видел, как его захлестнул линь и потянул за борт, только тогда я подумал, что, может быть, ошибаюсь…

— Мой линь! Мой линь! — повторил Ахав. — И нет Федаллы. Нет его. Нет. Что значит это крохотное словечко, похожее на стук молотка в крышку гроба? А где мой гарпун? Его тоже нет? Ищите его в этой куче щепок. Нет, не нашли? Что же я, глупец, спрашиваю: разве не моя рука метала этот закаленный в крови гарпун? Значит, он торчит в теле Белого Кита! Эй, наверху! Следите зорче, не спускайте с него глаз! Живо оснастить новые вельботы! Собрать весла! Гарпунщики! Где запасные гарпуны? Берите их. Поднять бом-брамсели! Следить за парусами! Эй, на руле! Держи по ветру, если дорожишь своей жизнью! Я десять раз обойду земной шар, если надо будет, прорублюсь сквозь всю нашу планету, но я убью его, убью, убью!

— О господи! — воскликнул Старбек. — Никогда не убить тебе его, старик, никогда! Довольно, молю тебя, довольно! Два дня погони, дважды разбитый вельбот, второй раз вырвана твоя нога — неужто тебе всего этого мало? Неужели мы

будем преследовать этого зловредного дьявола до тех пор, пока он всех нас не пустит на дно?

— Послушай меня, Старбек! С тех пор, как в твоих глазах я увидел свой далекий дом, я почувствовал к тебе неодолимую симпатию. Но во всем, что касается Белого Кита, ты должен быть покорен мне, как моя собственная рука, и так же, как она, беспрекословен! Ахав останется Ахавом, имей это в виду! Все, что теперь происходит, — предрешено. В этой истории у каждого из нас — особенная роль, и все мы — слуги судьбы… Встаньте вокруг меня, матросы! Кто перед вами? Старик, обрубок человека, стоящий на одной ноге и опирающийся на сломанную острогу. Но это лишь тело Ахава, а душа его не такова. Она имеет сотни ног, и она неуязвима. Пусть я кажусь вам прогнившей мачтой, которая вот-вот качнется под напором ветра и рухнет в море. Но знайте, что мачта эта стоит непоколебимо, и никакая буря ее не сломит. Верите вы в приметы? Тогда запомните: то, чему суждено утонуть, всплывает трижды, и только после третьего подъема идет на дно. Так будет и с Моби Диком. Два дня мы гонимся за ним, дважды всплывал он перед нами; теперь остался третий раз, третий день, завтрашний день. Убьем мы его, люди?

— Убьем! — было ему ответом.

Матросы разбрелись по палубе. Только Ахав не сдвинулся с места; он бормотал про себя: «Приметы, знаки, предо-стережения! То же самое мне говорил вчера Старбек возле разбитого вельбота. Я обругал его. Как смело и решительно я изгоняю из чужих сердец то, что сидит в моем собственном, как заноза. Федалла! Федалла! Где ты сейчас?.. Ты сам напророчил, что уйдешь впереди меня, но вскоре снова появишься и лишь тогда погибну я. И еще два катафалка — один, к которому не прикасалась рука плотника, другой — из леса, выросшего на американском берегу! Вот загадка, кто разрешит ее?»

Сгустились сумерки. Белый Кит по-прежнему уходил прямо по ветру.

Ночь прошла так же, как предыдущая. Только до самого рассвета переговаривались на палубе молотки и перешептывались точильные камни — при свете фонарей люди спешно оснащали новые вельботы и готовили к бою новое оружие. Из сломанного киля разбитого капитанского вельбота плотник сделал Ахаву новую ногу. А сам Ахав опять всю ночь простоял на палубе, нетерпеливо глядя туда, где во мраке плыл невидимый, но грозный Белый Кит.

Глава семьдесят вторая
Погоня. День третий

Настал новый день — третий день погони. Утро было тихое и ясное. И снова одинокого дозорного на фок-мачте сменили нетерпеливые матросы, усеявшие реи и снасти.

— Видите его? — кричал с палубы Ахав. — Нет? Нигде?.. Ничего, мы идем по следу, и это главное. На руле! Так держать! Курс тот же, что и вчера. Какой прекрасный день! Точно мир только что сотворен и еще не знает ни слез, ни горя… Ну, что там? Наверху? Видите? Нет?

— Нет, сэр!

— А уж пора бы, скоро полдень. Дублон опять остался без хозяина. Где же Моби Дик? Может быть, мы его перегнали, и теперь не мы гонимся за ним, а он гонится за нами? Конечно, этой ночью он должен был идти медленнее, ведь он тащит на себе все наши гарпуны. Эй, люди! Готовьтесь к повороту, спускайтесь вниз! Пусть на мачтах останутся только дозорные. К брасам!

«Пекод» сменил галс, и теперь мы плыли назад по своему следу, разрезая свою же собственную

кильватерную струю.

Ахав снова был поднят в корзине на вершину грот-мачты и впился взором в океан. Прошел час, томительный, как вечность. Само время затаило дыхание и настороженно следило за событиями. Но вот, наконец, прямо по ветру Ахав заметил далекий фонтан, и тотчас же трое дозорных испустили пронзительные вопли, взметнувшиеся к небу, точно языки пламени.

— Лоб в лоб встречаю я тебя на этот раз, Моби Дик!.. Эй, на брасах! Круче к ветру! Еще круче!.. Вот так! Хорошо. Как быстро мы с ним идем на сближение! Пора уж мне спускаться вниз. Дай-ка еще раз хорошенько погляжу на океан, — только на это и осталось у меня время: окинуть его взором. О океан! Ты ни на йоту не изменился с тех пор, как я, мальчишкой, впервые увидел тебя с нантакетского берега. Все такой же старый и все такой же молодой… Ну что ж! Прощай, океан, прощай, мачта; увижу ли я вас еще?.. В твоих трещинах, мачта, пророс мох. Состарились мы с тобой, мачта! Но все же еще крепки, не правда ли?.. А что это Федалла болтал, что он уйдет вперед, точно мой лоцман, а после я увижу его еще раз?.. Как же это я его еще раз увижу? Или для этого мне придется спуститься по тысячефутовой

лестнице на самое дно океана? Навряд ли. Что-то он напутал…

Прощай, моя мачта. Мы с тобой еще продолжим наш разговор завтра, нет… сегодня вечером, когда белая туша будет лежать у борта.

Он подал знак и соскользнул в своей корзине с голубой высоты вниз, на падубу.

Прозвучала команда, заскрипели блоки, вельботы стали опускаться на воду. Ахав, стоявший на корме своей шлюпки, внезапно обратился к Старбеку:

— В третий раз ты отправляешь меня в рейс.

— Да, сэр.

— Немало судов уходит из гаваней, Старбек, но не все они возвращаются назад.

— Это верно, сэр, такова прискорбная истина.

— Иные умирают в свирепую бурю, другие — в мертвый штиль, а я, Старбек, видно, умру, затянутый злобным водоворотом. Я стар. Дай твою руку, верный друг!

Их руки встретились. Глаза Старбека наполнились слезами.

— О капитан, мой капитан! Благородная душа!.. Остановись! Остановись! Ты видишь мои слезы? Это плачет храбрый человек. Но я прошу тебя…

— Вельбот на воду, живо! — крикнул Ахав,

оттолкнув Старбека. — На весла! — и мгновение спустя лодка Ахава уже огибала корму «Пекода».

В иллюминаторе капитанской каюты показалось лицо негритенка.

— Вернись, мой господин, вернись! — кричал Пип. — Там акулы! Акулы!

Но Ахав не услышал его, и лодка помчалась вперед.

Между тем Пип сказал правду. Едва лишь Ахав отошел от «Пекода», как из-под киля корабля поднялось множество акул, и, окружив шлюпку, они принялись злобно хватать весла зубами. Акулы нередко сопровождают китобоев на охоте, как иногда коршуны сопровождают в походе армии, но за весь рейс «Пекода» это были первые акулы, которые напали на шлюпку, причем, пропустив беспрепятственно вельботы Стабба и Фласка, они сосредоточили всю свою хищную злобу только на лодке Ахава.

— Его сердце отлито из стали, — проговорил Старбек, глядя вслед удаляющемуся капитану. — Ни акулы, ни слезы, ни любовь не остановят его. А ведь сегодня третий день охоты— что принесет он? Какое странное спокойствие вдруг овладело мной, — это, наверно, результат столь долгих страхов и сомнений. Будущее видится мне ясно

и отчетливо, словно белый скелет на черном небе. А прошлое уже затянуто какой-то дымкой. Мэри, девочка моя, ты осталась в этом далеком прошлом, позади, в бледном сиянии памяти. И ты, мой мальчик, мой голубоглазый сынок, уже не увидишь отца. Как странно отступили от меня все сложные вопросы, мучившие меня еще сегодня утром! Как будто тучи заслонили берег моей жизни. Неужели это конец? У меня подкашиваются ноги, слабеет сердце… Встряхнись, Старбек, ведь ты же мужчина! Действуй, кричи, приказывай! Эй, дозорные! Видите моего малыша на берегу?.. Боже, я, кажется, схожу с ума… Эй, дозорные! Следите за вельботами!.. Опять ястреб? Гоните его прочь! Он рвет… он срывает наш флаг! Он уносит его!.. Унес. Видишь ли ты, Ахав, что у нас на грот-мачте уже нет флага? О, Ахав! Что ты делаешь с нами!

Вельботы неслись навстречу Моби Дику. По условному жесту дозорного Ахав узнал, что кит ушел в глубину. Однако, желая оказаться ближе к нему, когда он всплывет, Ахав продолжал удаляться от корабля, командуя гребцами, которые в глубоком молчании равномерно поднимали и опускали весла, в лад с ритмичными ударами волн.

— Бейте, бейте, волны, в борт лодки, вколачивайте гвозди в этот гроб без крышки, — шептал про себя Ахав, — все равно я знаю, что у меня не будет ни гроба, ни катафалка. Ведь Федалла напророчил мне погибнуть от петли. Ха-ха!

Вдруг по воде вблизи вельбота пошли широкие круги, вода заволновалась, взбурлила, вспучилась горой и на поверхности показалась громадная белая туша, обвитая тросами и увешанная гарпунами и острогами. На мгновение она застыла в пелене брызг, а затем рухнула, оставив в воздухе лишь сияющую радугу. Всплески волн взметнулись высоко вверх и дождем посыпались вниз, покрыв поверхность океана молочной пеной.

— Навались! — закричал Ахав, и вельбот ринулся в атаку.

Но Моби Дик не стал ждать нападения. Потрясая гарпунами и острогами, он первым бросился на китобоев. Широким лбом он опрокинул лодки Стабба и Фласка, проломил в них борта и днища и раскидал все своим грозным хвостом. И только вельбот Ахава остался совершенно невредимым.

И вот в то время, как очутившиеся в воде командиры и матросы поспешно перевертывали свои лодки и, заткнув чем попало пробоины,

вычерпывали воду, Моби Дик поплыл прочь, повернувшись к ним боком. И в этот момент ужасный крик огласил воздух: распластанный на белой туше, прикрученный к ней перепутанными линями, проплывал мимо потрясенных китобоев растерзанный труп Федаллы. Одежда его была изодрана в клочья, а вылезшие из орбит глаза смотрели прямо на Ахава.

Гарпун выпал из руки капитана.

— Вот ты где, Федалла! Опять ты явился ко мне! Да, ты не обманул меня, мой лоцман: ты ушел впереди меня и показываешь мне путь. И вот он, вот он, катафалк, к которому не прикасалась рука плотника. Но что же будет дальше? Где второй катафалк, сколоченный из леса, выросшего в Америке?.. Стабб, Фласк, гребите к кораблю. Ваши вельботы не пригодны для охоты. Исправьте их и, если успеете, возвращайтесь обратно, на помощь мне. А если будет уже поздно, то… но что ж, довольно будет смерти одного Ахава… Назад, негодяй! В первого, кто выпрыгнет из моего вельбота, я всажу гарпун! Вы, мои гребцы, больше не люди, вы — мои руки, и потому у вас нет ни своей воли, ни своих желаний, вы будете делать только то, что я прикажу. Ясно? Где же Моби Дик? Опять нырнул?

Но Ахав не видел кита, потому что искал его вблизи лодки, а Моби Дик уже отплыл далеко; он продолжал идти своим курсом, словно спеша унести подальше распятое на нем тело Федаллы. Он уже миновал корабль, все еще шедший ему навстречу, и, постепенно прибавляя ходу, все быстрее и быстрее мчался куда-то своей дорогой.

— Ахав! О Ахав! — закричал с корабля Старбек. — Гляди, Моби Дик не хочет с тобой драться. Он уходит от тебя. Это ты, только ты жаждешь бессмысленного убийства. Вернись на корабль, пока не поздно, капитан!

Но Ахав не слышал его слов, да если бы и слышал, то не внял бы этой мольбе. Он приказал поставить парус, и его одинокая лодчонка, движимая ветром и веслами, понеслась вдогонку за китом. Когда она пролетала мимо «Пекода» так близко, что было видно лицо Старбека, Ахав окликнул своего помощника и велел ему развернуть судно и следовать за шлюпкой.

На палубе матросы усердно чинили вельботы, Стабб и Фласк разбирали связки новых гарпунов и острог, гарпунщики — Дэггу, Квикег и Тэштиго — уже вскарабкались на мачты и следили за уходящим китом. Увидев, что на грот- мачте нет флага, Ахав крикнул Тэштиго, чтобы тот прибил

новый флаг.

Между тем Белый Кит сбавил ход. То ли сказалась усталость от трехдневной гонки, то ли ему мешали плыть опутавшие его лини и застрявшие в нем гарпуны и остроги, то ли коварное животное осуществляло какой-то злобный замысел, но только вельбот Ахава стал быстро настигать его. Акулы по-прежнему неотступно преследовали лодку и хватали своими хищными зубами весла, грызя их, словно собираясь превратить в щепки.

— Грызите, грызите! — говорил Ахав. — Резные весла ничем не хуже любых других. Навалитесь сильнее, люди! Легче грести, отталкиваясь от акульих зубов, чем от зыбкой воды.

— Но весла становятся все тоньше, сэр!

— Ничего! На эту охоту их еще хватит. Навались!.. Но, как знать, — пробормотал он, — чьим мясом рассчитывают поживиться акулы — мясом Моби Дика или мясом Ахава? Впрочем, это не так уж важно. — И снова громко: — Навались! Сильнее! Вот так! Мы уже близко! Возьмите руль. Дайте-ка мне пройти вперед.

Двое матросов помогли капитану пробраться на нос мча-щегося вельбота. И вот стремительная лодка настигла Моби Дика. Ахав едва не задохнулся в облаке горячего тумана, когда, откинувшись

назад и собрав все свои силы, он послал в ненавистную белизну пылающий гарпун и огненное проклятие. Сталь вонзилась в тушу по самую рукоятку. Кит вздрогнул, дернулся, навалился боком на борт шлюпки и, не сделав в ней ни единой пробоины, так резко подкинул ее в воздух, что, не держись Ахав за планшир, он снова очутился бы в воде. Трое матросов оказались не такими удачливыми, как капитан, и вылетели из вельбота, однако двое успели ухватиться за планшир, и набежавшая волна бросила их обратно в лодку, и только третий, беспомощно размахивая руками, остался за кормой.

Белый Кит тотчас ринулся прочь, но лишь только Ахав крикнул рулевому, чтобы тот выбрал немного линя и закрепил его, лишь только приказал гребцам подтягивать лодку к противнику, как предательский линь лопнул, взметнувшись высоко в воздух.

— Ах, будто жила порвалась в моей руке! — воскликнул Ахав. — Весла на воду! Жмите! Жмите вовсю! Догоняйте!

Услышав крики Ахава и плеск весел, кит развернулся, чтобы встретить охотников лбом, но в это время заметил приближающийся к нему корпус «Пекода» и, разгадав, по- видимому, в

нем причину всех своих мучений, он устремился прямо на корабль, раскрыв свою свирепую пасть со скошенной хищной челюстью и яростно разбрызгивая пену.

Ахав пошатнулся и закрыл глаза рукой.

— О, лучше б я ослеп! — воскликнул он.

— Корабль! Корабль! Кит мчится на корабль! — в ужасе кричали матросы.

Ахав мгновенно овладел собой:

— Гребите! Гребите! Гребите изо всех сил! Быстрее! Не-ужели мы не спасем корабль!

Но, когда вельбот рванулся наперерез бьющим в упор волнам, его обшивка, треснувшая от удара Моби Дика, проломилась, и в следующую минуту вода хлынула в лодку и затопила ее по самые борта. Мечущиеся по колено в воде матросы принялись затыкать пробоины и вычерпывать воду. А в это время на корабле увидели мчащегося прямо на них кита.

Первым заметил опасность Тэштиго, который прибивал на верхушку мачты новый флаг. Удары его молотка смолкли, и свободный конец алого флага, трепещущий, словно сердце корабля, заструился по ветру.

Старбек и Стабб стояли у бушприта.

— Кит! Кит! — закричал Старбек, — Руль на

борт! О ветры небесные, помогите мне или дайте умереть как мужчине! Руль на борт, говорю тебе! Или ты не видишь этой дьявольской пасти?.. Вот он, конец! Такова награда за благочестие, благородство, мужество! О Ахав, Ахав, что ты наделал!.. Эй, на руле! Так держать! Тверже!.. Нет, нет, на борт круче! Круче, говорю! Вот он нацеливается на нас своим сокрушительным лбом. О господи, не оставь нас!

— И Стабба, господи, не оставь тоже, потому что и я здесь стою неподалеку, и если, господи, ты можешь защитить Старбека, то, право, тебе ничего не стоит защитить заодно и меня, — шептал Стабб. — Я вижу, что ты, — кит, слушая меня, ухмыляешься, видно, не веришь, что господь бог защитит гіас со Старбеком! Ну что ж, может, ты и прав, тогда, пожалуй, стоит ухмыльнуться и мне. Ухмылка никогда не вредила Стаббу. С ухмылкой он просыпался, с ухмылкой ложился спать, с ухмылкой отправится и на тот свет. Да, да, я ухмыляюсь тебе в глаза, ухмыляющийся убийца… А вы чего разинули рот, солнце, небо, облака? И не стыдно вам, что такого парня угробит эта зверюга? Вам наплевать! А все-таки я чокнулся бы с вами напоследок, если бы успел сбегать за кружкой. Но, пожалуй, уже не успеть… Отчего

ты не спасаешься бегством, Ахав? Я бы на твоем месте скинул башмаки, бушлат и даже брюки и хоть в одних подштанниках спасался бы от этого чертова кита! Правда, в подштанниках умирать холодно. Да, честно говоря, и в штанах-то умирать не жарко. Согреться бы сейчас стаканчиком рома…

Все замерло на палубе «Пекода». Матросы как завороженные глядели на приближающегося кита, который, зловеще потрясая своей яростной головой, гнал впереди себя пенящийся бурун.

Расплата, возмездие, вечная злоба мчались навстречу «Пекоду», и вот тяжелый белый таран с невероятной силойударил в правый борт корабля. И сквозь шум океана, сквозь свист ветра все услышали, как в пробоину хлынула вода.

— Корабль-катафалк! — закричал из своего вельбота Ахав. — Вот он, корабль-катафалк, сколоченный из американского леса!

Нырнув под быстро оседающий корабль, Белый Кит проплыл у него под килем, и тонущее судно задрожало в предсмертной агонии. Потом кит снова вынырнул на поверхность и, оказавшись в нескольких ярдах от полузатопленной лодки Ахава, замер, покачиваясь на волнах.

Ахав стоял в полный рост, по колено в воде, глядя на гибнущий корабль.

— О мой старый корабль! О мои стройные мачты! О мой острый киль! О мой крепкий корпус! О моя звонкая палуба! О мой верный руль! Неужто я лишен даже права погибнуть на своем корабле, как пристало капитану! О жизнь, что дала ты мне, кроме страданий? Вот корабль, который был мне домом — он идет ко дну! Вот океан, который я любил — он несет мне гибель! Вот детище океана, Белый Кит, которого я должен уничтожить — он готов нанести мне последний удар. Но ты

не одолеешь меня, Белый Кит! Пусть уничтожен мой корабль, почти уничтожен я сам, а ты цел и невредим, но все равно последний удар нанесу тебе я! Последний удар! Вот такой!

И гарпун Ахава вонзился в белый горб.

Кит рванулся. Линь заскользил в желобе с воспламеняющейся скоростью и вдруг за что-то зацепился. Ахав на-гнулся, чтобы освободить натянутый пеньковый трос, и он освободил его, но стремительно взлетевшая петля об-вилась вокруг шеи капитана и беззвучно унесла его за борт.

В этот момент раздался чей-то крик:

— Корабль! О боже, где наш корабль?

Там, где только что горделиво и величественно колыхался на волнах «Пекод», теперь виднелись лишь едва заметные верхушки трех мачт, и на них, прикованные долгом, страхом или безумием, не покинувшие своих постов неизменные дозорные — Квикег, Тэштиго, Дэггу.

Но вот все расширяющиеся круги водоворота, поглотившего корабль, достигли и последней шлюпки, и она тоже завертелась в громадной воронке вместе со щепками, ящиками, бочонками, веслами и цепляющимися за них людьми, пытающимися удержаться на поверхности.

И когда волны уже сомкнулись над кораблем

и только верхушка мачты виднелась над водой вместе с мокрым полотнищем алого флага, взметнулась вверх рука Тэштиго, и неожиданно взлетевший молоток снова ударил по мачте, прочнее закрепляя на ней обреченное знамя. В ту же секунду угрюмый белый бурун вскипел над знаменем, и океан окончательно похоронил все, что некогда было «Пекодом».

И великий саван океана навсегда покрыл эту могилу, и волны катились невозмутимо и равнодушно, как и тысячу лет назад.

Эпилог

Драма сыграна. Почему же кто-то снова выходит на сцену?

Потому что один все-таки спасся.

Случилось так, что после исчезновения Федаллы я занял его место в вельботе Ахава. Я был одним из трех матросов, которых Моби Дик в последний день выбросил из вельбота, и это я остался за кормой, когда двое моих товарищей вернулись в шлюпку. Я видел, как тонул корабль. Постепенно и до меня дошли засасывающие кольца водоворота и медленно, очень медленно меня потянуло к центру воронки. Но, когда я достиг его, громадный пузырь воздуха вдруг вырвался на поверхность и вслед за ним, освобожденный в глубине хитроумной пру-жиной, всплыл гроб Квикега. Он перевернулся в воздухе и упал возле меня.

Весь день и последовавшую за ним ночь я плавал на этом гробу по траурным волнам. Акулы скользили мимо меня, не причиняя мне ни малейшего вреда, словно у каждой на пасти висел замок. Хищные морские ястребы парили в возду-

хе, сомкнув клювы в знак перемирия. На второй день я увидел парус, который быстро приближался ко мне. Это была без-утешная «Рахиль». Она не нашла своих пропавших сыновей, но нашла сироту Измаила.